

Г.М. Поленков, Б.В. Юрьев

**П Е Р В Ы Й
Р А К Е Т Н Ы Й
К О М Б Р И Г**

(Военно-исторический очерк)

АННОТАЦИЯ.

Военно-исторический очерк посвящён советскому военачальнику времён Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), прошедшему её от начала до конца и который завершил её тем, что в 1946 году в соответствии со специальным Постановлением Совета Министров СССР за № 1017-419сс сформировал на территории Германии первое ракетное соединение – бригаду особого назначения резерва Верховного Главнокомандования (БОН РВГК).

В задачи этой бригады входило:

- _ сбор трофейной немецкой ракетной техники (главным образом, ФАУ-2) на территории Германии и Польши;
- _ перевод с немецкого на русский язык всей технической документации и инструкций на ракету;
- _ изучение теории и технологии пусков баллистических ракет;
- _ отправка образцов ракет и документации в Советский Союз;
- _ осуществление пусков немецких, а затем и первых советских ракет с полигона Капустин Яр.

Все эти задачи были блестяще выполнены. Таким образом, рассказ ведётся о человеке, стоявшем у истоков освоения баллистических ракет большой дальности и создания Советских Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) генерал-майоре артиллерии Тверецком Александре Фёдоровиче.

Предисловие. **С этого начались Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).**

Жаль, что у истории нет сослагательного наклонения. Очень жаль, что у человечества нет машины времени и что нельзя вернуться в прошлое, чтобы лучше, правильнее понять события тех лет, чтобы прикоснуться к чему-то, к кому-то, выразив при этом благодарность или сочувствие.

История человечества – это чередование периодов прогресса и застоев, поступательного продвижения вперёд, а иногда и отката назад. И здесь ясно и неопровержимо одно – историю делают ЛИЧНОСТИ, великие, с большой буквы люди, личности и положительные, и отрицательные, но однозначно – незаурядные, выдающиеся из общего ряда фигуры. Именно они творят историю, меняя её облик и ход течения, оставляя в ней свой, разный по глубине след, по которому, как по проторённой дороге, следуют потомки. И особая роль принадлежит первопроходцам.

Рядом с этими выдающимися личностями всегда идут их сподвижники и оппоненты, без которых вряд ли было бы возможно претворить в жизнь и выполнить задумки, решить задачи, которые выдвинули, сформулировали корифеи в различных областях деятельности людей.

Любая, даже самая выдающаяся идея может умереть, если нет тех, кто, поверив в неё, подхватит, организует, выполнит, претворит, реализует в виде, удобном и понятном современникам, да и последующим поколениям.

Описывают же события, тем самым, как говорится, «пишут историю», как правило, обыкновенные люди, и пишут они, естественно, по-разному. Часто пишут, опираясь на память, иногда целиком и полностью ей доверяясь. При хорошем подходе к делу используют воспоминания очевидцев и опираются на кое-какие документы, факты.

К сожалению, в большинстве случаев описания не являются первичными, т.е. они опираются на уже ранее написанное. При этом добавляются ложные суждения, и таким образом, всё дальше отходят от истины, гипертрофируются и тиражируются искажения.

В этой связи описания одних и тех же событий, произошедшими там, за гранью прошедших лет, десятилетий веков получаются разными, не очень похожими друг на друга, иногда диаметрально противоположными. Совсем плохо обстоит дело, если пишут в угоду кому-то или выпячивают, восхваляют собственную персону, что, бесспорно, деформирует историческую справедливость. Нарушается чёткое, подлинное отношение к ЛИЧНОСТИ, творившей на определённом развитии общества. В результате этого многие из них остаются в исторической тени, хотя их дела были яркими, и они сыграли немаловажную иногда определяющую роль в истории государства в различные периоды времени.

Мы хотим рассказать об одной из таких ЛИЧНОСТЕЙ, о человеке, оставившем свой довольно-таки глубокий след в истории развития ракетного оружия, стоявшем у истоков его практического освоения и боевого применения. Кроме того, им внесена немалая лепта в подготовку первых боевых документов по применению этого оружия и в дело подготовки военных специалистов в

этой области – офицеров-ракетчиков.

Основой всего послевоенной ракетно-космической истории в нашей стране являлась группа «Нордхаузен» и бригада особого назначения (БОН) РВГК, которыми и руководил боевой генерал реактивной артиллерии, прошедший с боями всю Великую Отечественную войну.

КОМБРИГ, КОМДИВ, КОМКОР, КОМАНДАРМ....

Эти слова-сокращения ухом человека XXI века воспринимаются как-то не совсем обычно, не очень понятно и даже вычурно. Однако в прошлом столетии, особенно в период Гражданской войны в России и, конечно же, в годы становления Красной Армии, вооружённого противостояния Советского Союза фашистской Германии (1941-1945), приведённые выше аббревиатуры не вызывали ни удивления, ни отторжения.

Языки всех народов мира имеют естественное стремление к удобству в произношении слов, фраз, оборотов. Русский язык, в этом смысле, не является исключением. Вот поэтому слова КОМБРИГ (командир бригады), КОМДИВ (командир дивизии), КОМКОР (командир корпуса), КОМАНДАРМ (командующий армией) довольно быстро прижились. Они, что говорится, вошли в обиход и без натужности, совершенно спокойно использовались в устной и письменной форме общения как штатскими, так и, естественно, военными людьми.

В армейской среде эти термины сохранились и применяются до сих пор, правда, слышатся они всё реже и реже. Не в этом, понятное дело, суть. Главное то, что всем ясно, о ком и о чём идёт речь.

Взглянув на название нашего военно-исторического очерка, остановимся на слове ПЕРВЫЙ. Оно любому словосочетанию придаёт значимость, вес и особое уважение. ПЕРВЫЙ исследователь, землепроходец, космонавт, ваятель, открыватель, маршал.... Звучит! Не правда ли? Звучит с оттенком гордости, пиетета. Действительно, быть первым – это, хоть и трудно, но при успешном завершении предприятия – исключительно почётно, престижно.

Всё это в полной мере относится и к герою предлагаемого вам очерка генерал-майору Александру Фёдоровичу Тверецкому.

Слово РАКЕТНЫЙ в названии нашего повествования говорит о том, что поле деятельности его героя – это исток и начало создания Ракетных войск стратегического назначения, и оно вызывает у многих читателей, в том числе и у ракетчиков, вопрос: «Что являлось основой этого начала»? Откроем страницу истории нашего отечества и остановимся на периоде завершения второй мировой войны. Итак, мы в 1945-1946 годах. Тогда официально, т.е. де-юре, ракетных бригад в составе Вооружённых Сил Советского Союза не значилось, да и ракет, как таковых, ещё не было. Но по специальному Постановлению Совета Министров СССР № 1017-419сс от 13 мая 1946 года «Вопросы реактивного вооружения», подписанного Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным, они начали создаваться. В принципе-то, с этого и началось **создание** Ракетных войск стратегического назначения. Мы выделили слово «создание», желая этим самым обратить внимание на дату начала их строительства. Этой датой является именно – **13.05.1946 г.**

В Постановлении Совмина СССР указывались Министерства, ведомства, предприятия, институты, а также персонально конкретные люди, ответственные за выполнение государственной значимости дела. Естественно, что военные структуры в стороне не остались.

В частности, пункт 16 Постановления предписывал:

«Поручить Министерству Вооружённых Сил СССР (товарищу Булганину) сформировать в Германии специальную артиллерийскую часть для освоения, подготовки и пуска ракет типа ФАУ-2».

Во исполнение данного пункта Постановления Генеральный штаб ВС СССР издал Директиву, которая чётко определила задачи, сроки, структуру и ответственных лиц за освоение, подготовку и пуск ракет типа ФАУ-2.

Оставалось подыскать кандидатуру на должность командира первого, скажем так, специального ракетного соединения, которое, впоследствии, как и подобные ему сформированные части, стало именоваться бригадой особого назначения резерва Верховного Главнокомандования (БОН РВГК).

У руководства Министерства обороны разногласий не было. Командиром назначили Александра Фёдоровича Тверецкого, волевого, проверенного в боях генерала, прошедшего Великую Отечественную войну, командуя оперативными группами армий и фронтов и соединениями гвардейских миномётов.

Так в 1946 году был заложен первый камень в основание фундамента создания Ракетных войск стратегического назначения.

Касаясь этой темы, очень точно высказался Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, заместитель Главного командующего РВСН по эксплуатации ракетного вооружения (1973-1989), доктор технических наук генерал-полковник Георгий Николаевич Малиновский. В своей книге мемуаров «Записки ракетчика» (ЦИПК РВСН, 1985) он пишет:

«История создания ракетного оружия, подготовки кадров и ряд других важных моментов не обойдено вниманием современников, но роль 1946-1959 годов в разработке основ боевого применения, и совершенствовании системы эксплуатации ракетного вооружения принижена и в какой-то степени даже искажена.

Мне могут возразить, сказав, что бригады, их к 1955 году стало семь, были вооружены подвижными ракетными комплексами средней дальности, а основу в созданном новом виде Вооружённых Сил составили стационарные межконтинентальные ракеты. Да, это так.

Однако опыт бригад отразился на деятельности кадров старшего звена руководства будущих Ракетных войск, так как многие из офицеров в этот эшелон управления были выдвинуты из бригад. Умелое использование опыта первых ракетных бригад, насыщенного самыми различными оперативными задачами и опытными учениями, позволяло грамотно и в короткие сроки разрабатывать тактико-технические требования и задания для создаваемых

вновь ракетных комплексов, учитывая, разумеется, обновлённые принципы их боевого применения.

... Успешному формированию ракетных соединений и частей, освоению ими ракетного оружия во многом способствовал и огромный фронтовой опыт, которым обладали офицеры и генералы этих частей. Практически все они, начиная от командиров батарей и выше, являлись участниками Великой Отечественной войны. Это был, прежде всего, опыт ствольной артиллерии и гвардейских миномётных частей».

Последний абзац, взятый из воспоминаний Г.Н. Малиновского, без купюр и натяжек применим и к герою нашего военно-исторического очерка гвардии генерал-майору Александру Фёдоровичу Тверецкому, прошедшему через всю войну, командуя, как мы уже говорили выше, войсковыми структурами знаменитых «катюш». Об этом будет рассказано в первой главе предлагаемого вам очерка, а сейчас мы предоставим слово ещё одному славному ракетчику, сражавшемуся на фронтах Великой Отечественной войны в качестве артиллериста, а с 1960 по 1974 год занимавшему должность заместителя начальника Главного штаба РВСН генерал-лейтенанту А.Ф. Пануеву. Он вспоминает: *«Грозной силой в годы войны стали боевые машины БМ-13 со 130-мм осколочно-фугасным зарядом для поражения живой силы противника, как и БМ-31-12 с 300-мм фугасными снарядами М-30 и М-31, использовавшихся для разрушения оборонительных сооружений.*

Почти две сотни дивизий, бригад, полков и отдельных дивизионов, вооружённых легендарными «катюшами», громили противника. Среди них был и один из лучших полков – 92 гвардейский миномётный Гомельский ордена Ленина, Краснознамённый, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого полк. Он участвовал в боях под Сталинградом, в Курской битве, освобождении Белоруссии, а завершил боевые действия на территории Германии. И вполне логичным стал его переход от реактивной артиллерии, «катюш», к новому оружию – баллистическим ракетам. Полк переформировался и под командованием гвардии генерал-майора А.Ф. Тверецкого всего за два с половиной месяца развернулся, превратившись в бригаду особого назначения, которая и стала прологом создания РВСН».

Как говорится, ничего ни убавишь и ни прибавишь. Всё чётко и точно. Соединение генерал-майора Александра Фёдоровича Тверецкого, к которому в течение последующих девяти лет добавилось ещё шесть ему подобных, уже сформированных на территории Советского Союза, стали основным костяком Ракетных войск стратегического назначения, начавших **создаваться** уже тогда, сразу по окончании Великой Отечественной войны.

Слово «создаваться» мы снова выделили, акцентировав этим внимание читателей на том, что де-факто РВСН начали строиться уже в 1946 году, а не в 1959-ом. Многие же, включая даже ракетчиков, связывают это с датой 17 декабря 1959 года, т.е. днём подписания Постановления Совета Министров

СССР № 1384-615сс о выделении ракетных частей в самостоятельный вид ВС Советского Союза. Конечно же, это не так.

Да, **формироваться** РВСН как вид ВС начали с декабря 1959 года, но это означает, лишь то, что стали образовываться новые структуры для управления видом ВС и новые штатные структуры соединений – ракетных дивизий и корпусов, а впоследствии – ракетных армий (РА). Первые из них были сформированы на базе как раз тех самых семи БОН РВГК.

Однако большой, очень ценный опыт эксплуатации и боевого применения ракет пришёл из 1946-1959 годов, т.е. из периода существования первых ракетных бригад. Таким образом, повторимся, создание Ракетных войск стратегического назначения, во всяком случае, начального его этапа, приходится именно на те 13 лет тяжелейшего времени в истории СССР, когда он поднимался после самой страшной войны, через которую когда-либо проходило человечество.

Многие города европейской части страны лежали в руинах. Деревни и сёла сожжены. Транспортная сеть разрушена. Связь, практически, выведена из строя полностью. Производство продуктов и промышленных товаров упало почти, что до нуля. Число погибших и убитых в течение 1941-1945 годов составило **26 миллионов(!)** человек. Зимой 1946-1947 годов советские люди пережили страшный голод. Куда уж, как говорится, хуже-то?

Все силы и средства были брошены на восстановление разрушенного народного хозяйства, однако ни на минуту нельзя было забывать про острую необходимость укрепления обороноспособности государства. Правительство это видело, люди ко всем мероприятиям, направленным на усиление мощи армии, относились с пониманием: подтягивали пояса и трудились во все лопатки.

Тем, кто служил в то время в армии, было, мягко скажем, нелегко, но фронтовики не унывали и даже шутили, говоря: «Война кончилась, война продолжается», однако «службу правили» строго по Уставу. Распоряжения и приказы исполняли, не ссылаясь на тяготы и лишения. Так было и в период формирования Ракетных войск стратегического назначения.

РВСН были созданы, жизнь и служба продолжились.

Однако давайте вернёмся к первому периоду создания Ракетных войск, т.е. к 1946-1959 годам. Мы хотим завершить разговор на эту тему, приведя небольшую таблицу, отображающую процесс создания и становления бригад особого назначения резерва Верховного Главнокомандования в те 13 лет.

А следом за ней намерены поместить фотографии семи первопроходцев в незнакомом до 1945-1946 годов ракетно-ядерном, затем и космическом, в тревожном по определению, виде Вооружённых Сил страны. С момента его создания не было ни минуты, когда бы он не находился на боевом дежурстве по обеспечению безопасности нашего государства. Иначе говоря, РВСН постоянно пребывают в самом настоящем «тревожном» состоянии.

Люди, о которых идёт речь – это первые командиры тех семи ракетных соединений, бригад особого назначения, заложивших фундамент строительства РВСН – самого грозного и надёжного с вида наших вооружённых сил.

Об этих первопроходцах современные ракетчики, практически, ничего и не знают, хотя все они, как в подобных случаях говорят, достойнейшие сыны Отечества. Прошли горнила Великой Отечественной войны в качестве самых её активнейших участников, заслужили в тяжёлых боях и походах почётные звания славных гвардейцев, имеют много боевых орденов и медалей, число которых значительно пополнилось уже и в мирное, но страшно напряжённое, приближённое к военному, время создания Ракетных войск стратегического назначения. Их вклад в это дело поистине бесценен. Полистав «Словарь Ракетных войск» (Москва, 1999), находим в нём две небольшие статейки, посвящённые А.Ф. Тверецкому и М.Г. Григорьеву, а об остальных ничегошеньки нет. В «Хронике Ракетных войск» 1994 и 2004 годов фамилии первых ракетных командиров лишь перечисляются в соответствии с событиями развития и становления РВСН. Здесь в истории Ракетных войск явное белое пятно. Правда, в 2005 году в свет вышла книга из серии ЖЗЛ о М.Г. Григорьеве (автор – Сухина Григорий Алексеевич).

Этого до обидного мало. Считаю, что каждый из той славной семёрки достоин того, чтобы о нём написали бы документальную повесть или военно-исторический очерк, одним словом, отдельную книгу. Не исключаем и того, что о них при желании вполне можно сделать документальный фильм. Верим, так и будет. Думается, что наш рассказ о Тверецком Александре Фёдоровиче несколько сузит белое пятно в истории РВСН.

<u>№№ п/п</u>	<u>Название бригады</u>	<u>Место и год формирования</u>	<u>Командиры</u>	<u>Места дислокации</u>	<u>Преимущества бригад (с 1960 г.)</u>
<u>1.</u>	<u>БОН РВГК, с декабря 1950 года 22-я БОН РВГК, с марта 1953 года – 72-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Германия, 1946</u>	<u>А.Ф. Тверецкий, В.М. Гумиров, В.Н. Иванов, А.И. Холопов.</u>	<u>Германия, Капустин Яр, с Медведь, г. Луга, Германия, Калининградская область</u>	<u>24-я ракетная дивизия РВСН (Калининградская область)</u>
<u>2.</u>	<u>23-я БОН РВГК, с марта 1953 г. – 73-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Капустин Яр, 1950</u>	<u>М.Г. Григорьев, Ф.П. Тонких, И.Ф. Диброва.</u>	<u>Капустин Яр, город Камышин, г. Коломыя.</u>	<u>44-я ракетная дивизия РВСН г. Коломыя</u>
<u>3.</u>	<u>54-я БОН РВГК, с марта 1953 г. – 85-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Капустин Яр, 1952</u>	<u>П.В. Колесников Л.С. Гарбуз, А.А. Колесов.</u>	<u>Капустин Яр</u>	<u>29-я ракетная дивизия РВСН, г. Шауляй, (Литва) г.. Иркутск</u>
<u>4.</u>	<u>56-я БОН РВГК, с марта 1953 г. – 90-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Капустин Яр, 1952</u>	<u>Т.Н. Небоженко, П.В. Колесников Г.Г. Лукашевич</u>	<u>Капустин Яр, г. Кременчуг Полтавской области</u>	<u>В 1958 году была передана в Сухопутные войска</u>
<u>5.</u>	<u>80-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Капустин Яр, 1953</u>	<u>М.М. Чумак, К.В. Герчик, В.И. Андриков, А.Н. Ладилов</u>	<u>Капустин Яр, с. Белокозовичи, Житомирская обл.</u>	<u>50-я ракетная дивизия РВСН, Житомирская обл.</u>
<u>6.</u>	<u>77-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Капустин Яр, 1953</u>	<u>М.Б. Шубный, Е.В. Бойчук, Г.Е. Гуменюк.</u>	<u>Капустин Яр, с. Белокозовичи, Житомирская обл.</u>	<u>В августе 1958 года были переданы в Сухопутные войска</u>
<u>7.</u>	<u>233-я инженерная бригада РВГК</u>	<u>Капустин Яр, 1955</u>	<u>А.К. Дидык</u>	<u>Капустин Яр, г. Клишцы, Брянская область</u>	<u>В августе 1958 года были переданы в Сухопутные войска</u>

верхний ряд: командир БОН РВГК – Александр Фёдорович. Тверецкий,
командир 23-ей БОН РВГК – Михаил Григорьевич Григорьев,
командир 54-ой БОН РВГК – Пётр Васильевич Колесников,
средний ряд: командир 56-ой БОН РВГК – Тихон Никитович Небоженко,
командир 77-ой инж. бригады – Михаил Ефремович Шубный,
командир 80-ой инж. бригады – Марк Маркович Чумак,
нижний ряд: командир 233-ей инж. бригады – Алексей Кондратьевич Дидык,

начальник ракетного полигона Капустин Яр – Василий Иванович Вознюк,
начальник космодрома Байконур – Алексей Иванович Нестеренко.

История развития ракетного оружия и войсковых структур, обеспечивающих эксплуатацию и боевое применение этого оружия, на наш взгляд, сегодня должна чётко обозначить роль этих замечательных людей, которые вынесли на своих плечах все тяготы прошедшей войны и вышли из неё победителями. Они без перерыва взяли на себя новую тяжёлую ношу – первопроходцев военных ракетчиков. Это было совершенно новое направление в истории развития средств вооружённой борьбы, пока никем неизведанное.

Глава 1. **Не так-то просто генералом стать,
ещё труднее чин сей оправдать.**

— Сашок, ты чего это такой насупленный и сердитый, да и лицо у тебя поцарапано? Что случилось? Какой недуг тебя сразил?

С такими вопросами обратился Фёдор Тверецкий к сынишке, только что вернувшемуся с прогулки. Ему, Саше Тверецкому, не исполнилось ещё и семи лет, но по улицам и дворам своего родного села Мусино, что в Яропольском земском управлении Волоколамского уезда Московской губернии, гулял, в основном, бегал, играя в войну, один, без наблюдения со стороны родителей. Сейчас он, действительно, был, как говорится, не в духе. Поэтому, наклонив голову вперёд, без особого желанья, но осознанно отвечал:

— Не недуг, а Колька Павлов меня сразил. У него ладная сабля. Ему отец из доски её выстругал. Он ей машет во все стороны и командует очень громко. Его генералом выбрали, а у меня была только маленькая палочка, и командовать я ещё не научился.

Саша помолчал немного и, вздохнув, продолжил:

— Его армия, ребята с левого берега, нас победили.

Отец, потрепав сына по голове, улыбаясь, сказал:

— Сабля – это не проблема. Я её сделаю тебе из дубовой доски. Будет она на загляденье, а вот командовать и стать генералом – дело, куда сложнее. Здесь зычного голоса да шашки – маловато. Чтобы быть настоящим генералом, нужно, это я тебе как земский учитель говорю, много и очень многому учиться. Потребуется упорство, настойчивость и, конечно же, храбрость. Вот тогда ты с пользой послужишь царю и отечеству.

Сын, глядя снизу вверх, твёрдо произнёс:

— Я хочу быть, и буду генералом!

Ничего странного-то и не произошло: человеку ведь скоро стукнет семь годков – самое время задуматься о выборе дальнейшего жизненного пути.

Шёл 1911 год.

Стоявшая на крыльце мама Саша, Александра Александровна, тоже, как и её муж, земская учительница, лишь улыбалась, но при последних словах сына спустилась вниз и, погладив его по голове, сказала:

— Будешь, сынок, будешь, но, кроме всего, о чём говорил папа, тебе ещё потребуются сила и здоровье, а это достигается хорошим питанием. Поэтому, пойдём, умоемся и за стол: обед уже готов.

Все вместе они вошли в дом.

Саблю отец выстругал, и Саша уже с сознанием дела бегал по дворам, увлечённый, мальчишескими схватками, которые шли, конечно, с переменным успехом, однако предводителем правобережных мальчишек он стал, и теперь уже частенько доставалось и Кольке Павлову.

Отец, Фёдор Тверецкий, вскоре об этом разговоре с сыном и забыл, но Саша Тверецкий был своему слову верен. Мысль о генеральском звании его не покидала. Правда, поначалу его биография складывалась так, что о погонах думать, вроде бы, и не приходилось.

Свою учёбу он начал в 1914 году в Первой московской гимназии, где получил начальное образование.

Из воспоминаний Александра Фёдоровича Тверецкого:

— «Шла первая мировая война. К учёбе приступили 16 августа. Гимназия находилась на улице Волхонка в собственном здании, напротив храма Христа Спасителя. Здание это сохранилось до наших дней.

Очень хорошо помню директора гимназии Артура Августовича Грунау, русский язык и арифметику нам преподавал Николай Михайлович Стогов, а географию – Сергей Александрович Первухин. Так было вплоть до 1917 года.

Четыре года спустя, т.е. в 1918 году, я поступил в Ярополецкую школу второй ступени (восьмиклассное образование), которую окончил в 1922 году.

Процесс обучения шёл нормально. Не могу не вспомнить добрым словом некоторых преподавателей школы. Александр Фролович Русецкий – директор, он же преподаватель литературы и русского языка; Макар Сергеевич Холмогоров – математика, география; Сергей Ильич Пашковский (член РКП(б)) – история; Мария Карловна Вернандер – немецкий и французский языки; Мария Викентьевна Бурса – рисование и черчение; Пётр Васильевич Гусаров (член РКП(б)) – физкультура; Мария Николаевна Казанская – музыка; Александр Павлович Казанский – психология, логика».

В школе произошло первое серьёзное событие. В январе 1919 года Саша вступил в комсомол. Комсомольская ячейка состояла всего из шести человек, но руководил ей Тверецкий, став, образно скажем, маленьким генеральчиком. Уже тогда он проявлял и решительность, и требовательность.

В 1923 году восемнадцатилетним пареньком Саша Тверецкий поступил в Московский строительный техникум на архитектурный факультет. Учёбу в техникуме он совмещал с работой на строительствах разных зданий в городе Москве. Работать приходилось чернорабочим, чертёжником, затем десятником. Такой режим жизни (учёба-работа) продолжался три года.

Об этом периоде жизни Александр

Фёдорович вспоминает:

— «Техникум располагался в бывшем Московском епархиальном училище, которое, кстати, окончила моя мама.

Из Ярополецкой школы в техникум вместе со мной поступили ещё два человека: Петрушков и Соловьёв. Все мы жили в общежитии техникума на 2-ой Мещанской улице. В одной комнате нас было девять человек».

Зачётная книжка студента-вечерника Александра Фёдоровича Тверецкого.

Как видите, все эти годы (вплоть до 1926 года) были далеки не только от генеральских погон, но и от военной карьеры вообще. Впрочем, детская мечта его не покидала никогда, а его упорству, настойчивости, решительности

и волевым качествам (это отмечали преподаватели и школы, и техникума) мог бы позавидовать любой генерал.

Военную струнку в себе чувствовал и сам Александр Тверецкий, поэтому в 1926 году он поступает в первую Ленинградскую артиллерийскую школу.

Это к получению звёзд на генеральских погонах было ближе, но пройти требовалось ещё большой путь. Нужно было не забывать навет отца. Учиться пришлось многому и очень настойчиво, и Александр не жалел ни времени, ни сил на изучение военной премудрости. Без труда не выловишь и рыбку из пруда, а чтобы стать командиром воинского подразделения, особенно в боевой обстановке, необходимо трудиться до седьмого, а часто и более, пота.

Александр Тверецкий отдавал себе отчёт в том, что путь будет тернист и очень сложен, однако от намеченного курса не отклонялся. Он понимал, что нужно будет сменить много треугольничков, кубиков, шпал в петлицах, на что уйдёт много лет, но это его не пугало.

О своей учёбе в 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (ЛАШ) им. Красного Октября Александр Фёдорович Тверецкий пишет следующее:

— «1-я ЛАШ была однодивизионного состава, в который входило четыре батареи:

В первой батарее обучались командиры взводов – участники гражданской войны;

2-я батарея готовила командиров взводов для конно-артиллерийских дивизионов кавалерийских дивизий;

3-я и 4-я батареи готовили командиров огневых взводов и управления для батарей артиллерии на конной тяге.

Материальная часть: 76-мм пушки и 122-мм гаубицы.

Меня зачислили во 2-ю батарею.

Начальником школы был Федотов, комиссаром – Езергайл, командиром дивизиона – Филатов; командир 2-ой батареи – Белов; помощник командира батареи – Стержельбицкий; старшина батареи – Мейер.

Начальник учебной части – Радзиевский.

Преподаватели: Новиков и Преображенский – математика; Н.С. Митягин и Яковлев – русский язык; Лашин – физика, Дорофеев – химия, В.П. Левишин и Ключарёв – топография; Боровков и Герарди – тактика; Василевич – теория стрельбы, Лидеман – история партии; Неклепаев и Ковалевский – физкультура.

Начальником медицинско-санитарной части был старший врач Гегелло».

Служба Александра Фёдоровича Тверецкого на офицерских должностях началась в 1930 году по окончании артиллерийской школы.

Последние годы учёбы Александра Тверецкого в артиллерийской школе совпали с изменением его семейного положения, в 1929 году он женится.

По окончании школы А.Ф. Тверецкий был направлен для продолжения службы в 7-ю Самарскую кавалерийскую дивизию командиром которой именно в это время назначили прославившегося в будущем советского военачальника, ставшего дважды Героем Советского Союза, маршалом Польши и Маршалом Советского Союза, которому тогда было

**А.Ф. Тверецкий с
невестой Анной**

всего 34 года, Константина Константиновича Рокоссовского.

Дивизия дислоцировалась на территории Белоруссии, её штаб находился в городе Минске.

Для сравнения: Александру Тверецкому в 1930 году исполнилось 26 лет. Здесь, в составе конно-артиллерийского полка, он прошёл службу в следующих должностях: командир взвода управления, начальник связи дивизиона, командир гаубичной артиллерийской батареи.

В процессе службы в войсках Александр Тверецкий зарекомендовал себя волевым, умелым, грамотным и способным творчески подходить к решению различных задач, аналитически мыслящим командиром и воспитателем. Именно эти качества и послужили основанием для направления его в 1933 году на учёбу в Артиллерийскую ордена Ленина академию РККА им. Ф.Э. Дзержинского в городе Ленинграде.

Первые впечатления А.Ф. Тверецкого о начале своей офицерской жизни и о боевом применении частей и подразделений, в которых он служил, очень во многом схожи с теми мыслями, что высказал Константин Константинович Рокоссовский в своей книге военных мемуаров «Солдатский долг» («Военное издательство», Москва, 1984).

Следует отметить, что конница уже в первую мировую войну заметно стала терять своё былое боевое значение. Появились и широко внедрялись новые типы оружия: пулемёты, скорострельная артиллерия, танки, авиация. А лошадь, конь, превратились, в основном, в средство передвижения.

Гражданская война в России ненадолго воскресила высокую роль в бою конницы. Связано это было с тем, что в те годы не существовало сплошных фронтов, и кавалерия как наиболее подвижный род войск, который, совершая стремительные рейды, зачастую давал желаемые результаты – успех плановых боевых операций.

Вот что по этому поводу говорит К.К. Рокоссовский:

«Годы шли. Развивалась и военная мысль. В основу подготовки армии было положено чёткое взаимодействие родов Вооружённых Сил, нашедшее выражение в теории глубокого боя, разработка которой связана с именами М.Н. Тухачевского, В.К. Триандафиллова и других.

Были, конечно, ярые конники, сохранявшие ещё увлечение кавалерией, но не они уже делали погоду. Формирование бронетанковых соединений началось как раз за счёт некоторого сокращения конницы.

На должной высоте находилась и подготовка командного состава во всех звеньях.

Да, всех прибывавших в моё распоряжение приходилось переучивать на новый лад, применительно к совершенному иному роду войск, но делать это было необходимо. Большую помощь здесь оказали начальник штаба генерал-майор А.Г. Маслов, а также заместители по технической части полковники Внуков и Каменев. Они очень умело подготавливали командиров для службы в новых условиях с применением совершенно иного оружия. Много сделала и система военного образования. Не могу не отметить прекрасных выпускников некоторых военных учебных заведений Москвы и Ленинграда».

Понимая роль и значение высокообразованных командиров в войсках, лучших офицеров направляли на учёбу в академии и военные офицерские школы. Именно по этому принципу, мы об этом уже писали выше, на учёбу в Ленинградскую артиллерийскую академию отправили Александра Фёдоровича Тверецкого. Произошло это после трёх лет службы в 7-ой Самарской дивизии.

Есть опыт службы, есть осознанное желание совершенствовать военные знания и навыки. Как говорится, и карты в руки.

Об этом периоде своей жизни Александр Фёдорович Тверецкий пишет так:

«В августе месяце 1933 года я убыл в Ленинград для поступления в артиллерийскую академию им. Дзержинского. Вступительные экзамены сдал успешно и был принят на командный факультет.

Начальником академии был Тризна, комиссаром – Генин, начальником 1-го факультета (командного) – Кириллов-Губецкий, начальником курса – Березин.

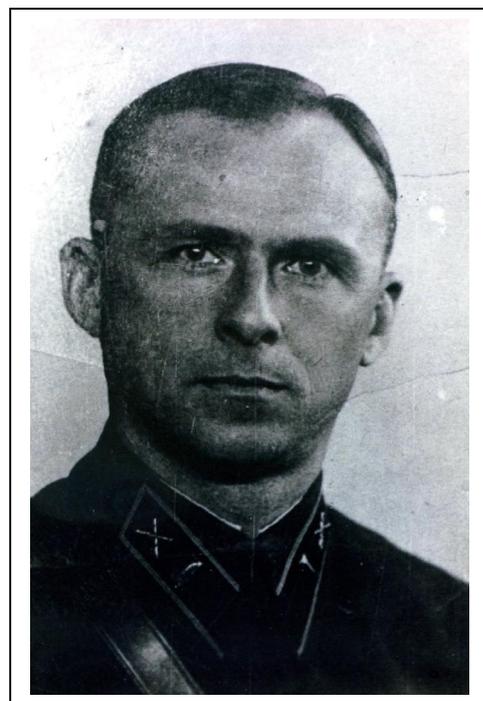
На третьем году обучения командный факультет был преобразован в инженерно-командный факультет с пятилетним сроком обучения, но в самом начале 1938 года, когда «запахло порохом», специальной директивой сверху было принято решение выпускать не инженеров-командиров, а командиров.

Защиту дипломов заменили государственными экзаменами, усилили подготовку по тактике и стратегии, а также изучению новых видов вооружения Красной Армии.

Начальником академии был назначен комдив Аркадий Кузьмич Сивков, а комиссаром – полковой комиссар Гуров.

В сентябре 1938 года академию перевели в Москву, а в декабре того же года состоялся первый московский выпуск академии имени Дзержинского.

Всего выпускников было 44 человека. Звания: майор и капитан. Среди них был и капитан А.Ф. Тверецкий».

Декабрь 1938 года. Капитан А.Ф. Тверецкий – выпускник академии им Ф.Э. Дзержинского

В числе самых лучших слушателей А.Ф. Тверецкого оставили в академии для дальнейшей учёбы в адъютантуре на кафедре артиллерийской инструментальной разведки. У него были и способности и большое желание реализовать себя на педагогическом и научном поприще, однако усложнявшаяся из года в год международная обстановка, особенно, начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война распределили всё иначе. Майор А.Ф. Тверецкий в первые же дни войны назначается командиром дивизиона курсов сводного полка академии по подготовке воентехников из числа студентов гражданских ВУЗов.

В этот период в Москве и Московской области начали формироваться подразделения и части для боевого применения нового оружия – гвардейских

миномётов («катюши») на базе боевых машин БМ-8 и БМ-13.

Александр Фёдорович Тверецкий по его настоятельной просьбе уходит на фронт 10 октября 1941 года в должности начальника штаба оперативной группы гвардейских миномётных частей (ОГ ГМЧ) Северо-Западного фронта.

Всю Великую Отечественную войну А.Ф. Тверецкий прошёл, занимаясь практическими вопросами применения на поле боя гвардейских миномётов, т.е. «катюш». Имеет смысл дать кратенькую справку об этом типе оружия.

С момента появления реактивной артиллерии её подразделения находились в подчинении Верховного Главного Командования.

Полигонные испытания реактивного миномёта БМ-13 были проведены в марте 1941 года. 15.06.1941 г. на артиллерийском полигоне под Москвой был организован показ высшему командованию Красной Армии БМ-13, реактивных миномётов («катюша»). 21.06.1941 года было подписано постановление Совета Министров СССР о серийном производстве снарядов и пусковых установок реактивных миномётов БМ-13.

К выпуску БМ-13 был привлечён Московский завод «Компрессор», где главным инженером был Владимир Павлович Бармин, впоследствии ставший главным конструктором стартового оборудования для баллистических ракет дальнего действия.

В период с 28 июня по 1 июля 1941 года была сформирована первая отдельная экспериментальная батарея, вооружённая установками БМ-13 под командованием капитана И.А. Флёрова, который за неделю до этого окончил первый курс академии им. Ф.Э. Дзержинского. Флёров был уже обстрелянный воин, он принимал участие в финской кампании. В батарее имелось всего семь установок БМ-13. К ним было придано 50 грузовиков с ракетами и ещё 100 машин шли в обозе.

В ночь с 1 на 2 июля батарея капитана Флёрова ушла из Москвы по Минскому шоссе. 9 июля заняла позицию под городом Борисовом в ожидании боя. В ночь с 12 на 13 июля батарея выдвинулась к Орше.

14 июля в 15 часов 15 минут капитан Флёров дал батарее команду открыть огонь по нескольким немецким эшелонам с войсками, боеприпасами, техникой и горючим. За 7-8 секунд было выпущено 112 ракет-снарядов.

ЗАЛП
ЛЕГЕНДАРНЫХ
«КАТЮШ» (1941 г.)

В августе 1941 года на вооружение Красной Армии были приняты БМ-8 с реактивными снарядами РС-82.

За период времени с сентября 1941 года по январь 1942 года на фронт отправили 324 установки БМ-13 и БМ-8.

Формируемым батареям и дивизионам реактивной артиллерии присваивают наименование **гвардейских**. Отсюда их общее название – гвардейские миномётные части (ГМЧ), чем подчёркивалась исключительная значимость нового оружия и высокая ответственность за умелое его применения в бою.

Гвардейский миномётный полк (ГМП) артиллерии Резерва Верховного Главного Командования (РВГК) по штату состоял из трёх дивизионов, в каждый из которых входило три батареи. Одна батарея имела четыре боевые машины. Таким образом залп только одного дивизиона из 12 машин по силе мог сравниться с залпом 12 тяжёлых гаубичных полков (директива Ставки №002490 запрещала использование реактивной артиллерии в количестве менее одного дивизиона).

В период битвы за Москву из-за тяжёлой обстановки на фронте командование было вынуждено использовать реактивную артиллерию поддивизионно. Но уже к концу 1941 года количество «катюш» в войсках значительно возросло и достигало 5-10 дивизионов в составе армий, действовавших на главном направлении. Возникли большие затруднения в управлении огнём, а также в снабжении боеприпасами и другими видами довольствия. В этой связи уже в январе 1942 года по решению Ставки началось формирование гвардейских миномётных полков. Их было создано двадцать.

В сентябре 1941 года ГКО принял решение о создании специальных органов управления ГМЧ. Требовались грамотные артиллеристы, достойные офицеры, способные возглавить ГМЧ, с наибольшей пользой применять в боях гвардейские миномёты.

Первым командующим ГМЧ, являвшийся заместителем наркома обороны, был назначен военный инженер 1-го ранга Василий Васильевич Аборенков.

В 1943 году В.В. Аборенкову за большие успехи в применении на поле боя «катюш» приказом за подписью Сталина было присвоено звание генерал-лейтенанта. Все изменения в ГМЧ были под пристальным наблюдением Верховного Главнокомандующего, т.к. по штату ГМЧ непосредственно подчинялись ему.

Назначение высшего руководства в ГМЧ тоже проходило по согласованию со Сталиным.

В состав Военного Совета ГМЧ были включены заведующий отделом ЦК ВКП(б) Л.М. Гайдуков, секретарь МК ВКП(б) Н.Ф. Фирюбин и бригадный комиссар П.А. Дегтярёв.

Военный Совет ГМЧ (1941 год).
Справа налево, сидят – В.В. Аборенков, П.А. Дегтярёв; стоят – Л.М. Гайдуков, Н.Ф. Фирюбин.

Переформирование ГМЧ, создание новых структур, назначение на важные должности также шло при непосредственном участии И.В. Сталина. Приказов и указаний Ставки по этим вопросам было очень много. Хочется привести лишь один из приказов, т.к. он касается героя нашего военно-исторического очерка, Александра Фёдоровича Тверецкого. Вот извлечения из того приказа..

ПРИКАЗ

О СФОРМИРОВАНИИ В РЕЗЕРВЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ ТРЁХ ТЯЖЁЛЫХ ГВАРДЕЙСКИХ МИНОМЁТНЫХ ДИВИЗИЙ

№ 00244 26 ноября 1942 года.

В целях создания маневренных резервов Ставки, необходимых для усиления ударных группировок фронтов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Сформировать и иметь в распоряжении Ставки три тяжёлых гвардейских миномётных дивизии. В состав каждой дивизии включить:

12 гвардейских миномётных дивизионов М-30, сведя их в бригады по 6 дивизионов каждая и 4 гвардейских миномётных полка М-13, вооружённых снарядами М-20 и М-13.

2. Формирование дивизий произвести в Москве, распоряжением командующего ГМЧ, в следующие сроки:

1-ой тяжёлой гвардейской миномётной дивизии – к 10 декабря 1942 г.

2-ой тяжёлой гвардейской миномётной дивизии – к 25 декабря 1942 г.

3-ей тяжёлой гвардейской миномётной дивизии – к 10 января 1943 г.

3. Командирами тяжёлых гвардейских миномётных дивизий назначить:

1-ой – полковника Гражданкина Виктора Ивановича;

2-ой – полковника Тверецкого Александра Фёдоровича;

3-ей – полковника Соловьёва Виктора Григорьевича.

Народный комиссар обороны СССР

И. Сталин.

Обращаем внимание читателя на то, что этим приказом одновременно с назначением на должность командира дивизии А.Ф. Тверецкому, бывшего до того майором, присваивается звание полковника. Такое доверие Александр Фёдорович Тверецкий оправдал с лихвой, т.к. всего лишь через два месяца за блистательное участие 2-ой тяжёлой гвардейской миномётной дивизии в разгроме армии Паулюса под Сталинградом ему, тоже приказом за подписью Сталина присваивается звание генерал-майора. Вот такая незаурядная карьера!

Надо отметить, что под руководством Александра Фёдоровича Тверецкого 2-я гвардейская миномётная дивизия была сформирована не к 25 декабря, как это предписывал приказ, а на пять дней раньше. Многие могут сказать, что не велика, мол, разница – всего-то пять дней. Однако не забывайте, война диктовала свои условия, и каждый день был на вес золота.

19 декабря 1942 года комиссия в составе командующего ГМЧ генерала В.В. Аборенкова, членов Военного Совета ГМЧ Л.М. Гайдукова, Н.П. Фирюбина и генерала П.А. Дегтярёва, а также начальника Главного управления вооружения генерала Н.Н. Кузнецова и начальника центра формирования ГМЧ полковника В.А. Шмакова, сделала заключение, что дивизия полковника А.Ф. Тверецкого боеспособна и может быть отправлена в действующую армию.

Такая спешность объяснялась тем, что на 10 января 1943 года Ставка приказала войскам Донского фронта начать генеральную операцию по ликвидации окружённых фашистских войск в районе Сталинграда. С целью обеспечения прорыва сильной обороны противника в полосе наступления 65-ой армии было Ставкой решено использовать 2-ю гвардейскую тяжёлую миномётную дивизию, которая показала, на что способны «катюши».

Перед началом операции по уничтожению окружённой армии Паулюса 2-ю дивизию проверила комиссия, в которую входили начальник оперативной группы ГМЧ Донского фронта генерал И.А. Шамшин, командующий артиллерией 65-ой армии, генерал Н.С. Бескин, начальник оперативной группы ГМЧ 65-ой армии полковник Г.М. Фанталов.

После проверки И.А. Шамшин сказал Тверецкому: *«За Вашу дивизию мы спокойны, она готова к бою»*, что 2-я гвардейская тяжёлая миномётная дивизия и доказала буквально в первые же минуты начавшейся операции.

Из записи, сделанной немецким писателем Эрихом Вайнертом, который находился в действующей армии под Сталинградом в 1942/43 годах:

«Описать ужас наших солдат и офицеров, охвативший их при начале советской артподготовки и особенно огненных языков реактивных миномётов, невозможно. Царила полная паника и бегство. Мы бросали всё, не беспокоясь о больных и раненых. Куда ни глянь, везде опрокинутые пушки, грузовики, танки, повсюду уже никому не нужные груды снарядов, гранат, патронов».

Эта запись была сделана 14 января 1943 года, а 24 января Паулюс был вынужден согласиться на капитуляцию его армии.

Можно без тени сомнения заявить, что под Сталинградом в 1943 году и артиллеристы, и гвардейские миномётчики чётко выполнили приказ Военного Совета Донского фронта, с которым он обратился ко всем бойцам, командирам и политработникам всех частей фронта:

«Мужественные артиллеристы и гвардии миномётчики!

Мощным огнём налётом ошеломляйте и уничтожайте окружённого врага, расчищайте путь для атаки нашим пехотинцам.

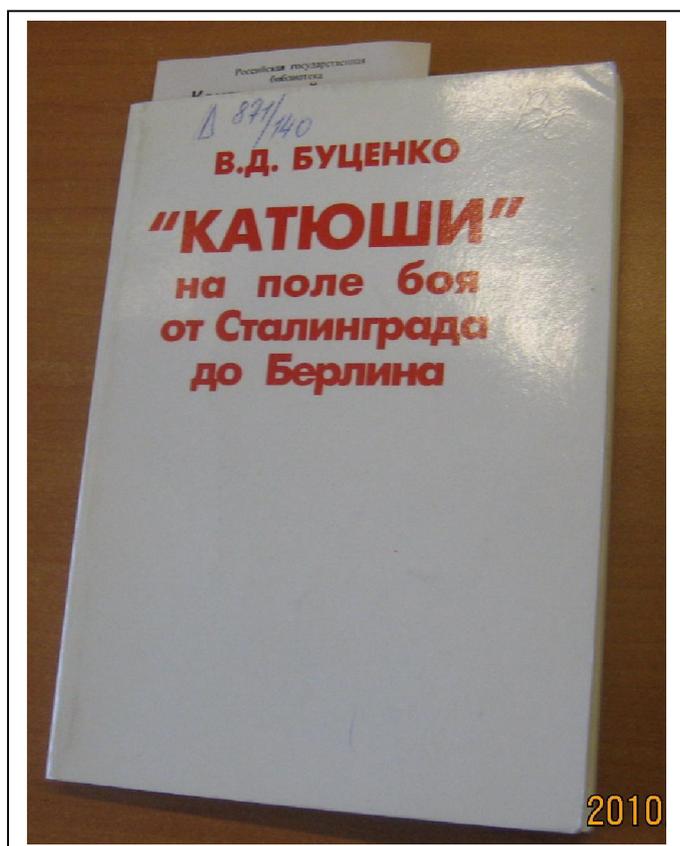
Каждый снаряд, каждую мину – в цель!»!

Приказ выполнен! А за каждой его строкой, каждой буквой стояли люди, гвардии миномётчики, настроенные и подготовленные умелыми командирами, в числе которых, вне сомнений, находился и Александр Фёдорович Тверецкий.

Конечно, победную точку в любом бою ставит солдат, но учит его и готовит к умелым действиям на полях сражений умные и знающие своё дело командиры. Как точно, рассказывая о генерал-майоре А.Ф. Тверецком, заметил его подчинённый, командир одного из дивизионов 2-ой гвардейской тяжёлой миномётной дивизии Владимир Демьянович Буценко:

«А.Ф. Тверецкий был весьма грамотным артиллеристом. Он ещё до войны окончил артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского и адъюнктуру при этой академии».

В.Д. Буценко прошёл большой боевой путь в рядах 2-ой гвардейской миномётной дивизии, первым командиром которой был А.Ф. Тверецкий. Выше приведённая выдержка взята из книги, написанной В.Д. Буценко в 1997 году «Катюши» на поле боя от Сталинграда до Берлина: боевой путь 2-ой гвардейской миномётной Краснознамённой ордена Александра Невского Городокско-Берлинской дивизии».

Полное название книги:
«Катюши» на поле боя от Сталинграда до Берлина: боевой путь 2-ой гвардейской миномётной Краснознамённой ордена Александра Невского Городокско-Берлинской дивизии»

Да, на берегах Волги была одержана большая и очень значимая победа. Не заставили себя ждать поощрения, награды, звания, должности.

Кстати, командующему Донского фронта К.К. Рокоссовскому 15 января было присвоено звание генерал-полковника, а 20 января 1943 года, в числе многих старших офицеров, принимавших участие в Сталинградской битве, А.Ф. Тверецкому присвоили звание генерал-майора артиллерии.

В феврале 1943 года дивизия А.Ф. Тверецкого по приказу Ставки была отозвана в Москву для переформирования и довооружения новыми типами установок «катюш» (М-31). Здесь, в Москве, были подведены итоги участия

дивизии в Сталинградской битве.

На торжественном собрании дивизии, проходившем в Колонном зале Дома Союзов, командир дивизии генерал-майор Александр Фёдорович Твепецкий в своём докладе отметил:

«Подводя итоги боевой деятельности дивизии в Сталинградской битве, необходимо сказать, что командиры бригад, полков, дивизионов и батарей проявили хорошие организаторские способности, храбрость, смелость и умело маневрировали силами и огневыми средствами, мастерски руководили частями и подразделениями, сочетая личную отвагу и мужество с умением правильно оценивать обстановку, принимать решение, обеспечивавшее успех в борьбе с противником.»

Наша дивизия в период с 10 января по 2 февраля 1943 года, поддерживая наступление войск 65-ой и 21-ой армий Донского фронта, своим огнём уничтожила более 3000 солдат и офицеров, 200 автомашин, 25 танков, 5 батарей, отбила более 25 контратак противника».

Во второй половине марта А.Ф. Тверецкий доложил Военному Совету ГМЧ о готовности переформированной дивизии к бою, а в конце марта 1943 года по приказу Ставки она маршем отправилась из Москвы под Тулу. Марш проходил скрытно: передвигались только по ночам. Был проделан путь по следующему маршруту: Москва – Серпухов – Тула – Щёкино – Одоев – Белёв.

Здесь, в составе Брянского фронта, генерал-майор А.Ф. Тверецкий, командуя дивизией принимал участие в организации прорыва и развития наступления войск 65-ой и 11-ой армий при освобождении городов Болхов, Карачев, а также в наступлении на брянском направлении в целом.

В августе 1943 года поступил приказ Ставки: «Командование 2-ой дивизии передать полковнику И.А. Апрелькину, а генерал-майору Тверецкому срочно прибыть в Ставку». В Москве ему объявили, что он назначается на должность начальника оперативной группы ГМЧ Южного (с 20.1.1943 года – 4-го Украинского) фронта, и Александр Фёдорович Тверецкий сразу же убыл к новому месту службы.

Такая вот, внешне, успешная, вроде бы, без каких-то помарок военная карьера А.Ф. Тверецкого. Конечно же, это не так. Путь любого командира в войсках не может быть гладким, ровным и безоблачным. Имели место чисто служебного плана и у Тверецкого. Об одном из них рассказывает в книге своих воспоминаний «Огонь ведут «катюши» генерал-лейтенант А.И. Нестеренко.

Сам генерал Алексей Иванович Нестеренко – это очень интересная, яркая личность. Он в годы войны приобрёл большой опыт боевого применения нового оружия – реактивной артиллерии. Он командовал одним из первых в Красной Армии гвардейским миномётным полком (ГМП), а с мая 1942 года возглавлял оперативные группы гвардейских миномётных частей (ГМЧ) Южного, Северо-Кавказского, Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов. С августа 1944 года занимал должность заместителя командующего артиллерией 2-го Прибалтийского, а затем Ленинградского фронтов по ГМЧ.

В послевоенное время, в 1946-1951 гг. – начальник НИИ-4 МО СССР, затем

до 1955 года возглавлял факультет реактивного вооружения Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского; 1955-1958 – начальник космодрома Байконур, лауреат Сталинской премии. Скончался в возрасте 87 лет в 1995 году.

В своей книге (глава 17) он пишет:

«О том, какое значение придавалось формированию частей, вооружённых тяжёлыми реактивными снарядами, свидетельствует приказ Ставки от 27 июня 1942 года, которым предписывалось всем начальникам центральных управлений Народного комиссариата обороны обеспечивать вне очереди все формируемые тяжёлые реактивные дивизионы кадрами, вооружением и автотранспортом.

Мы со своей стороны несли огромную ответственность за то, чтобы такая мощная ударная сила была использована разумно и эффективно, чтобы дорогостоящие снаряды не расходовались напрасно. Особенно опасны были ошибки в подготовке исходных данных для залпа. Вот почему, знакомясь с частями, я прежде всего интересовался полевой выучкой командного состава. К сожалению, мои опасения оправдались: оказалось, что полевая выучка кое у кого явно хромает. Особенно неблагоприятно обстояло дело с ориентированием на незнакомой местности по карте.

Когда я спросил командира 2-ой дивизии генерала А.Ф. Тверецкого, как подготовлен командный состав по стрелково-артиллерийскому делу, Александр Фёдорович пожал плечами, недоумённо посмотрел на меня, а потом, немного подумав, сказал:

– Считаю, что командиры дивизионов и батарей подготовлены неплохо. У всех есть боевой опыт, воюют не первый день. В каждом дивизионе есть миниатюр-полигоны, проводятся тренажи, когда позволяет обстановка. Да к тому же в дивизию назначены лучшие артиллеристы.

– Давайте всё же проверим, – ответил я ему. – Соберите командиров частей, дивизионов, начальников штабов. Пусть с собой имеют карты и всё необходимое для подготовки данных

– Через час мы были на высоте, которую выбрали по карте. Показав офицерам, где условно проходит передний край, какие цели надо поразить и где находятся огневые позиции наших дивизионов, я приказал подготовить исходные данные для стрельбы.

Ориентироваться было сравнительно легко. С высоты открывалась широкая панорама. Вдали виднелся лес и отдельные рожи. У большого леса – деревенька. Хорошо просматривались овраги и мелкие речки, впадавшие в Оку. Словом, ориентиров было более чем достаточно.

Мы с Александром Фёдоровичем, не спеша, тоже подготовили данные – для сравнения. Ещё в 30-х годах я был начальником топографического отряда артиллерийского полка и потому имел хорошую практику в ориентировке на местности. И Тверецкий имел большой опыт. Поэтому для нас подготовить контрольные данные по карте не составило особого труда. Наши расчёты совпали.

Значение топографической карты в военном деле трудно переоценить. Она на фронте помогает планированию и организации взаимодействия всех видов вооружённых сил в операциях, а в артиллерии она необходима для ведения

точного огня и надёжного обеспечения поддержки войск в бою. Карта позволяет заранее составить представление о характере маршрутов движения войск, о тех условиях, в которых придётся вести бой и которые при этом надо непременно учесть, чтобы добиться успеха или предотвратить какие-либо неожиданности. Не иметь карты в бою – всё равно, что действовать вслепую, наугад.

И всё же, как ни странно, иногда топографической подготовке не уделялось должного внимания. А вместе с тем, неумение быстро ориентироваться или небрежное отношение к изучению местности по карте во фронтовых условиях приводило подчас к роковым последствиям.

Каждый нами проверяемый офицер, выполнив задание, сдавал лист с исходными данными генералу Тверецкому, который отмечал время. Первыми закончили расчёты командиры бригад Н.С. Жежерук и А.В. Михайлов, за ними положил свой листок командир полка В.А. Плотников. Остальные не укладывались в отведённое время и заметно волновались.

Наконец, получены все расчёты. Мы сравнили их. Результаты оказались прямо-таки обескураживающими: Имелись большие расхождения и грубые ошибки. Генералу Тверецкому стало не по себе.

– Как же так, товарищи офицеры? – вынужден был я сказать, подводя итоги. – Вы знаете не хуже меня о том, что случится, если вы дадите залп, подготовленный с такими ошибками: либо выпустите впустую дорогие снаряды и не выполните боевой задачи, либо ударите по своим. Что может быть страшнее этого?

Офицеры, чувствуя свою вину, молча поглядывали то на меня, то на командира дивизии. Генерал Тверецкий с досадой обронил:

– Да, дело ясное, должного внимания полевой выучке мы не уделяли.

– Александр Фёдорович, нужно немедленно начать тренировки в поле на незнакомой местности, командиры должны срочно освоить практические приёмы ориентации, научиться быстро, а главное, безошибочно определять на карте места своего нахождения и расположения целей.

К счастью, у нас ещё было время, и за полторы-две недели этот пробел удалось ликвидировать».

Дальнейшая служба Александра Фёдоровича Тверецкого в течение более года (конкретно, с августа 1943 по ноябрь 1944 года) шла успешно. Ему в это время довелось быть участником операции прорыва сильно укреплённой линии обороны противника на реке Миус, приведшей к разгрому большой немецкой группировки войск, действовавшей в Донбассе.

Октябрь-ноябрь 1943 года – Мелитопольская операция, освобождение городов Мелитополь и Николаев.

Многочисленные битвы за Днепр (от Запорожья до побережья Азовского и Чёрного морей).

Апрель-май 1944 года – участие в Крымской наступательной операции.

В августе 1944 года А.Ф. Тверецкого назначают заместителем командующего артиллерией по ГМЧ вновь сформированного 4-го Украинского фронта.

9 мая 1944 года. Крым от фашистов освобождён!

**Март 1945 года. На окраине Вены.
(крайний слева – генерал-майор
А.Ф. Тверецкий)**

**Слева направо: подполковник Яблоков,
генерал-майор Тверецкий,
полковник Парновский.**

Лето 1945 года. Болгария, город Асеновград, в тире

А.Ф. ТВЕРЕЦКИЙ (справа) с
Членом Военного 3-ей гв. А
4-го Украинского фронта,
Крым, с. Елизаветовка,
1944 год

Командование оперативной группы гвардейских
миномётных частей 4-го Украинского фронта,
1944 год.

Командир 19-ой адп генерал-майор Н.Н. Великолепов
(4-й справа) и командиры артиллерийских и миномёт-
ных бригад этой дивизии, 3-й слева – А.Ф. Тверецкий.

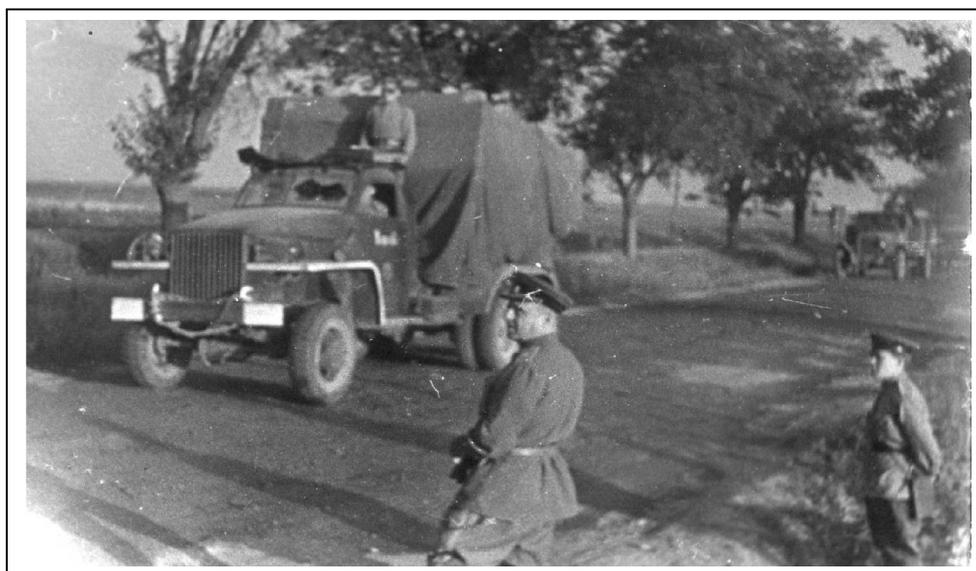
Командир 29-ой гвардейской
миномётной бригады
А.Ф. ТВЕРЕЦКИЙ,
Австрия, июнь 1945 г.

9 мая 1945 года.
А.Ф. Тверецкий
зачитывает личному
составу бригады
приказ Верховного
Главнокомандующего
об окончании Великой
Отечественной войны!

Австрия. Июнь 1945 г.
Командование артиллерией
4 Украинского фронта на
спектакле Московского
театра им. Немировича
(2-ой слева – А.Ф. Тверецкий).

Июнь 1945 года.
А.Ф. Тверецкий
контролирует
передислокацию
29-ой бригады
из Австрии в
Болгарию.

На этом этапе его боевой жизни и деятельности мы встречаемся с одним обстоятельством, которое тогда, а тем более сейчас, в условиях начала XXI в. века, объяснению поддаётся с трудом. То обстоятельство, несомненно, сыграло определённую роль в его дальнейшей служебной карьере.

В личном деле А.Ф. Тверецкого есть запись, мимо которой просто так не пройдёшь, она требует каких-то разъяснений. Запись короткая, но последствия её протянулись на много лет вперёд. В приказе командующего 4-м Украинским фронтом от 13 ноября 1944 года она сформулирована следующим образом: *«От должности заместителя командующего артиллерией по ГМЧ 4 Украинского фронта ОТСТРАНИТЬ»*.

Что же такое могло случиться, чтобы такой интеллигентный человек, генерал, отличный командир оказался отстранённым от занимаемой должности во время ведения боевых действий уже, практически, в конце войны? Ясно, что причиной явились какие-то чрезвычайные обстоятельства. Зная боевой путь и положительные во всех отношениях черты характера этого замечательного человека, искать ответ, пытаясь притянуть какие-либо просчёты в боевой деятельности или усомниться в его профессионализме, просто бессмысленно.

В своей автобиографии (кстати, изложенной всего на одной странице, формат – А4) Александр Фёдорович пишет: *«совершил недостойный поступок в состоянии эмоционального срыва»*. А в учётной карточке члена ВКП (б) в ноябре 1944 года появилась запись: *«Исключён из ВКП (б) за необоснованный приказ на расстрел шофёра»*.

Да, шофёра своей машины. И знал об этом инциденте очень ограниченный круг лиц. Ясно, что произошло такое, что выбило из русла естественных, цивилизованных, человеческих взаимоотношений, которое дало повод генералу взяться за оружие. Это, как нам известно, заключалось в посягательстве того солдата-шофёра на честь дочери Александра Фёдоровича Тверецкого, которой только что исполнилось 14 лет. В тот период она вместе с матерью была у отца. Вот такое внешнее описание крайне пренеприятного случая. А как всё это было в ближнем рассмотрении, никто в то время, и, тем более, сейчас, не знает. Возможно была личная попытка расстрела, а может быть Тверецкий лишь отдал приказ на расстрел солдата-насилльника. Сказать точно уже никто не может, просто нет никого уже в живых. Жена А.Ф. Тверецкого, Анна Константиновна, ушла из жизни в 1957 году, сам он скончался в 1992, а дочь, Нина Александровна – в 2007 году.

Тогда, в ноябре 1944 года, А.Ф. Тверецкий был отстранён от должности и исключён из партии. Это ещё раз подтверждает тот факт, что на такое мог пойти человек высокого гражданского мужества, незабываемых убеждений в правоте своих позиций горячо любящего отца. Не забывайте, что дочери тогда не исполнилось и 15 лет. Тяжелейший удар!

Жизнь продолжалась. Понятное дело, что такой генерал, прошедший всю войну, командуя соединениями гвардейских миномётов, кандидат технических наук, опытный, грамотный командир, прекрасный во всех отношениях человек не мог быть надолго отстранённым. Война шла к концу, и её успехи нужно было закреплять. Люди, подобные генерал-майору А.Ф. Тверецкому были необходимы армии, стране. Он уже в феврале 1945 года назначается, правда,

с понижением командиром 29-ой гвардейской миномётной бригады, с которой прошёл до самого окончания войны, успешно участвуя в наступательной Венской операции, освобождении от немецко-фашистских захватчиков Венгрии и Австрии. Всё это лишний раз подтверждает, что он до последнего дыхания был предан своей Родине, которой беззаветно служил в годы войны и весь послевоенный период, когда А.Ф. Тверецкий активно участвовал в создании ракетно-ядерного щита Отечества, являясь первым генералом-ракетчиком.

Генерал А.Ф. Тверецкий с женой и дочерью (Австрия, 1945 год).

Нина – любимая, единственная дочь А.Ф. Тверецкого (1948 год)

Рыбалка на Дону, 1953 г.

На реке Ахтуба, 1948 год.

Генерал А.Ф. Тверецкий в Москве, 1946 год.

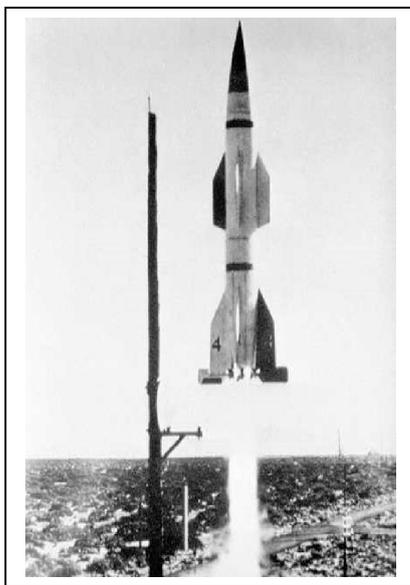
Глава 2. Ракетные трофеи сразу шли по особому указу.

Здесь речь пойдёт, что понятно из названия главы, о военных трофеях, доставшихся Советскому Союзу по окончании Великой Отечественной войны. Естественно, говорить будем не о всех трофеях, а лишь о той их части, что имеют прямое отношение к ракетной технике, а более конкретно – о приборах, документации, самих ракетах (ФАУ-1, ФАУ-2, «Вассерфаль», «Шметтерлинг», «Рейнтохтер» и др.), а также немецких специалистах, которых из Германии переправили в СССР в 1946-1947 годах, создав им фронт работы по ракетным специальностям на только что созданном ракетном полигоне Капустин Яр и в некоторых НИИ, учреждениях и на предприятиях.

НЕМЕЦКИЕ РАКЕТЫ – ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ ПО ИТОГАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Баллистическая
ракета А-4 (ФАУ-2)*

*«ВАССЕРФАЛЬ»
(Зенитные управляемые ракеты)*

«ШМЕТТЕРЛИНГ»

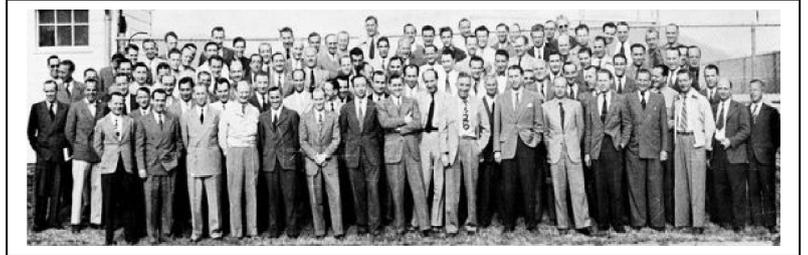
Крылатая ракета-снаряд ФАУ-1

*Зенитная управляемая
ракета «Рейнтохтер»*

Германия, 1941 г., Вернер фон Браун с офицерами Вермахта

США, 1950 год, группа немецких ракетчиков, увезённых в Америку (в первом ряду, 7-ой справа – Вернер фон Браун)

1962 г., Президент США Джон Кеннеди и Вернер фон Браун

1969 г., Вернер фон Браун в центре управления полётом «Аполлона-11»

Рассмотрение вопроса о ракетных трофеях, разумеется, будем вести под углом зрения участия в этом деле героя нашего военно-исторического очерка генерал-майора артиллерии Александра Фёдоровича Тверецкого. Заслуга же его перед Ракетными войсками огромна. Он руководил работами по сбору ракетных трофеев, документации и формировал соединение, которое станет бригадой, первой совершившей пуски с территории СССР немецких ракет ФАУ-2, а затем и отечественных, конструкции ОКБ С.П. Королёва Р-1, Р-2, Р-5, Р-11.

Довольно долго, вплоть до 60-70-х годов XX века, у нас умышленно замалчивался факт использования в области ракетостроения достижений немецких специалистов и участие их в первых пусках боевых ракет с территории СССР, а также в совершенствовании отдельных систем ракетных комплексов. Такое умалчивание немецкого «отцовства» порождало домыслы, а иногда и умышленное извращение истории советской ракетной эпопеи.

На эту тему исключительно здорово высказался писатель и журналист Ярослав Голованов. Он в своей книге «Королёв: Факты и мифы» написал так:

— «Мы замалчивали сам факт использования немецкого ракетного опыта, и находились даже «патриоты», которые категорически тот факт отрицали. Это, конечно, неразумно. На все те ракеты и документы у нас прав несоизмеримо больше, чем у американцев, англичан, и французов вместе

взятых. «Немецкие секреты» мы не похитили, не купили тайком, не добыли обманом. За них сполна заплачено кровью наших солдат. Это наши законные военные трофеи. Почему же они должны умалять патриотические чувства победителей? Если бы мы не воспользовались бы немецким опытом, то мы поступили бы как раз непатриотично, оскорбив своей бездеятельностью и память павших, и не оправдав надежд живых».

Переходя непосредственно к разговору о ракетных трофеях, необходимо признать и НОУ-ХАУ, и восхититься гениальностью мысли немецких учёных, конструкторов и промышленников, на много лет опередивших весь мир.

Чтобы в этом убедиться, надо обратиться к истории Германии середины 30-х годов XX столетия.

В разгар нацистской истерии в Германии руководство Советского Союза по линии разведки и Наркомата иностранных дел получило информацию о планах гитлеровской верхушки. Она тогда поступила от одного из важных полицейских чиновников, курировавшего вопросы безопасности всей военной промышленности третьего рейха, гауптштурмфюрера Вилли Лемана. Начиная с 1934 года, связь с ним поддерживал известный советский разведчик Василий Михайлович Зарубин (псевдоним «Брайтенбах»), который возглавлял в то время нашу нелегальную резидентуру в Берлине. Он уже в 1935 году получил от Вилли Лемана первые сообщения о разработках немецких конструкторов в области ракетной тематики. Ответственному представителю СС неоднократно доводилось присутствовать на испытаниях баллистических ракет на жидком топливе, которые проводил молодой талантливый инженер Вернер фон Браун.

Подробный письменный доклад об испытаниях немцами баллистических ракет агент А-201 («Брайтенбах») незамедлительно отправил в Москву. С ним ознакомились Сталин, Ворошилов, Тухачевский.

Поразительно! Если испытания проводились уже тогда на промышленном уровне, значит, задумки и теоретические разработки появились гораздо раньше!

Однако, несмотря на организованность, рациональность и нацеленность немецких конструкторов, они не смогли быстро преодолеть бюрократические препоны. Необходимо было настойчиво убеждать и военное, и политическое руководство в перспективности своих разработок. Сделать это в те годы так и не удалось.

Тем не менее, работы, правда, не очень широким фронтом, продолжались, о чём свидетельствуют следующие факты:

1. Уже к 1938 году на полигоне «Пенемюнде» было проведено более ста испытаний ракет серии «А» (А-3, А-4, А-5), которые не прекратились и после начала Второй мировой войны. В августе 1943 года английская авиация сумела полностью разбомбить «Пенемюнде» и тогда по приказу Гимmlера полигон срочно перебазировали в район польских деревень Близна и Пусткув, откуда выселили всех жителей. Оперативно построили концлагерь, в который привезли около двух тысяч евреев из Франции, Голландии и Бельгии. Они в авральном режиме зацементировали несколько площадок для ФАУ-2, после чего всех их расстреляли.

К слову сказать, что стрельбы на польской земле шли крайне неудачно: многие ракеты просто не взлетали; некоторые взлетали, но здесь же падали, разрушая стартовые позиции; большинство же ракет взрывалось на высоте нескольких километров; имел место отказ системы управления. Цели достигли нее более 12% пускавшихся ракет. Благодаря действиям польских партизан и подпольщиков, английская секретная служба получила ценную информацию об испытательном полигоне в Польше. Им даже удалось прислать самолёт за деталями ракет, которые собрали партизаны на местах падения ракет. Кроме того, англичане получили остатки ФАУ-2, упавшей на территории Швеции.

2. К 1944 году немецкой промышленностью, использовавшей рабский труд военнопленных, производились крылатые ракеты ФАУ-1 (дальность полёта в 280 км, заряд взрывчатого вещества до 700 кг); баллистические ракеты ФАУ-2 (тяга двигателя до 30 т, длина – 14 м, вес – 12,9 т, дальность полёта до 300 км). Кстати, серийное производство ФАУ-1 и ФАУ-2 началось в мае 1943 года.

3. С 1943 года начались работы по зенитным управляемым ракетам разных типов и модификаций с жидкостными реактивными двигателями: «Энциан», «Шметтерлинг» («Бабочка»), «Рейнтохтер» («Дочь Рейна»), «Вассерфаль», но довести до боевого их применения немцы так и не смогли.

4. К самому концу войны была изготовлена опытная межконтинентальная ракета А-9/А-10 (двухступенчатая, с жидкостными реактивными двигателями, с инерциальной системой управления, радиокоррекцией и дальностью полёта до 5000 км, зарядом взрывчатого вещества в 1000 кг). Эту ракету проектировали для нанесения ударов по Америке, однако осуществить подобные удары не удалось.

5. В конце 1943 года в Германии были начаты исследования возможностей атаки атлантического побережья США ракетой ФАУ-2. Новейшие подводные лодки XXI-ой серии должны были буксировать до трёх плавучих контейнеров с баллистическими ракетами через Атлантический океан и из установленного района осуществлять их пуск, поражая крупные промышленные центры США.

Этот проект под кодовым названием «Люфференц» затянулся на целый год, когда Германия уже практически никак не могла наладить массовое развёртывание ракетных систем. И всё же, несмотря на приближающуюся катастрофу, ведь наступил 1945 год, было принято решение отправить к берегам Северной Америки семь субмарин с контейнерами ФАУ-2. Однако все они были уничтожены американскими противолодочными кораблями.

6. Более того, уже в 1944 году немцы имели не только стационарный, но и подвижный вариант ракетного комплекса ФАУ-2. Он был смонтирован на железнодорожных платформах и вагонах. Такой «спецпоезд» включал в себя бронированный вагон с аппаратурой пуска ракеты, специальный установщик с пусковым столом и ракетой ФАУ-2, вагон с компрессорной станцией, заправочные цистерны окислителя и горючего, вагоны-лаборатории по испытанию приборов

системы управления, фотолабораторию, вагон с вычислительной техникой и кинотеодолитами, спальные вагоны для обслуживающего персонала, столовую.

В качестве отступления.

Ознакомившись с перечнем вагонов и оборудования «спецпоезда», так и хочется воскликнуть: «Да это же наш советский БЖРК (на базе ракеты РТ-23, по натовской классификации – SS-24), являющийся шедевром среди ракетных комплексов мира»! Конструктором этого железнодорожного ракетного комплекса является дважды Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, профессор Владимир Фёдорович Уткин. И здесь не был забыт немецкий опыт.

Кстати, он решил многие проблемы, которые у немцев просто-напросто отсутствовали. Не нужно было ломать голову, над вопросом, как не порвать при пусках ракет провода питания электропоездов (таковых не было), как сохранить в целостности железнодорожное полотно при пуске ракеты большой мощности, что надо предпринять, чтобы ракета точно ложилась на курс и т.д. Всё это, учитывая разделяющиеся ГЧ, твёрдое, а не жидкое топливо, является несомненным плюсом советского проекта, но сравните, пожалуйста, даты создания поездов – **1944 и 1984....**

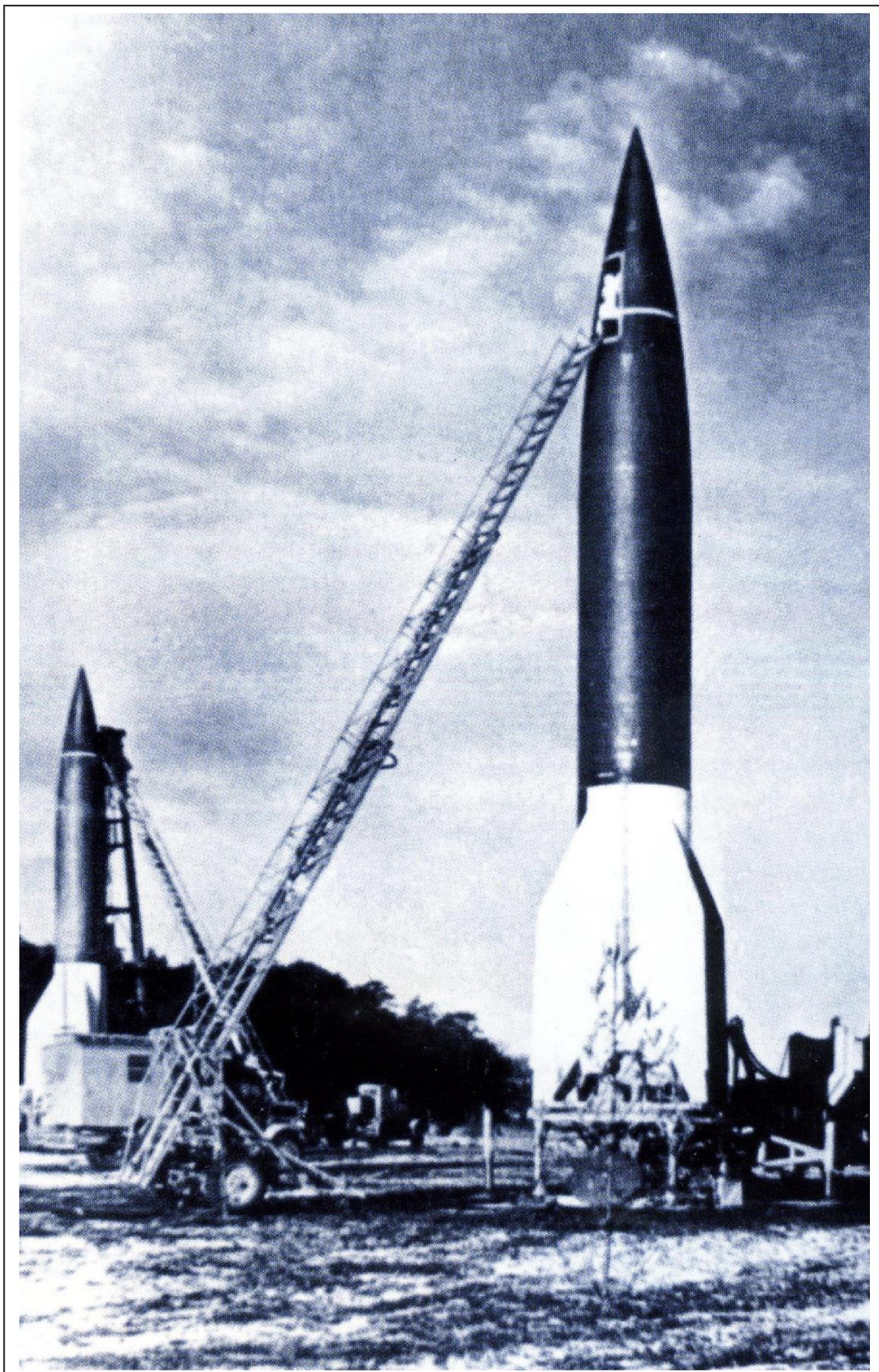
Что и как ни говори, но перед немецкими ракетчиками 30-40-х годов XX века надо «снять шляпу», и не воспользоваться их разработками, не взять ФАУ-2 в качестве военных трофеев было бы просто преступлением.

Теперь, после приведения некоторых вводных сведений, считаем, можно приступить к рассказу о том, когда, кто и как вывозил немецкую трофейную ракетную технику и документацию из послевоенной Германии в СССР.

После завершения работы Ялтинской конференции, если быть точным, то 21 февраля 1945 года, постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) № 7563сс на всех фронтах были созданы постоянные комиссии по вывозу промышленного оборудования, материалов и документов с территорий Польши и Германии в Советский Союз. Четыре дня спустя, 25 февраля 1945 года, И.В. Сталин подписал постановление № 7590сс о создании Особого комитета при ГКО в составе Г.М. Маленкова, Н.А. Булганина, А.В. Хрулёва, Н.А. Вознесенского, и начальника трофейного управления генерал-лейтенанта Ф.И. Вахитова, в чьё распоряжение передавались 40 рабочих батальонов.

31 мая 1945 года ГКО узаконил деятельность наркоматовских групп, издав постановление «О проведении работы по выявлению и вывозу лабораторного и заводского оборудования, чертежей и опытных образцов немецких реактивных снарядов». Постановление обязывало уполномоченных Особого комитета ГКО М.З. Сабурова, П.С. Кучумова и К.С. Гамова организовать в кратчайшие сроки в Германии означенные выше работы и о всех, связанных с ними проблемах, докладывать Народному комиссару боеприпасов Б.Л. Ванникову.

В июле 1945 года, взяв за основу предложение Министра боеприпасов СССР Б.Л. Ванникова и в соответствии с указанием И.В. Сталина, решением ГКО (№ 9475сс) была создана межведомственная комиссия из представителей Наркоматов и ГАУ. Председателем комиссии назначили заведующего отделом ЦК ВКП(б), члена Военного совета ГМЧ генерал-лейтенанта Л.М. Гайдукова.

ФАУ-2 – основной объект «охоты» за трофейным немецким ракетным оружием на территории Германии в 1945-1946 годах.

Несколько ранее была создана группа по сбору реактивной техники из электротехников и артиллерийских техников ГМЧ. Первоначально офицеры этой группы были направлены во 2-ой учебный дивизион, подчинявшегося командующему ГМЧ генерал-лейтенанту П.А. Дегтярёву, а впоследствии – в группу при 92-ом ГМП, которым командовал подполковник Черненко. Спустя некоторое время она стала именоваться группой «Нордхаузен».

В конце войны многим стало понятно, что в основе будущего оружия лежит реактивная тяга, т.е. баллистические, крылатые и зенитные ракеты, а также самолёты с реактивными двигателями. Именно Л.М. Гайдуков приложил немало усилий для того, чтобы процесс освоения и совершенствования этого направления незамедлительно пошёл по необходимому руслу. Он, являясь в те годы заведующим отдела ЦК, заручился поддержкой И.В. Сталина, став по сути дела координатором работ со всеми наркоматами и ведомствами в этом направлении.

С подачи Л.М. Гайдукова начальник ГАУ маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев поручил командованию гвардейских миномётных частей «прибрать к рукам» трофейную немецкую технику. Начало этого процесса было положено созданием комиссии под руководством начальника Управления вооружения ГМЧ генерал-майора А.И.Соколова, кстати, он в то время был ещё и заместителем заведующего отделом ЦК ВКП(б), начавшей свою деятельность с ракетного испытательного центра Германии в Пенемюнде (остров Узедом на Балтике).

Вместе с генералом А.И. Соколовым 9 августа 1945 года из Москвы в Германию вылетела первая целевая «ракетная» группа в составе: В.П. Мишина, В.П. Бармина, Н.А. Пилюгина, М.С. Рязанского, Е.Я. Богуславского, Г.Н. Листа, И.О. Райкова и Л.А. Воскресенского, которые впоследствии и возглавили все направления ракетно-космической отрасли и испытаний в этой области.

Соколов Андрей Илларионович (1910-1976) – военный деятель, учёный в области специального аппаратостроения, доктор технических наук (1964), лауреат Ленинской премии (1961) и Государственной премии СССР (1965).

Вернувшись из Германии, А.И. Соколов занял руководящую должность начальника управления Министерства обороны. Позднее в НИИ-4 его деятельность имела огромное значение в организации командно-измерительного комплекса. Он также в течение многих лет был Председателем Государственных комиссий по испытаниям ракетно-космических комплексов.

В августе 1945 года в Германии, на территории земли Тюрингия, в городе Бляйхероде завершилось спонтанное формирование института «РАВЕ» под руководством представителей Наркомата авиационной промышленности СССР А.М. Исаева и Б.Е. Чертока, приехавших в Германию с первой группой НИИ-1 авиапромышленность в составе первой группы генерал-майора Петрова для решения задач в интересах авиации. Немного позже к ним присоединился Н.А. Пилюгин. В августе же 1945 года по поручению начальника ГАУ маршала

Н.Д. Яковлева в г. Бляйхероде прибывает с группой офицеров заместитель начальника ГАУ генерал-майор Н.Н. Кузнецов с широкими полномочиями Правительства возглавить всю ракетную тематику на территории Германии. Он, однако, не сыграл той организующей роли в этой области и был отозван.

По инициативе Л.М. Гайдукова институт RABE, в котором работали, немецкие специалисты-ракетчики доукомплектовывается представителями советских научных учреждений, среди которых были позднее ставшие главными конструкторами ракетно-космических систем М.С. Рязанский и В.И. Кузнецов.

Именно Лев Михайлович Гайдуков становится тем двигателем от имени партии и правительства, который объединил в единую систему различные оборонные структуры страны для решения новых задач освоения ракетной технологии на базе трофейной немецкой техники ещё на территории Германии.

Это по его инициативе разрозненные группы, занимавшиеся ракетной тематикой, объединяются в единый центр с предварительным названием «Особая правительственная комиссия «группа Нордхаузен», впоследствии – институт «Нордхаузен». Её возглавить поручается А.Ф. Тверецкому, которого Гайдуков знал давно и он, по его мнению, как никто другой соответствовал этой должности. Кроме того, ещё в мае-июне 1945 года, Л.М. Гайдуков уже понимал, что для освоения трофейной ракетной техники, в частности, ФАУ-2 и технической документации к ней, будет необходима какая-то военная структура и начал для этого готовить «почву».

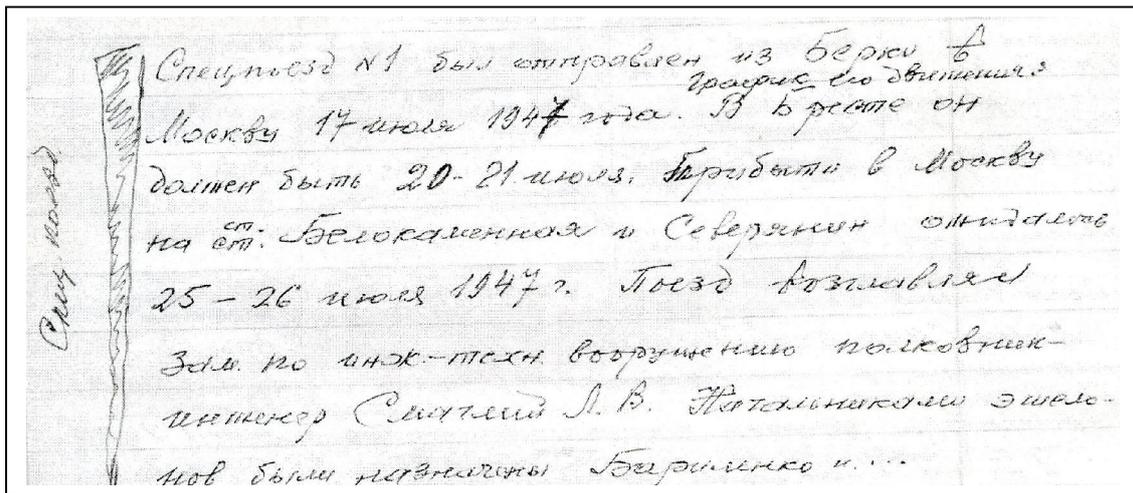
Основной задачей этой, как было сказано, особой комиссии, а затем и специального ракетного соединения была подготовка техники и освоение технологии пуска ракет типа А-4 (ФАУ-2) на базе немецкого промышленного их производства.

В решении этой задачи обязательным условием являлось совместное и продуктивное взаимодействие и военных, и гражданских специалистов, которые входили в группы особой комиссии в городе Бляйхероде. Гражданскую группу («Выстрел») возглавлял Сергей Павлович Королёв. В неё входили его ближайшие сподвижники: Л.А. Воскресенский, В.П. Мишин, С.С. Лавров и др. Военные специалисты входили в группу, которая состояла из офицеров 92-го гвардейского миномётного полка (П.Г. Черненко, Р.Б. Ванников, И.Б. Бровка, М.П. Болтов, Косоруков, Крайзман, Кадзаев, А.Т. Рождественский и др. офицеры). Были ещё группы института «RABE» (Н.А. Пилюгин, Е.Я. Богуславский, Б.Е. Черток и др.); «Верк-3» (Е.М. Курило, В.С. Будник, В.А. Рудницкий); «Леестен» (В.Л. Шабранский, Гречанинов, занимавшиеся испытательным стендом) и несколько других групп. Особое внимание уделялось ракете ФАУ-2. Ей занимались все группы комиссии..

В феврале 1946 года Александр Фёдорович Тверецкий приступает к руководству комиссией «Нордхаузен», которую попросту называли группой генерала Тверецкого. После представления коллективу он знакомится со всеми её составляющими и сотрудниками индивидуально. Затем А.Ф. Тверецкий посетил институт «RABE», где провёл беседы с его руководителями Б.Е. Чертоком и Н.А. Пилюгиным, Е.Я. Богуславским, помог им решить некоторые текущие,

неправильной позиции, занятой генерал-майором Н.Н. Кузнецовым, который до этого был предшественником А.Ф. Тверецкого. Неясности и недоразумения были устранены. Строительство спецпоезда возобновилось, и он 17 июля 1947 года под командованием заместителя командира БОН РВГК по инженерно-техническому вооружению полковника Л.В. Смагляя убыл в Москву, а в октябре того же года он прибыл на полигон Капустин Яр.

Об этом в своих воспоминаниях А.Ф. Тверецкий пишет так:

А весь период конца 1945 – первой половины 1946 гг. А.Ф. Тверецкий описывает следующим образом:

«Волею судеб в течение двух с половиной месяцев возглавлял институт «Нордхаузен».

На территории ГСОВ в Германии с мая 1945 года работала Советская техническая комиссия по изучению и обобщению боевого опыта применения ракетной техники в Великой Отечественной войне и её дальнейшем развитии. Основные центры этой комиссии находились в Берлине (условное наименование «Институт Берлин») и в г. Бляйхероде (условное наименование «Институт Нордхаузен», так он стал называться с июля 1946 года).

«Институт Берлин», в который входили наши учёные, конструкторы, инженеры, занимался проблемными вопросами развития ракетной техники, опираясь в своей работе на знания немецких учёных, на их теоретические и лабораторные разработки. Группой немецких специалистов руководили наши учёные и конструкторы (Г.А. Тюлин – начальник «Инс-та Берлин», В.П. Глушко, В.П. Бармин, М.С. Рязанский, И.Б. Бровка)

«Институт Нордхаузен», в который входили группы, расположенные в разных населённых пунктах: Нордхаузен, Бляйхероде, Леестен, Клейнбодунген, Пенемюнде, Гота, Лангезальц, Зондерхаузен, Берка.

Руководство «Института Нордхаузен» (с 25 февраля 1946 года): – генерал-майор артиллерии А.Ф. Тверецкий, главный инженер – Ю.А. Победоносцев, руководитель группы «Выстрел» – С.П. Королёв, В.П. Мишин, В.А. Рудницкий, Л.А. Воскресенский, С.С. Лавров, Б.Е. Черток, К.А. Обухов, Н.А. Пилюгин, Богуславский (руководитель группы приборов управления), Е.М. Курило, Малов,

Артамонов, Фонарёв, Шабринский, Шитов, Горюнов, Трубачёв, Дыба.

После 9 мая 1946 года к нам прибыла комиссия под руководством Министра вооружения СССР генерал-полковника Д.Ф. Устинова, а в состав комиссии входили маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, генерал армии И.А. Серов и ещё 9-10 министров СССР с целью проверки деятельности Советской технической комиссии и с функциями принятия решений по ходу дела прямо на месте.

В результате проверки деятельности «Института Нордхаузен» было дано «добро» всем работам, проводимым на местах и во всех группах.

Штаты групп на тот период времени выглядели так:

<u>Группа «Выстрел»</u>	<u>Бляйхероде</u>	<u>Клейнбодунген</u>	<u>Зондерсхаузен</u>
С.П. Королёв	Б.Е. Черток	Е.М. Курило	(д Берка)
В.П. Мишин	Е.Я. Богуславский	А. Рудницкий	П.Г. Черненко
Л.А. Воскресенский	Н.А. Пилюгин	К.А. Обухов	Крайзман
Н.А. Пилюгин	В.В. Кастальев		Фонарёв
С.С. Лавров			С.И. Кадзаев
			И.Б Бровко
			М.П. Болтов
			Косоруков
<u>Лангезальц</u>	<u>Гота</u>	<u>Леестен</u>	<u>Пенемюнде</u>
Малов	Смаглий	Шабранский	В.К. Шитов
Трубачёв	Привалов	Гречанинов	
Дыба	А.И. Носов		
	Воробьёв		

Результаты работы комиссии были такими: Д.Ф. Устинов, посмотрев 4-хкратные огневые проверки двигателей на испытательной станции, заявил: «Беру на себя производство ракеты типа А-4 (ФАУ-2) и подключаю к этому делу всех необходимых мне министров».

На маршала артиллерии Н.Д. Яковлева Министр вооружения Д.Ф. Устинов возложил задачу организации военной приёмки ракеты и всего комплекса в целом (агрегаты, наземное оборудование). Помимо этого, маршал Н.Д. Яковлев получил указание на формирование первой бригады особого назначения.

Буквально на следующие сутки начальник ГАУ маршал Яковлев Николай Дмитриевич объявил мне, что меня назначают командиром специальной части – бригады особого назначения резерва Верховного Главнокомандования. Формировать бригаду приказано на базе 92-го ГМП в деревне Берка, расположенной близ города Зондерсхаузен. Он ознакомил меня (под личную подпись) с Директивой ГШ ВС, которая предписывает сроки формирования, структуру, порядок подготовки личного состава бригады к пуску ракеты ФАУ-2 с полигона на территории Советского Союза. Назывался срок – осень 1947 года»

В этой связи в мае 1946 года Тверецкого с должности начальника

особой правительственной комиссии «Группа «Нордхаузен» назначили на должность командира БОН РВГК.

На основании решения специального комитета по реактивной технике при СМ СССР Л.М. Гайдуков на базе группы «Нордхаузен» формирует «Институт Нордхаузен», возглавляет его и по согласованию с А.Ф. Тверецким главным инженером института назначает С.П. Королёва.

Александр Фёдорович Тверецкий с конца мая 1946 г. начал формировать бригаду особого назначения на базе 92-го ГМП.

Соединение формировалось не только из офицеров 92-го ГМП, но и офицеров других частей с большим боевым опытом. В своих записях о том времени А.Ф. Тверецкий вспоминал:

«Все сложности формирования БОН заключались в том, что бригада в своей основе должна была состоять, как я понимал, из офицеров с высшим инженерным или средним техническим образованием. Такому формированию способствовало проходившее после войны расформирование многих авиационных частей, частей связи, ГМЧ, артиллерийских и др.»

С целью более глубокого обучения офицеров бригады А.Ф. Тверецкий подключает к этому делу весь институт «Нордхаузен». Он определяет офицеров в группы Королёва, Мишина, Воскресенского, Пилюгина, Чертока и другие по разным направлениям ракетной тематики в соответствии с предназначением по оргштатной структуре бригады. Тверецкий организует обучение так, чтобы осваивать всю технологию изготовления узла, агрегата, прибора и всей ракеты в комплексе, включая электрические схемы и рабочие чертежи.

В этот период А.Ф. Тверецкий вместе со своими офицерами дорабатывает организационно-штатную структуру бригады и её подразделений.

К августу 1946 года объединённый институт «Нордхаузен», в который вошли все структуры ракетной тематики, слившись с институтом «РАВЕ», принял более организованный и строго направленный характер совместного обучения офицеров бригады и гражданских специалистов.

Несколько слов о 92-ом ГМП.

После войны 92-ой ГМП дислоцировался в деревне Берка (близ города Зондерсхаузен) с задачей организации охраны завода по производству ракетной техники «Миттельверк» и других задач, связанных с освоением ракеты ФАУ-2 на базе собранных узлов и агрегатов в районе этого завода и других его обслуживающих структур.

Сбор узлов и агрегатов ракеты до августа 1945 года проходил в сложных условиях и, в основном, зависел от энтузиазма советских специалистов и офицеров полка, так как Тюрингия, на территории которой размещался завод по сборке ракеты ФАУ-2, находилась в зоне оккупации американской армии. Только после Потсдамской конференции, когда эта зона отошла под советскую юрисдикцию, стало проще решать эти задачи. Однако к этому времени американцы «выгребли» почти всё, что находилось в подземных заводах «Миттельверк» и «Нордверк».

Работа эта велась американскими военными служащими в течение месяца (с середины апреля 1945 года). Многотонные грузовики круглосуточно сновали, перевозя ценнейший груз в Антверпен, где он переносился на морские корабли и отправлялся в США.

Ещё более ценной добычей американцев оказались немецкие ракетные специалисты, которых во главе с Вернером фон Брауном тоже отправили в Америку. Их было более 500 человек.

Нам из тех подземных заводов досталась лишь малая часть, но ни одной боевой ракеты в сборе не было. В качестве «презента» от американцев мы получили всего одну учебную ракету, и то без комплекта документации.

В процессе поиска и сбора вплоть до августа 1946 года А.Ф. Тверецкий организовал в институте офицерами БОН совместно с гражданскими специалистами перевод на русский язык эксплуатационной документации, необходимой для подготовки ракеты к пуску. Переведены были также описания на пневмогидравлические и электрические схемы. Помимо этого, на русский язык перевели план-график испытаний и подготовки к пуску ракеты ФАУ-2.

На основании этого графика Александр Фёдорович Тверецкий сформировал стартовую команду, которая проводила автономные и генеральные испытания всех систем ракеты. Шли тренировки и в заправке ракеты, правда, пока водой, имитируя пуск ракеты. Всё это проводилось на специально подготовленной стартовой позиции и на собранном самими же из узлов и агрегатов стартовом оборудовании.

Огромная сложнейшая поисково-созидательная работа совместно военных и гражданских специалистов, а также военнослужащих 92-го ГМП позволила уже в апреле 1946 года показать свои достижения Государственной комиссии.

Председателем комиссии был заместитель Министра вооружения СССР В.М. Рябиков.

Ракета была поставлена на пусковое устройство. Баки окислителя и горючего наполнили водой, а вот парогенератор офицеры тайно, с умыслом заправили основными компонентами, т.е. перекисью водорода и перманганатом калия. Когда была нажата кнопка «Пуск», заработали парогенератор и турбина турбонасосного агрегата. Как только это произошло, члены комиссии, в прямом смысле слова, сбежали со стартовой площадки. Это понятно и легко объяснимо. Ведь в те времена никто, кроме тех, кто имел дело с ракетами, не видел такого «монстра» и не понимал, что может и должно произойти с этой невиданной ранее громадиной, стоящей на пусковом столе весом в 13 тонн и высотой в 14 м ракетой ФАУ-2.

А.Ф. Тверецкий понимал, что после всего увиденного председатель Государственной комиссии В.М. Рябиков доложит об этом своему министру Д.Ф. Устинову, тот – Сталину, и «ракетное колесо» закрутится в полную силу. Действительно, так и получилось.

На основании докладной записки от 17.4.1946 года «Об организации научно-испытательных и опытных работ в области реактивного вооружения», которую подписали Берия, Маленков, Булганин, Ванников, Устинов и Яковлев, И.В. Сталин уже 13 мая 1946 года подписывает Постановление Совмина СССР

№ 1017-419сс «Вопросы реактивного вооружения», в котором были определены сроки, задачи, структуры и ответственные лица за решение этих задач. Пункт 16 этого Постановления гласил: «...сформировать специальную артиллерийскую часть для освоения, подготовки и пуска ракет типа ФАУ-2».

В свете этого Постановления определяются все вопросы, связанные с подготовкой к пуску гражданских и военных структур и пуска ракеты типа ФАУ-2 с территории СССР. Перенацеливаются направления и усилия всей деятельности Л.М. Гайдукова (он становится начальником объединённого «Института Нордхаузен»), А.Ф. Тверецкого (он приступает к непосредственному формированию БОН РВГК, готовя её к выполнению поставленной задачи по подготовке к пуску ракет типа ФАУ-2). В связи с этим начальник 1-го Главного управления министерства вооружения Н.Э. Носовский назначается «Руководителем работ по реактивной технике в Германии».

Этот этап работы «группы Тверецкого» подытоживается Докладной запиской И.В. Сталину от 24 июня 1946 года за подписью Д.Ф. Устинова, И.Г. Кабанова, Н.Д. Яковлева, И.А. Серова, П.И. Горемыкина и Н.Э. Носовского «О состоянии работ по реактивной технике» с выводами и предложениями по дальнейшей работе. Итог этой работы подводится в «Отчёте конструкторских, технических и научно-исследовательских бюро земли Тюрингии, выполняющих разработки по военной тематике» с сопроводительным письмом Начальника управления СВА земли Тюрингия И.С. Колесниченко Главномачальствующему СВАГ В.Д. Соколовскому 14 июля 1946 года с высокими оценками.

Из отчета о конструкторских, технических и научно-исследовательских бюро земли Тюрингия, выполняющих разработки по военной тематике, с сопроводительным письмом начальника Управления СВА земли Тюрингия И.С. Колесниченко Главномачальствующему СВАГ В.Д. Соколовскому

№ 01121

14 июня 1946 г.

Совершенно секретно

Главномачальствующему Советской военной администрации
в Германии Маршалу Советского Союза Соколовскому

Представляю отчет, составленный согласно требований приложения 1 к CDIS/П/46/1-пересмотренный и CORC/П/46/186¹ по федеральной земле Тюрингия.

Указания по составлению настоящего отчета мною были лично получены от генерал-майора авиации Ковалева.

Приложение: упомянутое на 50 листах.

Начальник УСВА федеральной земли Тюрингия,
гвардии генерал-майор

Колесниченко

Приложение

Отчет
о выполнении требований приложения 1
к CDIS/П/46/1-пересмотренный и CORC/П/46/186
по федеральной земле Тюрингия

[...]²

В Тюрингии по состоянию на 10 июня 1946 г. на учете находятся следующие группы (конструкторские, технические и научно-исследовательские бюро), которые выполняют разработку военной тематики под руководством и по заданиям представителей министерств СССР:

а) Министерство вооружения

[...]³

С этого момента для Александра Фёдоровича Тверецкого начинается новый этап его жизни и службы. Очень сложный, с жёсткими рамками по времени и возможностям, но в то же самое время по-настоящему творческий период – этап первопроходца-ракетчика. Цель – осуществление ПЕРВОГО пуска баллистической ракеты с территории нашей страны.

Проделать предстояло огромную работу по многим-многим направлениям, но начинать, конечно, нужно было с подбора людей, очень надёжных и преданных абсолютно новому виду оружия – баллистическим ракетам. Такие люди на примете генерала А.Ф. Тверецкого уже были. Это, в первую очередь, офицеры группы «Нордхаузен», и офицеры, сержанты и солдаты 92-го ГМП, которым тогда командовал гвардии подполковник П.Г. Черненко.

Со своей стороны они с большим уважением относились к боевому генерал-майору артиллерии Тверецкому, прошедшему вместе с ними всю войну, командуя соединениями гвардейских миномётов («катюши»).

Небезынтересен, пожалуй, здесь будет отрывок из воспоминаний одного из них, ракетчика полковника в отставке (в 1945 году – старший лейтенант) Георгия Васильевича Дядина. К сожалению, Г.В. Дядин на 86-ом году ушёл из жизни в 2010 году (он проживал в г. Одинцове Московской области). В книге «Памятные старты» (ЦИПК РВСН, 2001, стр. 45) он пишет:

– «А.Ф. Тверецкий, моложавый, 42 лет генерал-майор артиллерии был очень обаятельным, вежливым и интеллигентным человеком. Внимательно выслушивал наши предложения, детально изучал их, не стеснялся советоваться с подчинёнными по вопросам организации нового для всех нас ракетного дела. Выглядел он очень приятно, был обходителен, спокоен, уравновешен. Одним словом, Александр Фёдорович Тверецкий был требовательным и вместе с тем заботливым и внимательным командиром».

В унисон с этими воспоминаниями звучат и слова одного из патриархов советской и российской космонавтики, академика академии наук СССР Героя Социалистического Труда Бориса Евсеевича Чертока, который в своей книге «Ракеты и люди» пишет следующее:

– «Параллельно с нашей военно-промышленной организацией, каковой, по существу, был институт «Нордхаузен», создавалась чисто военная система, в обязанности которой входило освоение эксплуатации ракетной техники. На базе гвардейской миномётной части подполковника Петра Григорьевича Черненко, дислоцировавшейся вблизи города Зондерсхаузена, в деревне Берка, приступили к формированию бригады особого назначения резерва Верховного Главнокомандующего (БОН РВГК). Командиром бригады был назначен боевой генерал Александр Фёдорович Тверецкий.

Мы отправились в Зондерсхаузен, где размещался весь офицерский состав БОН, чтобы познакомиться там с новой для нас военной организацией и её командиром. Сергей Павлович Королёв больше всего боялся, что новая очень сложная техника попадёт в руки командиров-солдафонов, и тогда вся наша работа на самой конечной стадии может быть дискредитирована. Однако опасения были напрасными. Генерал Тверецкий оказался доброжелательным, интеллигентным и располагающим к себе человеком. В этом мы убедились,

встречаясь с ним не только по службе, но и в семейной обстановке.

Но в одном Александр Фёдорович проявил твёрдость с первых же дней.

В БОН ежедневно прибывали военные специалисты – офицеры с большим фронтовым опытом из различных родов войск. Тверецкий заявил, что он не намерен отнимать у них время на строевую, физическую и политическую подготовку, и категорически настаивал, чтобы мы допустили офицеров к работе в лабораториях и подразделениях института, к испытаниям ракет на производстве в Кляйнбодунгене, к работе группы «Выстрел». Королёв и Пилюгин не выразили на этот счёт энтузиазма, потому что мы и так были пресыщены советскими специалистами-инженерами и военными, но Тверецкий всё же на своём настоял».

Гвардии подполковник Пётр Григорьевич Черненко – командир 92-го гвардейского миномётного Гомельского ордена Ленина, Краснознамённого, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого полка («катюши»).

С 1946 года стал первым заместителем генерал-майора А.Ф. Тверецкого, т.е. командира бригады особого назначения Резерва Верховного Главнокомандования (БОН РВГК).

(Снимок сделан на полигоне Капустин Яр в декабре 1947 года).

Борис Евсеевич Черток упомянул о прибытии в Германию в 1946 году советских специалистов-ракетчиков для изучения немецкой трофейной техники, что, кстати говоря, предусматривалось Постановлением Совета Министров СССР «Вопросы реактивного вооружения» от 13 мая 1946 года.

Действительно, в течение шести месяцев (июнь-декабрь) в разные города Германии из Советского Союза приезжали учёные, инженеры, среди которых были в будущем выдающиеся ракетные конструкторы: Л.А. Воскресенский, С.П. Королёв, Н.А. Пилюгин, В.П. Бармин, Е.Я. Богуславский, В.И. Кузнецов, Б.Е. Черток, М.С. Рязанский, В.П. Глушко, В.С. Будник, В.П. Рудницкий, С.С. Лавров, В.П. Мишин, Ю.А. Победоносцев, А.М. Исаев...

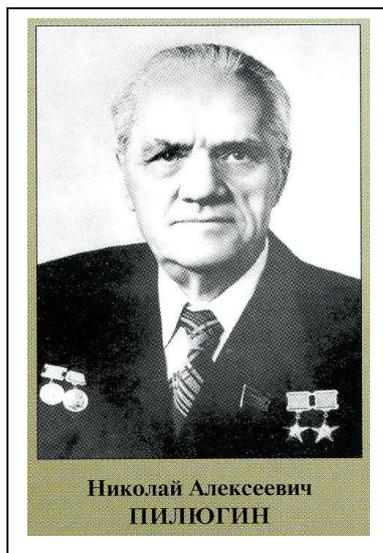
В последующем из этих первых ракетчиков был создан Совет главных конструкторов ракетно-космической техники, который возглавил С.П. Королёв.

Всех их, для маскировки, что ли, переодели в военную форму, присвоив воинские звания. Офицеры-фронтовики в шутку их называли «профсоюзными» офицерами. Принцип присвоения им воинских званий был не очень-то понятным. Например, С.П. Королёв был подполковником, а некоторые его заместители, носили погоны полковника. Правда, вскорости это исправили, и Королёву присвоили звание полковника, что, конечно, не являлось главным, поскольку процесс ознакомления и изучения немецкой ракетной техники так всех увлёк, что было не до регалий и прочих знаков воинских различий.

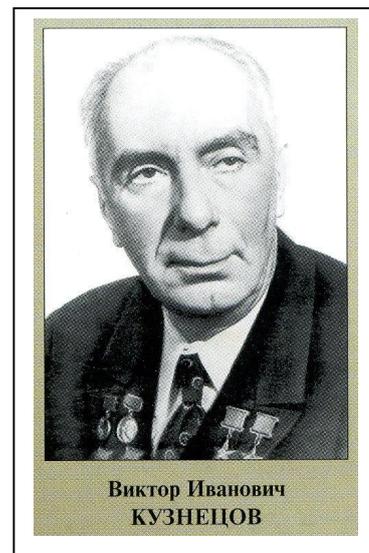
С О В Е Т Г Л А В Н Ы Х К О Н С Т Р У К Т О Р О В

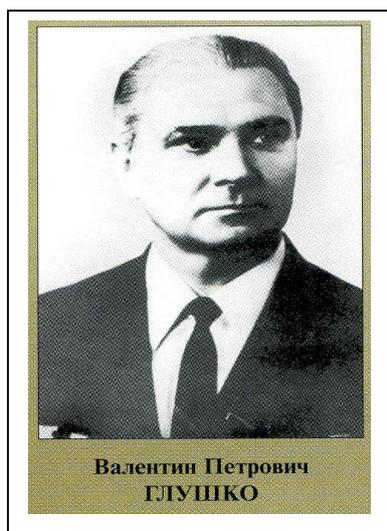
**СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ
КОРОЛЁВ**

**Николай Алексеевич
ПИЛЮГИН**

**Виктор Иванович
КУЗНЕЦОВ**

**Валентин Петрович
ГЛУШКО**

**Владимир Павлович
БАРМИН**

**Михаил Сергеевич
РЯЗАНСКИЙ**

Там, в германии 1945-1946 г.г. все они были гораздо моложе, носили военную форму, были энергичны, активны, целенаправленны, оперативны, рачительны.

Всё было исключительно интересно, полезно и нужно в деле дальнейших разработок отечественных образцов ракетной, затем и космической техники.

Здесь, думаем, уместно будет поразмыслить о дальнейшем развитии отечественной ракетно-космической науки.

Гении, как говорят учёные-историки, в большинстве случаев не требуют внешней помощи, поддержки, они сами поднимутся из любых пучин и засияют над миром людей. **Таланты** же, будь они даже очень большими, чтобы их увидели, оценили и воспели, нуждаются в соответствующих, складывающихся вокруг них ситуациях, взаимоотношениях в обществе, на производстве или службе. Всё это должно как-то удачно совокупиться, сложиться, чтобы затем, образно говоря, лить, воду на их мельницу. Иначе, не видать удачи.

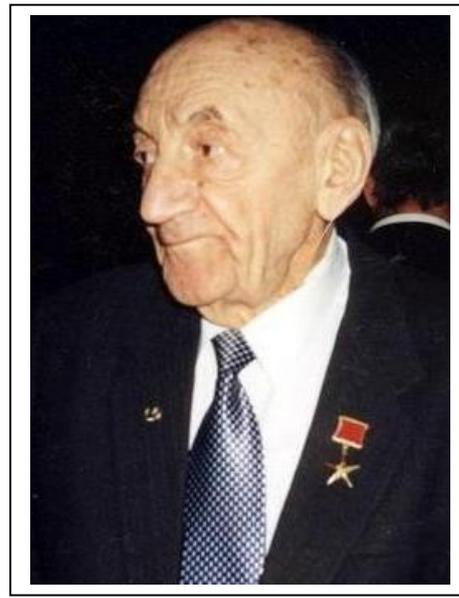
В РАЗНЫЕ ГОДЫ ПЕРВЫЕ ЗАМЕСТИТЕЛИ СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА КОРОЛЁВА

*Леонид Александрович
ВОСКРЕСЕНСКИЙ
Герой Социалистичес-
кого Труда, доктор
технических наук*

*Василий Павлович
МИШИН
Герой социалистического
Труда, академик АН СССР,
лауреат Ленинской премии*

*Борис Евсеевич ЧЕРТОК
Герой социалистического
Труда, действительный член
АН РФ, лауреат Ленинской и
Государственной премий СССР*

Понятное дело, любые отрасли науки, техники, производства, искусства не заглохли бы, как-то развивались бы, шли бы вперёд и без них, но, право же, другим путём и в ином временном графике. Сие бесспорно, но фамилий, приведённых нами выше, вы никогда бы, вероятно, и не услышали. Хорошо это или плохо, однозначно утверждать невозможно. Мы лишь констатировали, на наш взгляд, истину.

Думается, что будущие «ракетные академики» состоялись ещё и потому, что они тогда, в 1945-1947 г.г. находились рядом с незаурядными личностями генералами-фронтовиками Л.М. Гайдуковым и А.Ф. Тверецким, которые, чётко видя перспективу и широчайшие возможности ракетного оружия, всячески (и морально, и организационно) на начальном этапе поддерживали советских, названных выше, учёных-ракетчиков.

Прочтите, пожалуйста, выдержку из материалов, посвящённых 50-летию РВСН (автор – писатель А.В. Луценко), вы согласитесь с нашими размышлениями.

— «... Были определены практические меры по созданию новой отрасли оборонной промышленности – ракетостроения, образован Специальный Комитет по реактивной технике, который разработал и представил на утверждение Председателю Совета Министров СССР план научно-исследовательских работ на 1946-1948 годы, где ставились следующие первоочередные задачи:

1. _ воспроизведение с применением отечественных материалов ракет типа ФАУ-2 (дальнобойной управляемой ракеты) и «Вассерфаль» (управляемой зенитной ракеты);

2. _ полное восстановление технической документации и образцов ракет ФАУ-2, «Вассерфаль», «Рейнтохтер», «Шметтерлинг»;

3. _ восстановление лабораторий и стендов с оборудованием, приборами, необходимыми для проведения исследований и опытов по ракетам ФАУ-2, «Вассерфаль», «Рейнтохтер», «Шметтерлинг»;

4. _ подготовка кадров специалистов, которые овладели бы конструкцией ракет ФАУ-2, зенитных управляемых и других ракет, методами испытаний, технологией производства деталей, узлов и сборки ракет.

По утверждённому Правительством Советского Союза графику все работы по подготовке наземного оборудования и самой ФАУ-2 требовалось завершить к 1 июня 1946 года, и его срыв означал бы невыполнение решений партии и правительства. В то время такие действия могли расцениваться как преступление. Но ведь мало подготовить, а в ряде случаев и изготовить отсутствовавшие бортовые приборы, и агрегаты наземного оборудования.

Не менее трудной стояла задача по подготовке номеров расчётов для пуска ракет: стартовиков, двигателистов, электроогневики, заправщиков и прибористов. Им предстояло за немисливо короткий срок освоить выполнение целого набора совершенно новых и довольно сложных технических задач по предстартовой подготовке к пуску ракет.

Пуск – это коллективный труд большого количества людей, когда успех зависит от ответственной работы каждого, принимающего участие в этом процессе.

Непосредственным отбором и подготовкой кадров руководили генералы Л.М. Гайдуков и А.Ф. Тверецкий. Уровень, как видите, был высокий, а ответственность – ещё выше, и спрос с них – самый нещадный.

Так или иначе, но как раз те события заложили первый камень в фундамент строительства отечественного ракетостроения и космонавтики».

В материалах, приведённых выше, упоминается об ответственном, очень важном моменте формирования БОН РВГК, а именно – отборе в её состав военнотружущих, наилучшим образом подходящих для работы с новым видом оружия, баллистическими ракетами. В этой связи приведём несколько воспоминаний людей, пришедших в те годы в подчинение генерал-майора А.Ф. Тверецкого, как говорится, со стороны, т.е. не из группы «Нордхаузен» и не из 92-го ГМП.

Вот как стал ракетчиком Юрий Александрович Мозжорин, впоследствии – доктор технических наук, профессор, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, Герой Социалистического Труда.

Ю.А. Мозжорин в июне 1941 года окончил Московский авиационный технологический институт и занимался аэродинамикой летательных аппаратов в конструкторском бюро под руководством В.Ф. Болховитинова.

Война, фронт, передовая, тяжёлое ранение. В 1942 году откомандирован в Военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, которую окончил два года спустя и был зачислен старшим инженером кафедры аэродинамики при академии. Работа была очень интересной и нужной, но дальше произошло следующее. Случилось не то, чтобы неожиданное, сюрпризное,

а во всех, как говорится, измерениях непонятное, неразъяснимое. Что-то узнать, выяснить не представлялось возможным: никто ничего не говорил по причине честного незнания, неведения. Оказалось, указания шли с самого «верха».

Юрий Александрович Мозжорин
(снимок 1986 года)

Воспоминания Ю.А. Мозжорина:

«В июле 1946 года меня вызвали в отдел кадров академии, где предложили оформлять «бегунок». «Завтра вечером Вы летите за границу. Зачем? Точно неизвестно. Предположительно – во Францию, на Парижскую конференцию экспертом в области аэродинамики при рассмотрении вопроса о репарациях».

В управлении кадров ВВС, получая направление, встретил ещё девять военных инженеров из различных учреждений и предприятий с такой же секретной миссией.

Вылетели ночью с Центрального аэродрома на самолёте Ли-2 в составе большой экспедиции из 11 подобных самолётов, на одном из которых летел Министр иностранных дел СССР В.М. Молотов.

Первая посадка произошла в Берлине, как нам объявили, для дозаправки. К нашему самолёту подъехал «Студебеккер», и вышедший из него капитан зачитал нам наши фамилии и жёстко предложил садиться в кузов машины с вещами. Мы, конечно, запротестовали, сказав, что летим в Париж и здесь находимся временно. Самолёт заправится, и мы полетим дальше, во Францию. Капитан хмыкнул и скомандовал: «Я что, выдумал ваши фамилии? А ну быстро залезайте в машину. Вы направлены в другое место».

«Студебеккер» поехал в Берлин, а самолёты полетели на запад. Нас привезли в посёлок Берка, объявив, что мы являемся военнослужащими БОН и завтра нас примет командир бригады генерал-майор Тверецкий и заместитель его по технической части – полковник Смаглий. Бригада формировалась для изучения и эксплуатации ракет дальнего действия типа ФАУ-2.

Так я попал в ряды специалистов ракетно-космической техники, навсегда расставшись с авиацией».

Частенько в деле отбора кадров для работы в институте «Нордхаузен» Александру Фёдоровичу Тверецкому помогал Сергей Павлович Королёв.

Вспоминает полковник в отставке, лауреат Государственной премии СССР Георгий Ильич Иоффе.

В середине 50-х годов XX века – начальник отдела

испытательного управления Государственного Центрального полигона Капустин Яр. Последняя должность в армии – районный инженер Военной приёмки в ОКБ при Ленинградском политехническом институте.

Георгий Ильич Иоффе (снимок 1985 года)

«Апрель 1945 г. После боёв в Берлине и взятия рейхстага нашу часть расформировали, а в мае 1946 года меня вызвали в Потсдам в отдел кадров артиллерии группы советских войск в Германии. Беседу со мной вёл полковник Сергей Павлович Королёв, к которому затем присоединился майор Бровка.

Сергей Павлович внимательно посмотрел на меня и сказал, что с моим личным делом он познакомился, я ему подхожу, и продолжил: «Вы хорошо знаете немецкий язык – это нам очень надо, займётесь переводом немецкой документации на русский язык. Отдохните немного и в начале июня явитесь в распоряжение генерал-майора Александра Фёдоровича Тверецкого, командира бригады особого назначения».

Затем в кабинет вошли капитан Герасюта, впоследствии действительный член Украинской академии наук, и старший лейтенант Лавров, впоследствии член-корреспондент АН СССР. Оба они тоже были назначены в БОН РВГК и втроём мы отправились в деревню Берка».

Значимой фигурой в БОН РВГК, которой командовал генерал-майор А.Ф. Тверецкий, являлся, конечно, старший оператор машины подготовки пуска ракеты капитан Николай Николаевич Смирницкий.

Наиболее яркими и плодотворными страницами его службы приходятся на 1967-1976 годы, когда он возглавлял службу ГУРВО РВСН.

**Николай Николаевич
СМИРНИЦКИЙ**
(снимок 1982 года)

Из воспоминаний Смирницкого Николая Николаевича, ставшего генерал-лейтенантом, заместителем Главкома РВСН по ракетному вооружению:

«Мой путь в ракетную технику начался в 1946 году в Германии, когда из Магдебурга я был вызван в Берлин в штаб нового формирования – бригаду особого назначения, которой командовал генерал-майор А.Ф. Тверецкий. Мне предстояло работать по специальности электрика, а с июля 1946 года – помощником начальника электроогневой группы стартового дивизиона.

Бригаде было поручено освоение устройств немецких ракет ФАУ-2.

Офицеры бригады наравне с гражданскими специалистами изучали и ФАУ-2, и наземное оборудование по немецкой документации. Мы составляли и эксплуатационную документацию для обучения личного состава бригады, обслуживающего ракетную технику.

Осенью 1946 года небольшую группу офицеров откомандировали в город Леестен. Там мы завершили проверку всего комплекта оборудования, имитируя запуск ракеты. При этом в вертикально установленную ракету заливали воду и проводили полный цикл электропневматических проверок.

Личный состав бригады получил высокую оценку, так как за короткий срок освоил эксплуатацию немецкой ракеты ФАУ-2.

В составе боевого расчёта стартового дивизиона я выполнял функции старшего оператора бронемашины управления.

В сентябре 1947 года нас переправили в Советский Союз на ракетный полигон Капустин Яр, где мы усиленно продолжили подготовку к первому пуску немецкой ракеты А-4 (ФАУ-2) с территории СССР.

Надо сказать, что в то время мы, ракетные эксплуатационники были, как правило, в единственном «экземпляре», т.е. заменить нас было некем, и в течение длительного времени нам категорически запрещалось передавать кому-либо свои служебные функции.

Роли старшего оператора бронемашины управления уделялось особое, повышенное внимание, особенно со стороны Королёва. Он даже запретил мне уезжать в поликлинику, когда я заболел, поражённые кисти рук экземой были забинтованы, но я так и продолжал работать».

Вспоминает Сергей Фёдорович Гавриков. Он уволился из армии в звании полковника с должности начальника ракетной базы в г. Сарны. В 1962 году являлся участником стратегической операции «Анадырь» (Карибский кризис) с убытием на Кубу в должности начальника командного пункта ракетной дивизии.

**Сергей Фёдорович
ГАВРИКОВ**
(снимок 1975 года)

«Закончив войну в Германии лейтенантом в должности командира взвода механизированного корпуса, продолжил службу в Тюрингии. Летом 1946 года в числе небольшой группы офицеров я был направлен в г. Зондерсхаузен во вновь формируемую бригаду особого назначения. Её первым командиром был генерал-майор артиллерии Александр Фёдорович Тверецкий.

Несмотря на большую занятость вопросами по формированию бригады, командир БОН принял нас лично. Он быстро и убедительно развеял сомнения о предстоящих трудностях в изучении сложного ракетного оружия, а завершая беседу, подчеркнул, что на личный состав бригады Советское правительство возлагает особо важную задачу по сбору, изучению и отправке агрегатов и узлов немецкой ракетной техники в СССР, на специальный ракетный полигон, где мне затем пришлось служить в течение семи лет. Это был, конечно, Государственный центральный полигон Капустин Яр.

В составе двигательного отделения я там принимал участие в пусках ФАУ-2 в октябре 1947 года».

В период формирования и начального становления любого учебного заведения, учреждения, министерства, и, само собой разумеется, воинского коллектива, к тому же с учётом экстремальных условий, каковыми являлись годы, наступившие по окончании Великой Отечественной войны, жизненно, остро необходимы были люди, которые этому делу отдались бескорыстно и всю практическую работу этого направления вели самозабвенно и с чётким

пониманием конечных целей всего преобразования.

Одним из таких людей с самых первых дней создания БОН РВГК являлся майор Павел Матвеевич Матвеев, который появился в бригаде 5 июня 1946 г. Он был назначен на должность заместителя командира стартового дивизиона по политической части. Сложная, хлопотливая и очень нужная должность. Павел Матвеевич справлялся со своими обязанностями блестяще, оказывая большую помощь командованию БОН.

**Павел Матвеевич
Матвеев (1945 год)**

Вот что он пишет в своих воспоминаниях о том времени:

«День прибытия в БОН я хорошо запомнил, т.к. он совпал с объявлением всесоюзного траура по случаю кончины председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина.

Беседу со мной вело всё командование БОН: командир бригады генерал-майор А.Ф. Тверецкий, начальник штаба подполковник А.М. Михайлов, главный инженер полковник В.С. Смаглий, заместитель командира бригады по тылу В.В. Тарнавский, первый заместитель командира БОН РВГК подполковник П.Г. Черненко, начальник политотдела бригады подполковник М.Г. Зубов.

Меня познакомили с задачами, стоявшими перед бригадой, ввели в курс дел и представили командирам всех четырёх дивизионов, какими в то время являлись Рождественский, Бровко, Косоруков, Павловский.

На этой же первой встрече командир бригады А.Ф. Тверецкий, видимо, учитывая мой опыт прежней службы в политотделе расформированной после войны дивизии, поручил мне заняться отбором офицеров для БОН из числа инженеров и техников авиационной дивизии, которую тоже расформировали. Указание было чётким и строгим: отбирать офицеров лишь с высшим и средним техническим образованием.

Этим я и занялся, начиная с 14 июня 1946 года. Мною было отобрано 13 человек. С ними я и возвратился в бригаду 26 июня 1946 года.

А уже в начале июля большая группа офицеров выехала в г. Нордхаузен на учёбу. Здесь мы впервые встретились и познакомились с великими людьми: Главным конструктором С.П. Королёвым, и его заместителями В.П. Глушко, Н.А. Пилюгиным, Л.А. Воскресенским, А. Рудницким.

Учёба шла на действующих макетах 8-А-12.

Основная часть офицеров с желанием взялись за изучение нового вида оружия, однако нашлись и такие, кто предпочёл повеселиться и учёбе совсем не уделяли нужного внимания. В этой связи наметились трудности в процессе создания и сколачивания офицерского коллектива БОН. На мой взгляд эти трудности порождались следующим:

— Во-первых, все прибывшие в бригаду офицеры были участниками войны, и не имело значения, где, как и сколько воевал: они этим фактом гордились; каждый имел свои боевые заслуги, награды и дорожил традициями прежней части; хорошо знал своё оружие и в совершенстве им

владел на поле боя; тяжело все пережили расставание со своими фронтовыми друзьями.

Казалось бы, в основном, у всех положительные эмоции, но дружного и сплочённого нового коллектива на первых порах не наблюдалось.

Пришлось много потрудиться, ведя индивидуальные беседы, вовлекая их в новый, единый, трудолюбивый и патриотически настроенный коллектив.

Нужно прямо сказать, командованию БОН на это пришлось потратить не мало сил и времени. Здесь нельзя было поступать резко, грубо и только по-командирски. Требовалась терпеливая, внимательная, во многом заботливая и, если хотите, дипломатическая работа. Всеми этими качествами владел и мастерски применял на практике командир бригады А.Ф. Тверецкий. Он мог переубедить и заставить плодотворно трудиться таких офицеров, кого нам никак не удавалось перевоспитать.

Помимо всего прочего, была проведена огромная партийно-политическая работа командованием и политотделом по мобилизации всего личного состава на выполнение поставленных задач по изучению ракетного оружия и за очень короткий срок освоению имитационных стартовых испытаний.

Следует сказать, что в ходе совместной учёбы и практических работ на ракете, люди начали сближаться, группируясь по своим ракетным специальностям. Особенно дружно действовало отделение двигателистов. Его возглавлял инженер-капитан П.П. Веремеенко. Отлично работало отделение наводчиков во главе с подполковником-инженером Н.И. Созник.

Хочется выделить двигателя старшего лейтенанта Г.Л. Анисенко. Глядя на него со стороны, казалось, что он почти всё время проводит на любом им мотоцикле, разъезжая на нём по близлежащим окрестностям, а когда стали проверять знания по теории и практическим навыкам, то он оказался лучшим среди всех специалистов отделения. Очень хорошие знания продемонстрировали капитаны Н.Н. Смирницкий, П.Е. Киселёв, П.П. Яцюта, а также старшие лейтенанты Г.В. Дядин, Н.П. Кулепётов, Е.И. Зимин.

Во-вторых, офицеры, назначенные на должности, свои функциональные обязанности ещё чётко не представляли, что объяснялось плохими знаниями материальной части ракеты, а учиться и постигать новое хотели далеко не все. К тому же организационные и житейские неурядицы (жильё, питание, недостаток транспортных средств) отрицательно отражались на настроении людей. Некоторые офицеры даже написали рапорта с просьбой отправить их снова в свои части, где они, по их мнению, принесли бы больше пользы, чем здесь, в БОН.

В-третьих, расслабленность офицеров после завершившейся жуткой войны. Имел место нафос, феерически-патетические настроения победителей, что не способствовало серьёзному настрою на «школярское» штудирование какой-то новой и не очень понятной техники, оружия.

В четвёртых, штатная структура дивизионов в первое время была далека от совершенства. К слову, в нашем стартовом дивизионе числилось 93 офицера и только семь солдат. Это отрицательно сказывалось и на службе и психологии коллектива.

Преодолевая эти и другие трудности, ломая и отбрасывая привычки

прошлого, партийная и комсомольская организации потребовали от каждого коммуниста и комсомольца за полгода изучить материальную часть ракеты, наземное оборудование и освоить свои функциональные обязанности в полном объёме, как этого требовали командир БОН РВГК А.Ф. Тверецкий и главный инженер института «Нордхаузен» С.П. Королёв.

Самым серьёзным испытанием во всём процессе обучения было, конечно, проведение комплексных занятий с вывозом ракеты на стартовую позицию. Здесь, чтобы не допустить ЧП на старте, требовалось не только знать, но и практически слаженно исполнять многочисленные операции в комплексе,

т.е. всем личным составом дивизиона. Каждое последующее комплексное занятие усложнялось и по времени, отводимому на него, и по техническому содержанию. Если по ходу занятия не возникало никаких технических или организационных сбоев, то их создавали искусственно, чтобы приучать людей к их отысканию и устранению.

После проведения 4-5 таких комплексных занятий люди стали чувствовать себя увереннее и с сознанием дела выполнять все действия по подготовке к пуску ракеты.

Могу уверенно заявить, что в июле 1947 года дивизион был в состоянии осуществить реальный запуск ракеты.

Коллектив стартового дивизиона там, на территории Германии решил главную государственную задачу, став боевым армейским подразделением, готовым осуществлять боевые пуски баллистических ракет, что и подтвердил он на полигоне Капустин Яр в октябре 1947 года».

Переходя от индивидуальных воспоминаний непосредственных участников процесса формирования и становления БОН РВГК на территории Германии к вопросам общего характера, ещё и ещё раз хочется подчеркнуть неоценимый вклад в решение всех ракетных, организационных и технических проблем в 1945-1947 годах Льва Михайловича Гайдукова. В первую очередь, это касается создания научно-технических структур по ракетной тематике и проведения дальнейшего развития этого направления.

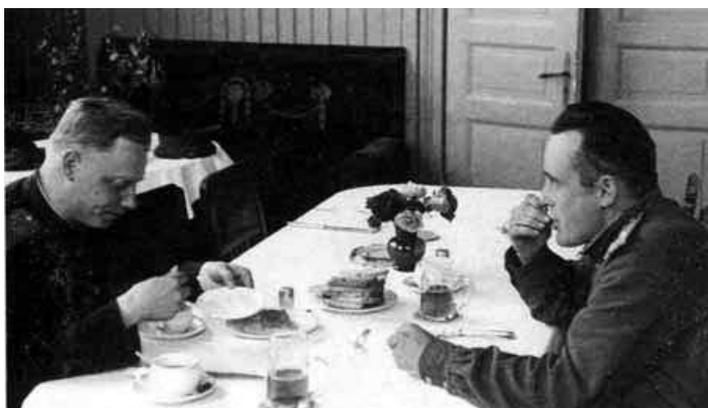
Он в июле 1945 года в соответствии с решением ГКО СССР возглавил межведомственную комиссию, курировал весь объём работ, связанных с ФАУ-2. Считаю своим долгом привести краткую о нём энциклопедическую справку.

Лев Михайлович Гайдуков (14 января 1911 — 20 февраля 1999) — генерал-лейтенант, партийный и военный организатор работ по ракетной и космической технике, инициатор создания и начальник института «Нордхаузен». Под руководством Гайдукова советские специалисты изучали ракетную технику в Германии после Второй мировой войны.

Выполнил в 1945-1946 годах работы, имевшие очень далеко идущие для советской космонавтики последствия. . В 1943—1949 был членом военного совета Гвардейских Миномётных частей, то есть в переводе военным комиссаром — представителем ЦК Партии.

ВОТ ЕГО КРАТКИЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ:

1949-1960 – начальник 10-го отдела Комитета №2 Совета Министров СССР;
1960-1962 – начальник 2-го управления и заместитель начальника ГУРВО РВСН;
1962-1965 – заместитель Главкома РВСН по вооружению, главный инженер
Ракетных войск;
1965-1968 – начальник 7-го управления 4-го НИИ МО СССР;
1968-1971 – начальник 1-го управления 4-го НИИ МО СССР;
С 1971 года – в запасе.
1985-1988 – консультант в Московском институте теплотехники.
Скончался генерал-лейтенант Л.М. Гайдуков 20.02.1999 г. (похоронен в Москве,
на Ваганьковском кладбище).

Завтрак на вилле Франка. Л.М. Гайдуков (слева) и С.П. Королев. Германия, Бляйхероде. 1946 год. Фото В.П. Глушко

Л.М. Гайдуков
(1960 год)

Самым лучшим дополнением к этой энциклопедической справке, на наш взгляд, будет являться выступление на XXVI Королёвских чтениях, прошедших 30 января 2002 года, Б.Е. Чертока. Вот фрагмент этого доклада:

«У гвардейских миномётов не было ничего общего с современными ракетами, кроме использования принципа реактивного движения, но им было суждено играть после войны важнейшую роль в истории нашей ракетно-космической техники.

Командование ГМЧ было укомплектовано специалистами, которые раньше других, в том числе авиационных иерархов в промышленности и ВВС оценили перспективность ракетной техники.

Они владели чисто тактическим реактивным оружием, однако пример немцев подсказывал, что нельзя терять времени, надо захватить инициативу в создании стратегического оружия.

В этой связи ещё раз вернусь к подвигу Гайдукова.

Будучи на приёме у Сталина, Гайдуков попросил его поручить кому-либо из министров оборонных отраслей промышленности, возложив ответственность на него за освоение, дальнейшую разработку и серийное производство ракетной техники.

Сталин не принял поспешного решения, а предложил Гайдукову лично,

индивидуально переговорить с министрами, а затем уже и подготовить соответствующее постановление. Лев Михайлович Гайдуков незамедлительно приступил к выполнению поручения Сталина.

Первая встреча с Ванниковым, который заявил, что с него достаточно ответственности за создание атомной бомбы, и ни о каких ракетах речи и быть не может.

Министр авиационной промышленности был очень озабочен созданием реактивной авиации. Ему тоже заботы о беспилотных ракетах показались перебором.

Министр вооружения Д.Ф. Устинов задумался, но раньше, чем принять решение, отправил своего первого заместителя В.М. Рябикова в Германию, чтобы он там, на месте во всём разобрался».

О поездке Василия Михайловича Рябикова в Германию, и результатах того визита мы писали выше.

Итак, Война закончилась, и огромный боевой опыт, образование, а также другие прекрасные качества командира и воспитателя, какими обладал Тверецкий, необходимо было, по мнению руководства ГМЧ, использовать на ином поприще – ракетном, на освоении баллистических ракет дальнего действия и затем в отработке организации их боевого применения. Эти вопросы были «покруче» освоения «катюш».

Он по предложению генерал-лейтенанта Л.М. Гайдукова и решению военно-политического руководства страны отзывается в Москву в распоряжение командующего артиллерией Красной Армии. Именно ему предлагается включиться в работу по этому новому направлению в развитии средств вооружённой борьбы, начав с А-4 (ФАУ-2). Ввиду особой важности и секретности задания он остаётся в должности командира 29-ой гвардейской миномётной бригады, которой он командовал в конце войны, а в Москву его вызывают якобы для участия в работе по подготовке новых общевоинских уставов.

В своих воспоминаниях А.Ф. Тверецкий пишет, что «...предложения были заманчивыми, и меня они устранивали».

До оформления допуска к этой работе он занимался переводом пока ещё малопонятных ему материалов по ракетной тематике, присланных из Германии. Их по просьбе Л.М. Гайдукова подготовил немецкий конструктор-ракетчик Греттруп. Все эти документы, в основном, касались ракеты ФАУ-2 и написаны были на немецком языке. Тверецкому выделили отдельную комнату в штабе ГМЧ, где он и занимался ознакомлением с этими материалами с переводом их на русский язык. Вспоминая этот период, Александр Фёдорович написал: «... Мучился с этим до приезда С.П. Королёва».

Именно Сергей Павлович Королёв, с которым Тверецкий подружился, помог ему разобраться в новой терминологии и технических аспектах новых ракетных систем.

Л.М. Гайдуков справедливо полагал, что прежде чем возглавить первое специальное ракетное соединение, А.Ф. Тверецкий, по всем параметрам и

критериям подходивший для этой должности (образование, колоссальный боевой опыт командования ОГ и соединениями ГМЧ, отношение к службе и делу), должен был пройти через начинавшуюся складываться объединённую военно-гражданскую структуру. Ему необходимо было тщательно ознакомиться с основами ракетного дела. Поэтому он умно подвёл Александра Фёдоровича Тверецкого к командованию бригадой особого назначения (БОН) через труд немецкого учёного Греттруппа и деятельность группы «Нордхаузен», в которой уже тогда трудились С.П. Королёв, Л.А. Воскресенский, С.С. Лавров, Н.А. Пилюгин, В.П. Мишин, и др. советские специалисты-ракетчики.

Теперь, вернёмся к основному содержанию данной главы, т.е. к рассказу о формировании первого ракетного соединения на территории Германии и, естественно, к главному герою этого сложнейшего процесса – генерал-майору артиллерии Александру Фёдоровичу Тверецкому, тоже блестящему организатору и военному специалисту, остро почувствовавшему явные преимущества нового оружия. Бывший «реактивный миномётчик» без размышлений переключился на баллистические ракеты.

Александр Фёдорович Тверецкий беседует с Сергеем Павловичем Королёвым
(снимок сделан в Германии в 1946 году)

А.Ф. Тверецкий формировал первое ракетное соединение, скажем, вслепую, без какой-либо возможности на кого-то сослаться или подсмотреть. Всё делалось впервые, всё с чистого листа. Ему, конечно, помогали и гражданские структуры, в первую очередь Сергей Павлович Королёв со своими коллегами, и высшие руководители не оставляли без внимания, однако вся тяжесть неопробованного, неизведанного, во многом не совсем понятного дела легла на плечи командира бригады и его ближайших помощников. Ими, кстати сказать, являлись П.Г. Черненко – первый заместитель командира БОН, Л.В. Смаглий – заместитель по технической части, А.М. Михайлов – начальник штаба, М.Г. Зубов – заместитель по политчасти; командиры дивизионов: П.П. Веремеенко,

А.Т. Рождественский, И.Б. Бровко, Я.И. Трегуб, И.С. Беляков, а также наиболее активные офицеры, успевшие за короткое время вникнуть в сложности и прелести специалиста-ракетчика: А.Н. Носов, Б.Г. Ханин, Н.Н. Смирницкий, Г.В. Дядин, П.П. Яцюта, Н.И. Кулепётов, Косоруков....

Голая фраза «Была сформирована БОН РВГК» многим, практически, ни о чём не говорит. Что же конкретно было сделано, какую структуру создал там, в оккупированной Германии, в 1946 году Александр Фёдорович Тверецкий?

Надо вспомнить, что бригада входила в состав Главного артиллерийского управления, которое возглавлял маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, то есть все

приказы и конкретные распоряжения поступали именно от него.

Первоначально по штатному расписанию в бригаду Тверецкого должно было войти 583 военнослужащих и 32 человека гражданских лиц.

Укомплектование бригады офицерскими кадрами производилось на базе 92-го ГМП, а также за счёт офицеров из оккупационных войск в Германии. Рядовой и сержантский состав прибыл из 8-ой гвардейской армии, 3-ей и 5-ой ударных армий, а также из 4-го артиллерийского корпуса прорыва РВГК.

Организационно Александру Фёдоровичу Тверецкому предстояло создать соединение следующей организационно-штатной структуры:

Германия, июль 1946 года, Александр Фёдорович Тверецкий рассказывает о перспективах и задачах первого ракетного соединения (БОН РВГК).

В первом ряду сидят (слева направо): М.С. Рязанский, С.П. Королёв, Б.Е. Черток, Н.А. Пилюгин, Ю.А. Победоносцев, В.П. Глушко и офицеры бригады.

- _ управление бригады;
 - _ стартовый дивизион по подготовке и пуску ракет ФАУ-2 (отделения: подъёмно-транспортное, двигательное, электроогневое, заправочное, наведения и геодезии, вспомогательное);
 - _ технический дивизион по испытаниям ракет в горизонтальном положении (лаборатории приборов системы управления ракеты, агрегатов двигательной установки, расчёта траектории полёта и исходных данных, радиоприборов и системы телеметрии, химических анализов компонентов топлива, теодолитов);
 - _ радиотехнический дивизион;
 - _ дивизион обслуживания;
 - _ батальон охраны;
 - _ тыловые подразделения.
- Солидное, разветвлённое, многоуровневое хозяйство.

Сравнивая его структуру с той, которая была создана для обслуживания ракет среднего радиуса действия Р-12, поступивших на вооружение РВСН уже в 1959 году, т.е. уже после периода существования БОН РВГК, обнаруживаем в них, если не стопроцентное, то очень большое сходство. Поистине, самое хорошее настоящее – это разумное использование прошлого: Р-12 стояла на вооружении Советской Армии более тридцати лет (одна из долгожительниц), и структура подразделений, её обслуживающих, почти не менялась.

Создавая структуру обслуживания ракет ФАУ-2, генералу Тверецкому пришлось изрядно попотеть. Люди, прошедшие с боями половину Европы, не могли в одночасье переключиться на лад изучения сложной и совершенно незнакомой техники. Сроки драконовские (на всё про всё отводилось всего-то 65 суток – такую программу утвердил командир бригады). Перспективы роста по должностям и в званиях не просматривалось. Но отступить было некуда. Командование, начиная от самого Сталина, не просто торопило, а гнало, и приказы, один жёстче другого, поступали почти ежедневно.

Отталкивались они от заранее установленного времени передислокации ракетного соединения из Германии на территорию Советского Союза, где уже в срочном порядке подыскивалось место для строительства ракетного полигона. Переезд бригады намечался на середину 1947 года. К этому моменту нужно было, кровь из носа, выполнить массу дел и провести бессчётное количество мероприятий, продолжая отыскание и сбор трофейной техники, её изучение, не забывая об участии в подготовке немецких специалистов и их семей к эвакуации в СССР, как это называлось в инструкции, специально выпущенной Наркоматом внутренних дел, **добровольно-принудительному переселению**. Работа эта была неприятна и трудоёмка. Немецкие ракетчики, особенно их жёны, отрицательно принимали предложения поехать в незнакомые края. Между прочим, американцы тоже столкнулись с такой же проблемой.

Мы хотим кратко коснуться этой темы. «Подгребая» после американцев, к концу 1946 года в Советский Союз было отправлено 1400 немецких специалистов и рабочих (вместе с членами семей это число составило 3500 человек). Среди немецких специалистов было 13 профессоров, 32 доктора наук, 85 дипломированных инженеров, 80 квалифицированных рабочих и техников.

13 сентября 1946 года Совет Министров СССР принимает Постановление № 2163-880с «О вывозе оборудования с немецких военных предприятий».

Началась ещё одна страница поля деятельности соединения Тверецкого. Работы по демонтажу и отправке в Советский Союз предприятий и ракетных научных центров в Германии шли полным ходом в октябре-декабре 1946 года.

Объём выполняемых работ был немалым, а сроки сжатыми. За эти три месяца предстояло вывезти с завода № 3, находившегося в городе Бляйхероде и выполнявшего работы по сборке ФАУ-2, около 140 единиц станочного парка и прочего оборудования; с завода «Монтания», расположенного в Нордхаузене и производившего двигатели для ФАУ-2, около 500 станков. Паковалось и готовилось к отправке имущество института «Рабе» (г. Бляйхероде). Из цеха завода «Рейнметалл-Борзинг» (город Зоммерда) вывозилось всё имущество КБ

института «Нордхаузен» и 400 станков. С подземного завода «Миттельверк» (рядом с городом Нордхаузен) вывезли большое количество деталей, запасных частей ФАУ-2, а также собранные и подготовленные к испытаниям сами ракеты (всего их было двадцать девять).

Вывозилось также станковое оборудование из научно-исследовательского института по реактивной технике в Пенемюнде.

Люди ещё не до конца сформированной бригады трудились в поте лица. Генерал-майора А.Ф. Тверецкого, практически невозможно было застать в его кабинете: он курсировал между объектами вывоза, пунктами сбора и стендами, где переучивались люди. И так целые дни, частенько и ночи.

В середине декабря 1946 года, когда была завершена, в основном, отправка в СССР советских граждан, немецких специалистов и трофейного оборудования ракет ФАУ-2, командир им созданной бригады, т.е. генерал-майор Александр Фёдорович Тверецкий мог сосредоточиться на главной своей, да и всего соединения, задаче. Надо было продолжать качественное освоение всем своим личным составом теорию и практику работы на немецких ракетах.

Сам он, имея прекрасное академическое образование, с премудростями новой ракетной техники справлялся без видимых затруднений. Это видели и неоднократно отмечали и С.П. Королёв, и В.П. Глушко, и Б.Е. Черток. Люди, подчинённые генерала Тверецкого, усиленно занимались, постигая баллистику и устройство ФАУ-2 и других немецких ракет.

Летом 1947 года по просьбе маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, кому была подчинена БОН, бригаду опять посещает заместитель Министра вооружения М.В. Рябиков. Он даёт высокую оценку деятельности командования БОН: «Вы здесь занимаетесь настоящей научно-исследовательской работой, а мы в Москве к этому ещё и не приступали».

Как уже говорилось выше, к этому времени все структуры, которые занимались ракетной тематикой в Германии, кроме БОН, в том числе и объединённый институт «Нордхаузен» были вывезены в Советский Союз, но по настоящему работы по подготовке ракеты ФАУ-2 к пуску организованы пока не были. Как элемент этой неорганизованности – спецпоезд № 1, отправленный в Москву для провеорки и эталонирования, стоял на путях у Белорусского вокзала, и никто им не занимался. Здесь ещё раз хочется подчеркнуть, как важно, чтобы везде был организатор, знающий, что, где, когда и как надо сделать, видящий нюансы главного направления, обличённого правами и твёрдо направляющего все действия на выполнение поставленной задачи.

Однако всему в этом мире имеется конец. Приближалась и дата конца пребывания первой бригады особого назначения на территории Германии, т.е. середина 1947 года, а дел, как всегда, было ещё очень много. Помимо обучения личного состава, нужно было ещё контролировать процесс сборки «спецпоезда», т.е. подвижного варианта ракетного комплекса ФАУ-2, смонтированного в вагонах и на железнодорожных платформах.

15 июля 1947 года (этот день впоследствии приказом МВС СССР определён как праздник – День БОН РВГК, а затем и её преемницы, т.е. 24-ой ракетной дивизии) пришло распоряжение маршала артиллерии Н.Д. Яковлева о

передислокации БОН РВГК с территории Германии в Советский Союз.

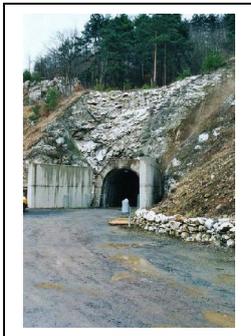
26 июля 1947 года Постановлением СМ СССР № 2643-818сс определяются сроки пусков ракет типа А-4 с полигона в нашей стране (сентябрь-октябрь 1947 года) и называется состав Государственной комиссии по проведению пусков под руководством начальника ГАУ маршала артиллерии Н.Д. Яковлева.

В период с 3 по 28 августа бригада гвардии генерал-майора Александра Фёдоровича Тверецкого с техникой погрузилась в шесть эшелонов и со «спецпоездом № 2» отправилась на Родину. «Спецпоезд № 1» ушёл ранее на полигон Капустин Яр (через Москву) под руководством полковника Смаглия.

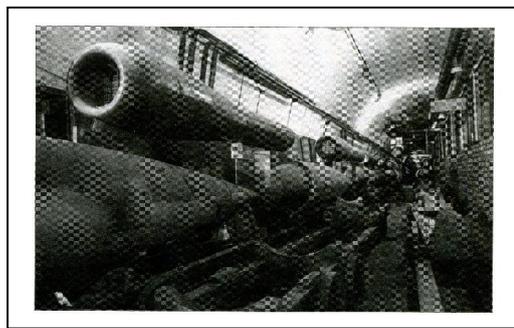
Вот что вспоминает о тех событиях старший техник приборов системы управления БОН РВГК, в то время старший лейтенант Г.В. Дядин:

— «Получив команду о передислокации бригады, генерал А.Ф. Тверецкий приказал мне, Н.В. Карельскому и П.П. Яцюте выехать в Нордхаузен, где организовать разборку барачных концлагеря «Дора», и затем погрузить их на железнодорожные платформы для отправки в Советский Союз. Приказ был выполнен. Разобрали 20 барачных. Многие посмеивались, зачем, мол, этот хлам нужен? Но хозяйственная дальновидность Александра Фёдоровича Тверецкого заставила смолкнуть всех, кто тогда посмеивался, т.к. ох, как пригодились те бараки на новом месте нашей дислокации, в голых заволжских степях.

Всему личному составу, да и офицерам бригады тоже, вероятно, для конспирации объявили, что мы переезжаем в район Северного Кавказа. Но в Бресте во время замены колёсных групп вагонов, поймав по радиоприёмнику волну американских союзников, мы услышали, что русские строят ракетный полигон в астраханских степях около села Капустин Яр. США обустроивают полигон во Флориде на мысе Канаверал, а немецких конструкторов-ракетчиков разместили в городе Хантсвилл. Радиостанция «Голос Америки» сообщила, что часть генерала Александра Тверецкого направляется на русский полигон Капустин Яр и перечислила фамилии почти всех офицеров нашего стартового дивизиона. Тут, конечно, не обошлось без бесед с нами сотрудников «Смерш». После этого пришлось уничтожить все фотографии, где мы снимались с американскими офицерами во время сбора образцов ракетного оборудования в их зоне оккупации.

ВЪЕЗД В ПОДЗЕМНЫЙ ЗАВОД «ДОРА»

В СБОРОЧНОМ ЦЕХЕ ЗАВОДА.

ШТОЛЬНЯ ПОДЗЕМНОГО ЗАВОДА «МИТТЕЛЬБАУ-ДОРА»

Ещё в пути следования мы с трудом отыскивали на карте место нашей

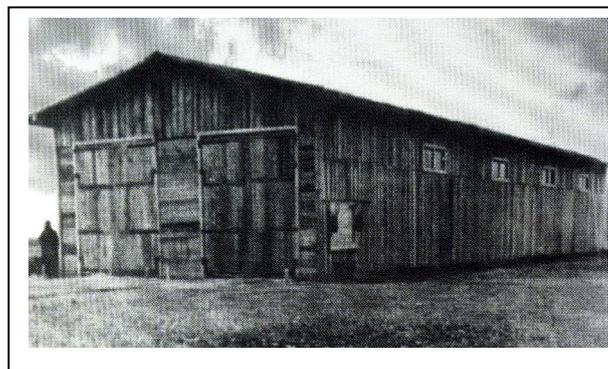
будущей дислокации, но какое оно в натуре, какой там климат, никто не знал.

Всё стало ясно, когда мы проехали Саратов. Как в известной песне: «Степь, да степь кругом...», а после Баскунчака наше настроение упало до нулевой отметки. Место ровное, и нет ни куста, ни дерева. Полустаночки и посёлки встречаются редко-редко. Так нас встретил Капустин Яр».

ПОЛИГОН КАПУСТИН ЯР (1946-1947 гг.)

«Палаточно-барачный лагерь...»

Первый монтажно-испытательный корпус (площадка 2)

Буквально понимать воспоминания Г.В. Дядина не следует: не пустынная безбрежная степь встретила воинов, прибывших из Германии, а люди, причём высокого ранга. Вот, что пишет сослуживец Дядина Г.И. Иоффе:

«Мы были ошеломлены темпами строительства и тем, что нас встретили маршал артиллерии Н.Д. Яковлев и генерал-лейтенант В.И. Вознюк. Оба они были в комбинезонах. Стояла жуткая жара, «тучи» мошкары и комаров. Встречают нас Яковлев и Вознюк. Все в пыли, а мы выстроились перед ними такие чистенькие, ухоженные (после службы в группе войск в Германии), в новеньких гимнастёрках с чистыми подворотничками».

Всё это, однако, не помешало офицерам и всему личному составу БОН прямо, как говорится, с колёс приступить к жизненно необходимой работе.

«... сразу же включились в строительство палаточного городка, сборке привезённых из Германии барачков. Участвовали в строительстве стартовой и технической площадок.

Наш командир, А.Ф. Тверецкий, не срывая нас со строительных работ, требовал от нас не забывать о главном, т.е. подготовке к пуску ракет, и мы приступили к испытаниям ракет в горизонтальном положении на только что построенной технической позиции. Здесь следует отметить отличную работу начальника лаборатории испытаний приборов системы управления майора Шубравого, по гироприборам майоров Кастальева и Ханина, капитана Баврина, впоследствии – генералы, старшего лейтенанта Носова, впоследствии полковник Герой Социалистического Труда, заместитель начальника космодрома Байконур по научно-испытательной работе».

Не остались в стороне и чисто военные ритуалы. Здесь, на полигоне Капустин Яр, БОН РВГК представители МВС СССР вручили боевое знамя. Это произошло в торжественной обстановке 7 ноября 1948 года.

ОНИ ВХОДИЛИ В ШТАТ ТЕХНИЧЕСКОГО ДИВИЗИОНА БОН РВГК (1946-1949 гг.)

*Начальник управления
Главного инженера
43-ей ракетной армии
(1962-1974 г.г.)
генерал-майор
Б.Г. ХАНИН*

*Заместитель началь-
ника космодрома
Байконур (1955-1960)
Герой Социалисти-
ческого Труда пол-
ковник А.И. НОСОВ*

*Начальник службы
ОИР космодрома
Байконур (1960-1962)
Герой Социалистиче-
ского Труда генерал-
майор В.А. БОКОВ*

*Начальник 1-го
испытательного
управления 4ГЦП
Капустин Яр
(1961-1966 г.г.)
генерал-майор
В.А. БАВРИН*

ПРИМЕЧАНИЕ: в 1946-1947 годах они имели следующие воинские звания (слева направо): капитан, старший лейтенант, капитан, капитан.

Москва, парк культуры им. Горького, 9 мая 1995 года. Встреча в День Победы.
Генерал-лейтенант Л.М. Гайдуков (справа) и полковник Г.В. Дядин.

Глава 3. **Ракетные войска в степях берут начало. Старт взяли от «Капьярского причала».**

Главу начнём, естественно, с самого главного, касающегося ракетного полигона Капустин Яр Постановления Совета Министров СССР № 1017-419сс от 13 мая 1946 года, давшего старт его строительству. Это Постановление мы выше уже приводили и брали из него отдельные выдержки. Оно довольно объёмно и многопланово. В нём даны указания очень многим министерствам, ведомствам, учреждениям, предприятиям, институтам и конкретным людям. Текст этого Постановления широко известен. Его многие авторы приводили в своих трудах. Поэтому, считаем целесообразным, сослаться лишь на те его пункты, прокомментировав их, которые непосредственно касаются ракетного полигона Капустин Яр. Итак, пункт 9, подпункт д): *создать в Министерстве Вооружённых Сил СССР научно-исследовательский реактивный институт ГАУ и Государственный полигон реактивной техники для всех министерств, занимающихся реактивным вооружением.*

Формированию Государственного полигона как центра испытаний баллистических и других ракетных систем способствовал «Отчёт комиссии генерал-майора инженерно-артиллерийской службы А.И. Соколова об изучении германского реактивного вооружения». В этом отчёте были проанализированы

организационно-штатные структуры ракетного центра в Пенемюнде, его оснащение и обеспечивающие структуры, весь фронт работ по всем составляющим подготовки к испытаниям и пуска ракет ФАУ-2. Здесь же приводилась организация и существо научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Центра.

Вот этим и было положено начало нашему первому ракетному полигону, ставшему, разумеется, колыбелью Ракетных войск стратегического назначения, однако до их становления от этой отправной точки было ещё далеко, очень далеко. Для грандиозного строительства требуется много времени и сил, чего в те послевоенные годы у страны, практически, не имелось. И, тем не менее, задача партией и правительством была поставлена, не выполнить её, значит совершить преступление, а наказывать тогда очень даже умели. Строители, в основном военные строители, появились в районе села Капустин Яр в начале августа 1946 года, и работа закипела. Что же было сделано, и как выглядел ракетный полигон, спустя всего один год?

Давайте дадим возможность Георгию Васильевичу Дядину продолжить свои воспоминания о том, как БОН РВГК в сентябре 1947 года прибыла на полигон Капустин Яр.

«... Подъехали к Капустину Яру. Поступила команда разгрузаться, но платформ для разгрузки нет. Хорошо, что привезли из Германии устройства для подобных работ в необорудованных местах. Разгрузились и стали как-то обустраиваться.

Государственного центрального полигона (ГЦП 4), так официально стал он называться, как такового ещё и не было. Мы понимали, что за короткое время, буквально за несколько месяцев, в безжизненной степи невозможно сделать много. На многие, многие километры вокруг ничего нет того, что хоть как-то сопутствовало большому строительству. Даже элементарная дорожная сеть отсутствовала. Ещё хорошо было, что сохранилась со времён войны железнодорожная ветка, построенная во время обороны Сталинграда (она связывала Верхний Баскунчак с Паромной, расположенной на берегу Волги напротив Сталинграда). На этой колее, как мираж в знойном мареве, стояли наши «спецпоезда». Их называли «экспедициями». В них размещались чертёжные и расчётные бюро полигона. В вагоне № 40 находился штаб, а вагон № 82 оборудовали перископом для С.П. Королёва.

Дополнительно проложили ещё две железнодорожные ветки к площадкам № 1 и № 2. На площадке № 1 разместили стенд, а на площадке № 2 (это в двух километрах от первой) построили деревянный монтажно-испытательный корпус (МИК) для горизонтальных испытаний ракет и четыре, деревянных тоже, ангара для хранения ФАУ-2. Установили специальный кран, с помощью которого выгружали ракеты из железнодорожных вагонов и клали их на транспортировочные тележки.

Стартовую площадку оборудовали в трёх километрах от МИК. Это был бетонированный круг с аппаратами. На нём установили машину подготовки, бензоагрегат, компрессорную станцию и кабельные машины. В полукилometре прикрытый бронеплитами установили командный пункт управления пуском ракеты. Заправочные средства, ёмкости для горючего и окислителя, а также

заправочные насосные станции расположили на площадке № 1».

Вот такими были первые впечатления о полигоне для испытания ракет человека, прибывшего из Германии и занимавшегося там сбором трофейного оборудования к ФАУ-2, её изучением и подготовкой к пуску. Свободное же время проводили в довольно комфортных условиях.

Далее, считаем уместно, привести небольшую выдержку из воспоминаний выдающегося для РВСН человека, первого начальника полигона Капустин Яр генерал-лейтенанта, впоследствии генерал-полковника, Героя Социалистического Труда Василия Ивановича Вознюка. Но прежде коротенько расскажем о нём самом (фрагмент взят из книги советского писателя и журналиста Ярослава Голованова «Королёв: Мифы и факты»).

— *«Василий Иванович Вознюк – человек легендарный в Ракетных войсках, строгий и требовательный командир, подлинный хозяин полигона Капустин Яр, во главе которого он стоял 26 лет (1946-1973).*

Всю войну провоявал с «катюшами» на Брянском, Воронежском и Юго-Западном фронтах, принимал участие в окружении армии Паулюса, прошёл с 3-им Украинским фронтом до Балкан и встретил День Победы в Австрии.

Когда в Москве готовили решение ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР о строительстве ракет-

Ного полигона (оно было принято 23 июня 1947 года, и им же генерал-лейтенанта В.И. Вознюка назначили начальником будущего полигона), никто, ни о каком полигоне, ничего не знал. Сам Василий Иванович в это время находился в славном городе Констанце, где исполнял обязанности заместителя командующего артиллерией по ГМЧ Южной группы наших войск.

*В мае 1947 года В.И. Вознюка вызвали в Генеральный штаб на совещание по итогам войны. Он сделал обстоятельный доклад о применении «катюш» в тылах противника, рассказал, как ходили гвардейцы-миномётчики вместе с кавалеристами и танкистами в рейды на Одессу и Белград. Всё хорошо, и Василий Иванович уже собирался возвращаться по месту службы, то есть в Констанцу, как ему было приказано прибыть в ЦК. После непродолжительной беседы ему предложили возглавить **некий** полигон для испытаний **некой** новой техники. В голове боевого генерала возник **некий** туман, он мало что понял и отказался. Его собеседник промолчал, но движением бровей показал, что удивлён. Минуту помолчав, он произнёс: «Странно. Приказ о Вашем назначении согласован с товарищем Булганиным и подписан товарищем Яковлевым...».*

Теперь уже пришлось удивляться Василию Ивановичу Вознюку, зачем спрашивать его согласия, если приказ о его назначении подписал начальник Главного артиллерийского управления? Он только и сказал:

— *Приказы не обсуждаются, а выполняются.*

Собеседник, улыбнувшись, согласился с В.И. Вознюком:

— Я тоже так думаю.

Василий Иванович съездил в Констанцу, сдал свою должность, заехал в Германию, подобрал людей для будущего полигона из числа гвардейцев покрепче, понадёжнее, понимая, что будет не на много легче, чем на фронте, разве что перестрелки не будет.

Будет трудно, но, о том, что именно его ждало, пока не догадывался.

В деревню Капустин Яр приехал со своими офицерами 20 августа 1947 года. Разбили палаточный городок, организовали кухню, лазарет. Все были фронтовиками, и подобный быт считался нормой. И потом ведь, действительно, не стреляют! Конечно, видели они места и покрасивее, чем эта голая степь, но приказ, есть приказ!

Вместе с гвардейцами Вознюка прибыли военные строители под командой маршала инженерных войск Михаила Петровича Воробьёва. Уже на третий день после своего приезда они начали строить бетонный стенд для огневых испытаний двигателей.

В начале сентября 1947 года – новое подкрепление: из Тюрингии прибыла БОН генерала Александра Фёдоровича Тверецкого.

За полтора месяца люди Вознюка, Воробьёва и Тверецкого построили стартовую площадку с бункером, временную техническую позицию, МИК, мост через глубокий овраг, провели шоссе, а также железнодорожную ветку, соединившую полигон с главной магистралью на Сталинград».

Вот так шли дела по подготовке полигона Капустин Яр к испытаниям самых первых ракет: ФАУ-2, а следом за ней и отечественных.

Всё делалось только для ракеты, для выполнения заданий, приказов с профессиональной точки зрения, т.е. для дела. О людях, их заботах и нуждах не думали или начинали думать в самую последнюю очередь. Строительство жилья не значилось даже в планах вплоть до 1948 (включительно) года.

Первое время все жили в палатках, хотя многие приехали с жёнами и детьми.

Когда зимние холода стали в прямом смысле слова вымораживать из палаток, люди начали расселяться в землянках, по крестьянским домам, снимая углы и комнатухи.

Вот что по этому поводу вспоминает Василий Иванович Вознюк:

«В примитивных условиях располагалось и командование полигона. Негде было разместить даже самое необходимое: штабы, хранилища, лаборатории, классы. Хорошо, что, когда БОН РВГК выезжала из Германии, то по приказу генерал-майора А.Ф. Тверецкого разобрали в лагере «Дора», около подземного завода, бараки, в которых содержались военнопленные. Эти бараки очень нам помогли: их мы отвели под штабы, казармы, столовые».

Прочитав эту выдержку из воспоминаний Василия Ивановича Вознюка, невольно представляешь те условия и обстановку в стране, которые всегда и всюду сопровождали жизнь советских людей. Если партия и правительство сказали НАДО – выполним, причём сделаем в срок, не взирая ни на какие

трудности. В этом смысле, В.И. Вознюк не был исключением. Он вообще жил и служил, руководствуясь одним принципом, на который настраивал всех своих подчинённых: *«Должен, значит могу»*.

Точно такой же принцип лежал в основе жизни, службы и работы и Александра Фёдоровича Тверецкого.

Кстати, генерал-майор А.Ф. Тверецкий в конце войны был в подчинении у Василия Ивановича Вознюка – сначала в составе 3-го Украинского Фронта, а затем в составе Южной группы войск. Они хорошо понимали друг друга, и им легко было вместе работать.

Вот, имея такой настрой и подход к порученному делу, приступили под командованием участника Великой Отечественной войны боевого гвардии генерал-лейтенанта Василия Ивановича Вознюка к строительству сложнейшего, но необходимого стране комплекса – ракетного полигона Капустин Яр.

Несмотря на все выше названные (далеко, конечно, не все) трудности, сама подготовка к первому пуску ФАУ-2 шла полным ходом. Рассказ об этом мы предложим чуть ниже.

Очень много проблем доставлял выбор географического расположения полигона в астраханских степях. Летом – сильная жара, порядка + 40 градусов по Цельсию, зима и осень – холодные с ветрами и частыми дождями, которые идут попеременно со снегом. Даже говорить об этом не очень приятно. Зачем, почему именно здесь определили место для будущего ракетного полигона?

Придётся снова обратиться к тексту Постановления Совета Министров СССР № 1017-419сс от 13 мая 1946 года. Читаем пункт 25:

– Поручить Министерству Вооружённых Сил СССР (тов. Булганину) внести в Совет Министров предложения о месте и строительстве Государственного Центрального полигона для реактивного вооружения.

Выбор места для ракетного полигона происходил следующим образом.

Поначалу ракетчики нацелились на бывшее стрельбище, находившееся в ведении Наркомата оружия и боеприпасов, которое теперь, после войны, как бы оказалось не у дел. Этот полигон наркома Б.Л. Ванникова находился на Таманском полуострове. Место ласковое, тёплое, море под боком, а главное, там была база: производственные помещения, жилые дома, электроэнергия и водопровод. Короче говоря, имелось приличное готовое хозяйство. Кое-что, конечно, пришлось бы переделать, кое-что подправить и достроить, но основа была – не на пустом месте начинать-то.

И надо же так случиться, что накануне решения вопроса о полигоне один из экспериментальных самолётов-снарядов разработки бюро В.Н. Челомея сбился с курса и угодил в кладбище на окраине большого города. Сталин об этом узнал, и, едва заговорили о Таманском полуострове, перебил сразу:

– *«Это неподходящее место. Рядом крымские курорты, скопление людей. Можете ли вы ручаться, что ваши ракеты не упадут завтра на здравницы, как сегодня падают на кладбища? Полигон надо создать где-то здесь»...*

Подойдя к столу, на котором была разложена крупномасштабная карта, он ткнул толстым красным карандашом в левобережье Волги чуть-чуть южнее Сталинграда.

Так вопрос о создании ракетного полигона был решён.

Ракетчики могут повторить строку из куплета одной шутильной песенки: «Спасибо Вам, товарищ Сталин...». Шути, ни шути, но климат степей в районе села Капустин Яр изрядно «насолил» всем поколениям советских, российских ракетчиков. Особенно же досталось тем, кто начинал строить полигон и готовить к пускам немецкие, а затем и первые советские баллистические ракеты.

Надо сказать, что и последующие ракетные полигоны не располагались в местах близких хотя бы к примитивно-элементарным условиям цивилизации. Это означает, что все поколения советских (российских) ракетчиков испили сполна чашу мытарств, связанных с обустройством и службой на этих полигонах (космодромах). И если гражданские ракетчики приезжали лишь на пуски ракет (командировки), то офицерам-ракетчикам приходилось жить в «забытых Богом урочищах» много лет, порой, и десятков лет.

Вот, кажется, мы подошли к тому моменту, когда можно рассказать об осуществлении первого пуска немецкой баллистической ракеты типа ФАУ-2 с территории Советского Союза, а более конкретно, со стартовой площадки № 2 Государственного центрального полигона Капустин Яр

О том, как это было осенью 1947 года, подробный рассказ ниже.

Сначала следует рассказать о людях, которые составили боевые расчёты бригады генерал-майора Александра Фёдоровича Тверецкого, подготовившие и осуществившие пуски немецких ракет ФАУ-2 с полигона Капустин Яр.

Вот как о них отзывается генерал-лейтенант Василий Иванович Вознюк:

«Всего за несколько дней из имеющих громадный боевой опыт офицеров гвардейских миномётных частей удалось создать ядро полигона. Это были золотые кадры, закалённые в боях за Родину, а работа на её благо для них – превыше всего».

В этих словах вся внутренняя суть В.И. Вознюка, который продолжает:

«Особо отмечу группу офицеров БОН РВГК из институтов «Рабе», и «Нордхаузен». Они под руководством генерала А.Ф. Тверецкого и С.П. Королёва ещё на территории Германии, в городах Бляйхероде и Нордхаузен переводили и перерабатывали техническую и конструкторскую документацию на ракету ФАУ-2. Ими были отработаны технические описания приборов и агрегатов, инструкции по их эксплуатации, чертежи, принципиальные электрические схемы ракеты на семи листах. Был переведён на русский язык и тщательно изучен план-график подготовки и пуска ракеты ФАУ-2. Кроме того, составлен план взаимодействия отделений стартового дивизиона при испытаниях ракеты и её агрегатов.

Очень хочу назвать их фамилии, не всех, конечно. Такое количество человек запомнить просто невозможно, но многих я знал лично и относился к ним с большим уважением. Талантливые офицеры: А.И. Носов, Я.И. Трегуб, Н.Н. Орлов, Б.А. Комиссаров, Г.В. Дядин, Н.Н. Смирницкий, Н.В. Карельский, В.Я. Болматков, , К.А. Обухов, В.А. Баврин, Я.А. Березин, Д.Ф. Козляковский, В.В. Кастальев, И.К. Кладницкий, В.А. Кузовкин, Г.Г. Эккер, В.А. Меньшиков, В.И. Сиренко, И.И. Шубравый, М.М. Привалов, Г.Ф. Подкидышев, Г.И. Иоффе, Г.Л. Анисенко, П.Е. Киселёв, Ф.Е. Пушкин, А.С. Башмаков, П.П. Веремеенко, Е.И. Зимин, П.П. Яцюта, И.М. Чайнов.

Они были не только отличными специалистами в своих профессиях, но ещё оказали полигону огромную помощь. Они контролировали строительство испытательных площадок и стендов».

... «Надо отдать должное офицерам и их жёнам, которые прямо после тяжёлой войны, не успев отойти от пережитых трудностей, приехали в район с тяжёлыми климатическими условиями – голую степь, где не было ни жилья, ни продуктов, ни воды. Гарнизон полигона представлял собой тогда большой палаточно-барачный лагерь».

Люди, что говорится, валились с ног. Валились, но не падали, и работу, которую было необходимо выполнить к первому промежуточному финишу, делали с кажущейся лёгкостью, отшучиваясь: «На войне бывало и труднее, и опаснее».

Из-за постоянных боевых действий, пожалуй, на фронте было опаснее, однако нешуточная опасность подстерегала их и здесь. Во-первых, ракеты, что в будущих РВСН, к огромному сожалению, случалось бесщётное количество раз, могли взрываться прямо на стартовом столе. Во-вторых, сроки первого пуска ФАУ-2 с полигона Капустин Яр были жёстко установлены высшим государственно-политическим руководством страны, и даже тени сомнения в их нереальности у ракетчиков не должно было возникать. Об отсрочках или переносах пуска не могло быть и речи. Да, конечно, опасности другого рода, но они, как дамоклов меч, постоянно висели над головой.

Обстановка была напряжённая. Боевые расчёты уже много суток подряд не спали, устали донельзя. У оператора машины управления Смирницкого на руках появилась нервная сыпь. Вознюк привёз ему профессора-дерматолога из Саратова, который, конечно, не понимал, что от этой напасти есть лишь одно средство: успешный пуск ФАУ-2. Профессор верил в какую-то вонючую мазь, а Смирницкий так и сидел за пультом с забинтованными руками.

Полигон Капустин Яр, 18 октября 1947 года. Здесь, на одном фото запечатлены ВСЕ будущие академики и конструкторы ракетно-космической техники с Л.М. Гайдуковым (во втором ряду – второй справа).

Из тех, кого, перечислил Василий Иванович Вознюк, нам удалось найти, к сожалению, только фотографии троих. Их мы здесь и помещаем.

**Старший лейтенант
Г.В. ДЯДИН**
*Старший техник
бортовых приборов*

**Капитан
П.Е. КИСЕЛЁВ**
*Начальник 3-го
отделения*

**Капитан
Н.Н. СМЕРНИЦКИЙ**
*Старший оператор
машины управления*

Час «Ч» приближался. Срок был установлен Кремлём, отменить который не мог уже никто и ничто. Разве что случилась бы какая-то непоправимая техногенная катастрофа или стихийное бедствие.

Имеются, разумеется, сухие, и официально-строгие строки о проведении первого пуска баллистической ракеты с территории СССР. Есть и лаконичный отчёт о том историческом событии, приоткрывшим, по существу-то, дверь в область советских космических исследований. Всё это известно широкому кругу наших соотечественников, но мы всё-таки приведём фрагмент из того отчёта.

«17 октября 1947 года: в 0 час. 30 мин. Произведены первые огневые стендовые испытания двигателя ракеты А-4 № 02Т.

Результат испытаний получен положительный.

Двигатель работал хорошо, все регистрирующие приборы записали его диаграммы.

С утра готовили на технической позиции ракету А-4 № 010Т для пуска по цели и доставили её на старт в 21 час. Всю ночь шла подготовка этой ракеты при свете прожекторов.

18 октября 1947 года. С утра на старте были проведены автономные и генеральные испытания всех систем ракеты А-4 № 010Т.

Первый опытный пуск ракеты А-4 № 010Т состоялся в 10 час. 47 мин. Ракета полетела нормально и упала в районе цели, на расстоянии 206,7 км, уклонившись влево на 30 км от директрисы»...

Написано просто, без пафоса и даже как-то буднично о том радостном

и торжественном событии, для свершения которого было потрачено большим количеством людей много сил и здоровья. Только на полигоне Капустин Яр в то время трудилось уже 2200 человек самых разных специальностей.

Что же конкретно тогда там происходило?

В соответствии с ранее названным Постановлением СМ СССР № 2643-818сс(оп) от 26 июля 1947 года о проведении пусков ракет в сентябре-октябре 1947 года в *Государственную комиссию под руководством маршала артиллерии Н.Д. Яковлева вошли следующие товарищи:*

Д.Ф. Устинов (Министр вооружений), **И.А. Серов** (МВД), **С.П. Шишкин** (Министерство авиаприборостроения), **Н.И. Воронцов** (Министерство средств связи), **В.П. Терентьев** (Министерство судостроительной промышленности), **В.И. Виноградов** (Министерство Вооружённых Сил), **Н.И. Когтев** (Министерство машиностроения и приборостроения), **М.П. Воробьёв** (Министерство Вооружённых Сил), **М.К. Суков** (Главкислород), **С.Н. Ветошкин** (Министерство вооружений), **Жигарев** (Военно-воздушные Силы).

Техническим руководителем пуска Государственной комиссией был назначен С.П. Королёв. Все организационные вопросы решали В.И. Вознюк и А.Ф. Тверецкий. Подготовка ракеты к пуску начиналась с технической позиции, на которой трудилась техническая команда.

В техническую команду вошли самые подготовленные офицеры из БОН РВГК. Их отбор тщательно производил Александр Фёдорович Тверецкий. Это были Б.Н. Комиссаров, В.А. Баврин, В.А. Боков, Н.Г. Зайцев, А.С. Нахамчик, Г.И. Иоффе, В.В. Кастальев, Д.Ф. Козляковский, Б.-М.Г. Ханин, К.А. Обухов, А.И. Носов, И.И. Кладницкий, В.И. Меньшиков, В.Н. Путов, И.И. Шубравый.

Подготовка ракеты в МИКе производилась совместно с представителями промышленности: А.М. Исаевым, В.П. Мишиным, Б.Е. Чертоком, Л.Р. Гонором, М.С. Рязанским, Н.А. Пилюгиным, Ю.А. Победоносцевым.

Была, конечно, и стартовая команда. Её подготовил и представил список А.Ф. Тверецкий, на утверждение начальнику полигона В.И. Вознюку, который этот список, предварительно согласовав с С.П. Королёвым, утвердил.

Непосредственные руководители пусков ракет ФАУ-2 с территории СССР в октябре 1947 года.

Полигон Капустин Яр, октябрь 1947 года, накануне старта ФАУ-2.

Слева направо: **Н.Д. Яковлев** (маршал артиллерии), **С.П. Королёв**, **С.И. Ветошкин** (начальник Главного управления Министерства вооружения), **Г.Н. Пашков** (начальник отдела Госплана), **А.Ф. Тверецкий** (командир БОН РВГК), **Л.А. Воскресенский**, **В.И. Кузнецов**.

Снят гриф сов. секретно

Сов. секретно
экз. № 1.

15.8.91г.

Нач-к 1 отд " Утверждаю "

"Согласовано"

Главный конструктор.

Начальник ЦП МО

С.И. Королев

Генерал-майор

"17" сентября 1947г.

В.И. Возник

Представляю на утверждение и согласование список офицеров стартовой команды Бригады Особого Назначения РВК для проведения стрельбы ракет ФАУ-2 с Государственного Центрального полигона Министерства Обороны СССР.

1. Командир стартового дивизиона м-р Бровка И.М.
 2. Нач-к стартовой команды м-р Третуб Я.И.
 3. Электро-синеевое отделение:
 - нач-к отд. к-н Киселев П.Е.
 - оператор БМУ к-н Смирнитский Н.И.
 - старший техник приборов системы управления ст.л-т Дядин Г.В.
 - старший техник наземного эл.оборудования ст.л-т Карельский Н.Б.
 - старший техник РМ старший л-т Болматов В.А.
 - старший техник электростанции ст.л-т Чайнов И.М.
 4. Двигательное отделение:
 - нач-к ДУ к-н Веременко П.П.
 - старший техник ДУ ст.л-т Анисенко Г.И.
 - старший техник ДУ ст.л-т Балмекс А.А.
 5. Заправочное отделение:
 - нач-к ЗО м-р Беляков И.Л.
 - зам нач-ка ЗО к-н Федоров А.А.
 6. Отделение подъемно-транспортных средств и наводчи ракеты:
 - капитан Потапенко А.П.
 - ст. л-т Кулепетов Н.П.
 - к-н Вертиленский О.Л.
 - Наводчики:
 - к-н Яцота П.П.
 - ст.л-т Зимин Е.И.
 - Кинотеодолитчики и фотолаборатория:
 - Пушкин Ф.Е. м-р
 - ст.л-т Привалов М.М.
 - л-т Чарнецкий В.А.
- С расчетами сержантов и рядовых БОН РВК
Командир БОН РВК
Генерал-майор артиллерии

15.9.47 г. *С. Швердлов*

Тверецкий

С этого документа началась ракетная эра в СССР.

После того, как ракета прошла горизонтальные испытания, в процессе которых отлично потрудились наши офицеры В.А. Баврин, В.И. Меньшиков, А.И. Носов и Н.Г. Зайцев, её сразу же передали на стартовую позицию. Надо помнить, что параллельно с нашими номерами боевых расчётов трудились и немецкие специалисты. И хотя они говорили, что русские ребята способные ученики, и многие операции они научились делать быстрее и лучше немцев, но учителями-то, этого нельзя забывать, являлись немецкие ракетчики.

Если мы упомянули немецких специалистов-ракетчиков, то надо немного о них поговорить.

Как уже говорилось выше ракетчиков из Германии доставили в СССР в 1946-1947 годах в ходе добровольно-принудительного переселения вместе с трофейной ракетной техникой. Многие из них жили и работали на полигоне Капустин Яр, где, как мы уже писали, обстановка была далека даже от среднего уровня жизни. Тем не менее, для них условия создавали, гораздо лучшие, нежели для советских офицеров и членов их семей. Правда, они находились под бдительным оком сотрудников МВД, которыми руководил генерал И.А. Серов. Контроль был поначалу жёстким, но затем (полтора года спустя) его немного ослабили и даже разрешили совершать поездки по стране.

А. Ф Тверецкий на ракетном полигоне Капустин Яр (1947-1949 годы).

СЛЕВА НАПРАВО:
*Подполковник П.Г. Черненко,
Генерал-майор А.Ф. Тверецкий,
полковник М.Г. Зубов*

*Командир БОН РВГК генерал-майор артиллерии
А.Ф. Тверецкий перед строем бригады*

23 февраля 1948 года.

На трибуне 1-го мая 1948 года.

*Генерал-майор А.Ф. Тверецкий
(в первом ряду сидит в центре)
начальник 1-го испытательного
управления полигона Кап'Яр
(1949 год)*

В западной, в основном американской, прессе тогда появлялось много сообщений о немецких ракетчиках, увезённых в СССР. Сравнивали условия их жизни, с теми, которые были созданы для немцев в Ханствилле. Говорили о том, что специалисты из Германии живут на полигоне Капустин Яр как военнопленные в концлагерях, труд их почти не оплачивается, а работа адски тяжёлая.

В каком-то приближении можно было говорить и так, но давайте на это взглянем, как говорится, с фактами в руках.

1. Начнём с мелкого, но показательного всё же момента. В «Инструкции о порядке переселения спецконтингента в Советский Союз» в пункте 14 было записано:

— Для перевозки переселяемых по железной дороге выделяются спальные и пассажирские вагоны с таким расчётом, чтобы всех квалифицированных специалистов разместить в спальных вагонах а остальную часть переселяемых (средний технический состав и рабочие) перевозить в пассажирских вагонах.

Для сравнения, все офицеры БОН РВГК ехали в общих вагонах, личный же состав размещался в товарных вагонах.

2. Из Постановления Совета Министров СССР № 1017-419сс от 13.5.1946 г. «Вопросы реактивного вооружения», пункты 18, 19, 31:

18. — Разрешить Специальному Комитету по реактивной технике устанавливать немецким специалистам, привлекаемым к работам по реактивной технике, повышенную оплату.

К примеру, немецкие доктора наук К. Магнус, Т. Шмидт, К. Умпференбах получали по 6000 рублей в месяц; Х. Греттруп и Р. Швардт – по 4500 рублей; дипломированные инженеры, в среднем, по 4000 рублей.

Для сравнения, месячный оклад С.П. Королёва в 1947 году составлял 6000 рублей, у его заместителя, В.П. Мишина – 2500 рублей.

19. — Обязать Министерство Вооружённых Сил СССР (тов. Хрулёва) для советских и немецких специалистов, занятых на работах по реактивному вооружению, выделить:

- а) бесплатных пайков по норме № 11 – 1000 шт.
- б) по норме № 2 с дополнительным пайком – 3000 шт.
- в) автомашин:

– легковых – 100 шт.

– грузовых – 100 шт.

- г) снабдить горючим и водительским составом.

Т.е. видим, спецобеспечение для всех – одинаковое.

31. В целях обеспечения жильём перевозимых в СССР немецких ракетных специалистов, поручить тов. Вознесенскому предусмотреть в планах распределения выделение до 15 октября 1946 г. 150 разборных финских домов и 40 рубленых восьмиквартирных домов по разрядке Специального Комитета по реактивной технике.

Кстати, в этих домах на полигоне Капустин Яр жили только немецкие специалисты, а советские офицеры вместе с семьями – в палатках и землянках. Такие вот, «пирог».

Мы, конечно, понимаем, что о перечисленных выше «льготах» громко и на весь мир трубить не имело смысла, но, учитывая послевоенную разруху, учинённую фашистами, даже и это нужно считать за наш плюс. Ведь добрая половина населения страны жила тогда в бараках и землянках, ходили в брезентовой обуви и ватниках, ели, в основном, то, что «Бог пошлёт». О каких немецких ракетных специалистах и ФАУ-2 вести речь? Но её вели и вывели-таки на высокий уровень и ракетную, и космическую отечественную технику!

Давайте вернёмся к первому, знаковому событию на этом пути.

Итак, 18 октября 1947 года, ракетный полигон Капустин Яр. Что же там в этот день происходило?

Все уже знали, что в МИКе успешно окончена проверка ФАУ-2, теперь стартовая команда ждёт её доставки к пусковому столу. Люди пристально и нетерпеливо смотрят в сторону технической позиции. Напряжение возрастает. Наконец, показалась колонна с ракетой. Впереди идёт «Студебеккер», который тащит на прицепе установщик с лежащей на нём ракетой. Установщик вручную подводится к стартовому столу и стыкуется с ним, занимая рабочее положение для подъёма ракеты. Мотор установщика запускается, и закреплённая на его стреле ФАУ-2 медленно поднимается и устанавливается вертикально. Проверив вертикальность ракеты, крепящие бандажи с неё снимают, стрела установщика опускается, и на ней устанавливаются верхний, средний и нижний мостики обслуживания. После этого стрела вновь поднимается и устанавливается в вертикальное положение. С этого момента наступает горячая пора работы всех боевых расчётов стартовой команды.

Ещё раз напомним, что все отделения БОН РВГК укомплектовывались в Германии офицерами, которые там почти в течение года работали в институте «Нордхаузен» вместе с гражданскими специалистами-ракетчиками, сотрудниками различных НИИ и промышленных предприятий, приехавшими из СССР.

Каждый военный служащий знал своё дело досконально, за что ручался

командир бригады генерал-майор Александр Фёдорович Тверецкий, т.к. он вместе с ними постигал азы ракетного искусства, а своих подчинённых он изучил отлично и уверен был в любом из них.

Особо хочется отметить тот факт, что, несмотря на совместный военных и гражданских специалистов-ракетчиков характер проведения первого пуска ракеты ФАУ-2 (это объяснялось высокой его значимостью), непосредственную подготовку и сам пуск осуществляла стартовая команда БОН, которую возглавлял инженер-майор Я.И. Трегуб.

Конечно, несомненно, в подготовке ракеты к пуску на всех её этапах стартовая команда, лично сформированная и подготовленная командиром БОН А.Ф. Тверецким, работала в прямом и тесном контакте с представителями промышленности и науки. Из этих ракетчиков, в основном, работавших на территории Германии в институте «Нордхаузен», была создана «гражданская стартовая команда» под руководством Л.А. Воскресенского. С одной стороны она работала во время пуска, как бы «из-за плеча» команды БОН, а с другой стороны, не мешая процессу, контролировала её работу. В состав этой команды вошли М.С. Рязанский, Н.А. Пилюгин, А.М. Исаев, В.П. Мишин, В.П. Бармин, Ю.А. Победоносцев, Б.Е. Черток, Л.Р. Гонор. Продолжительные совместные тренировки, которые проводились и в Германии, и уже здесь, на советском ракетном полигоне, внесли веское слово: вся совместная команда, включая стартовиков, электроогневиков, двигателистов, заправщиков, наводчиков, работала, как часы. Всё прошло и завершилось отлично!

Более того, была ещё и третья, так сказать подстраховывающая команда, составленная из немецких специалистов. Ею руководил Хельмут Греттруп, и в неё входили Фриц Фибах, Лючия Леуман, Вили Шварц, Курт Вольфарт, Вальтер Шольц, Фриц Бергеманн, Вили Техерт, Ганс Хох и другие. С ними наши офицеры из бригады А.Ф. Тверецкого были знакомы, т.к. работали с ними и в Германии, и уже в Советском Союзе.

Имелась и четвёртая ступень проверочно-контролирующей иерархии – это командир бригады генерал-майор А.Ф. Тверецкий. На стартовой позиции он был, пожалуй, единственный человек, который до мельчайших подробностей знал действия всех номеров стартовой команды. Его взгляд со стороны, но не стороннего наблюдателя, а заинтересованного в отличном результате пуска был и полезен, порой, и очень нужен. Редкий случай в практике Ракетных войск, когда командир соединения ЛИЧНО контролировал работу стартовой команды. Можно с уверенностью говорить, что в то время среди военных такого ранга не было более подготовленного профессионала-ракетчика, как Александр Фёдорович Тверецкий. Это лично его заслуга высокой степени подготовленности каждого номера боевого расчёта. Все работали слаженно, и помощи никому из них не потребовалось.

Одна из основных работ при проверке работоспособности ракеты – это установка на неё и подключение гировертиканта, гиروهоризонта и интегратора. Это дело и ответственное и довольно-таки опасное, т.к. выполняется оно на верхнем мостике (высота над землёй – 14 м). Требовалось обладать немалой ловкостью и умением. С этой работой отлично справлялся старший лейтенант Г.В. Дядин.

Настоящим асом своего дела был старший оператор машины управления капитан Н.Н. Смирницкий. Он, хоть и большими руками, владел пультами с закрытыми, без преувеличения, глазами.

Лихими виртуозами в своей работе были старшие техники двигательной установки старшие лейтенанты Г.Л. Анисенко и А.А. Башмаков.

Сверхнадёжно осуществлял наводку ракеты капитан П.П. Яцюта.

Можно перечислять и дальше, но сказать нужно одно и самое главное, люди работали увлечённо, ответственно и чётко, как говорится, на одном дыхании.

После заправки ракеты горючим, жидким кислородом, перекисью водорода и перманганатом калия над стартовой позицией повисла жуткая тишина – вот он самый ответственный момент, к которому люди шли почти полтора года.

Подается команда: «Все от установщика. Опустить стрелу».

Наступило время отвода в укрытие обслуживающей техники и людей. С.П. Королёв и Л.А. Воскресенский медленно и молча обходят одиноко и гордо стоящую ракету, окидывая её взглядом. Замечаний нет. Королёв даёт команду: «Включить бортовое питание». Слышит доклад: «Питание подано. Всё в норме». После этого он подходит к телефону и докладывает председателю государственной комиссии о готовности ракеты к пуску.

***ПОЛИГОН КАПУСТИН ЯР,
18 ОКТЯБРЯ 1947 ГОДА,
к старту готовится ФАУ-2.***

***НАЧАЛЬНИК ПОЛИГОНА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
В.И. ВОЗНЮК НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ
ПОЛИГОНА КАПУСТИН ЯР.***

Получив разрешение от маршала Н.Д. Яковлева на пуск ракеты, Сергей Павлович Королёв, с облегчением вздохнув, командует: «Объявить 5-минутную готовность». Войдя в бронированную машину управления пуском, приказывает оператору капитану Николаю Смирницкому: «Трал» на борт», «Протяжка»!

Это означает, что надо включить запись исходных положений датчиков

системы телеметрии, установленных на борту ракеты. Николай Смирницкий докладывает: «Пульт в норме. Сбоев в работе системы «Трал» нет. Исходные параметры датчиков записаны». «К пуску ракеты готов».

— «Ключ на стрельбу. Включить предварительную», – командует Королёв.

— «Есть предварительная», – говорит оператор, нажимая соответствующую кнопку, – «Есть наддув баков».

В воздух взвиваются три красные ракеты, включается сирена.

Нервы у всех на пределе. Тянутся секунды. Наконец из сопла двигателя вырывается столб огня. Ракета на треть своей высоты окутывается дымом и огнём. Становится страшно – ракета стоит на стартовом столе, а дым и огонь всё больше и больше закрывают её.

— «Главная»! – командует Королёв.

Оператор нажимает на пульте пуска кнопку «Главная», докладывает:

— «Есть главная»!

Вот уже, практически, вся ракета окутывается дымом и пламенем, видна лишь её головная часть. Проходит ещё несколько секунд и ракета медленно, слегка покачиваясь, начинает, отрываясь от стартового стола, подниматься и уходить в небо.

— «Наконец-то»! – непроизвольно выкрикнул Василий Иванович Вознюк.

Примерно через минуту ракета поднялась на 23 км, развернулась и легла на заданный курс, продолжая всё набирать и набирать высоту. Она «залезла» в небо на 86 км и уже оттуда пошла к земле.

Инверсионный след давно растаял, но все участники пуска продолжали смотреть вверх, томительно ожидая известия о приземлении ракеты.

И вот раздался звонок телефона. Генерал Вознюк поднял трубку, принял доклад и сразу же доложил сам:

— «Товарищ председатель Государственной комиссии, ракета прибыла в назначенный район»!

Не мешкая, маршал Н.Д. Яковлев доложил об этом по правительственной связи в Кремль, Сталину.

Генералиссимус приказал всем участникам пуска объявить благодарность.

Что тут началось! Степь покрылась громким и протяжным «УРА...»! Люди плакали, смеялись, обнимались! Стали качать Королёва, Воскресенского, Трегуба, Смирницкого.

Председатель Государственной комиссии разрешил организовать в МИКе праздничный обед. Пусть и из походных кухонь, но **праздничный**, с выдачей всем по сто граммов спирта. Потом маршал добавил ещё по сто, а когда ему доложили координаты точки падения ракеты – ещё по сто.

Так прошёл день первого пуска баллистической ракеты в СССР.

Именно на этом месте установлен обелиск-ракета, на бетонном основании которого укреплен мемориальная доска с фамилиями всех непосредственных участников того исторического пуска.

До конца 1947 года состоялось ещё 11 (одиннадцать) пусков. Половина из этих двенадцати пусков были удачными или частично удачными, один – аварийным. Это произошло 20 октября, когда ракета пошла в сторону города Саратова и упала в 231 километре от стартовой позиции. Частично удачными

считались пуски, если ракета долетала до района падения, но не попадала в квадрат точности. Для устранения этого недостатка немецкими учёными, докторами Куртом Магнусом и Гансом Хохом была доработана система управления. Они установили фильтры, которые отсекали помехи, поступавшие от других приборов, улучшив тем самым точность стрельбы в 2-4 раза. За это усовершенствование Магнус и Хох были премированы 16-ю тысячами рублей каждый. Однако, несмотря на явные положительные моменты присутствия и работы немцев на полигоне Капустин Яр, их всё же переселили на постоянное место жительства на остров Городомля на озере Селигер. Очень красивое место, но совершенно отрезанное от внешнего мира. По периметру остров был обнесён колючей проволокой и, кроме того, охранялся сотрудниками МВД. Там немцы организовали свою колонию и жили на острове вплоть до 1951 года, когда их отдельными группами стали отправлять в ГДР.

Последняя группа во главе с Греттрупом убыла из СССР в 1953 году.

1952 год. Х. Греттруп (крайний справа) на озере Селигер, недалеко от острова Городомля.

Некоторые штрихи из дальнейшей биографии Греттрупа.

Сразу по прибытии в Берлин Хельмута Греттрупа встретили сотрудники американских спецслужб, которые перевезли его в ФРГ и предложили работу в США по ракетной тематике вместе со своим другом Вернером фон Брауном. Однако Греттруп резко отказался.

Спустя четыре года он сильно разбогател, став изобретателем машинки автоматического подсчёта денежных купюр и банкомата.

К ракетному делу его интерес пропал, хотя связь с Вернером фон Брауном, который жил в США, но в Германию навещался, поддерживал. Умер Хельмут Греттруп в 1981 году в возрасте 65 лет – рак.

**РАКЕТНЫЙ ПОЛИГОН
КАПУСТИН ЯР,
У СТАРТОВОЙ ПОЗИЦИИ ФАУ-2.
Любимое место для
фотографирования на память.**

**МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА
С ФАМИЛИЯМИ УЧАСТНИКОВ
ПЕРВОГО ПУСКА ФАУ-2 18.10.1947 года.
С ПОЛИГОНА КАПУСТИН ЯР**

Жизнь не остановилась. Более того, успешный пуск ФАУ-2 стал лишь стартом, началом ракетно-космической эры в СССР.

Продолжилась служба и героя нашего очерка гвардии генерал-майора Александра Фёдоровича Тверецкого. Вот что по этому поводу вспоминает Д.И. Марковский, один из первых офицеров БОН РВГК, которой командовал А.Ф. Тверецкий.

Судьба самого генерал-майора в отставке Д.И. Марковского тоже очень интересна. В 1938 году он поступил на механико-математический факультет МГУ и учился в одном потоке с Андреем Сахаровым и Евгением Забабахиным, впоследствии ставшими известными разработчиками термоядерных зарядов. В 1941 году, с началом войны наиболее способных студентов перевели на учёбу в военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, среди которых был и Марковский. Правда, перевод А.Д. Сахарова не состоялся: он не прошёл медицинскую комиссию и сильно по этому поводу переживал.

Выпускников академии (1942-1943 гг.) направляли заниматься либо ядерной физикой, либо ракетной техникой. Д.И. Марковский стал ракетчиком и в 1946 году оказался под началом генерал-майора А.Ф. Тверецкого.

Он вспоминает:

— *«Руководил нами, вдохновлял нас, прививал веру в ракетную технику и перспективы её развития, по-отечески заботился о нас и наших семьях всеми нами уважаемый и любимый командир, прославленный гвардии генерал Великой Отечественной войны, высокообразованный, обаятельный человек Александр Фёдорович Тверецкий. Он сумел заставить нас настолько полюбить ракетную технику, что мы уже не помышляли заниматься чем-нибудь другим. Даже на досуге, в пути, за обедом, где только было можно, мы с увлечением решали различные задачи по теории реактивного движения, обсуждали принципы работы различных систем и, конечно, дискутировали о способах и эффективности ракетного оружия».*

Следующая выдержка из воспоминаний Д.И. Марковского относится уже к 1949 году:

«В 1948 году значительное количество офицеров-инженеров БОН РВГК были назначены на ответственные должности в управления и службы полигона Капустин Яр. Я был в их числе. Мы с болью в сердце восприняли разлуку со своими боевыми друзьями, особенно, с генералом А.Ф. Тверецким. Но вскоре, к нашей общей радости, он, так же, как и мы был назначен на Центральный Государственный полигон на должность начальника управления.

БОН РВГК принял полковник В.М. Гумиров».

Также тепло отзываются об Александре Фёдоровиче Тверецком и другие его подчинённые: В.Е. Гавриленко, Г.В. Дядин, Н.К. Монахов, Н.И. Кулепётов, П.М. Матвеев, Ю.А. Мозжорин...Как говорится, если человек прекрасный и отличный командир, то это для всех и навсегда. Именно таким и был гвардии генерал-майор артиллерии Александр Фёдорович Тверецкий.

Служебный и творческий рост А.Ф. Тверецкого успешно развивался и дальше. В январе 1949 года Александр Фёдорович Тверецкий передаёт своё детище, БОН РВГК, полковнику В.М. Гумирову (впоследствии генерал-майор) и в соответствии с приказом МО СССР принимает в подчинение первое испытательное управление 4ГЦП Капустин Яр. Он тесно работает с Сергеем Павловичем Королёвым и другими отечественными конструкторами ракетно-космической техники по испытаниям очередных боевых баллистических ракет: Р-2, Р-5 и Р-11 разработки ОКБ С.П. Королёва.

Испытательное управление, в основном, было укомплектовано офицерами бригады А.Ф. Тверецкого. Они достойно и умело решали задачи подготовки и пуска ракет, проводя тщательный качественный разбор каждого из них, включая и неудачные, помогали решить многие проблемы испытателей.

Как бы в подтверждение этого мы приводим здесь часть Протокола совещания у командующего артиллерией ВС главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова о возможности принятия ракеты Р-1 на вооружение с офицерами 1-го испытательного управления ГЦП и ГАУ. На этом совещании выступили многие офицеры этих подразделений и высказали своё мнение. Мы приведём лишь два из них – Я.И. Трегуба, командира стартовой команды подготовки к пуску ракеты ФАУ-2 18 октября 1947 года, ставшего впоследствии начальником отдела испытательного Управления 4 ГЦП и командира БОН А.Ф. Тверецкого – начальника этого Управления.

**Из протокола совещания у командующего артиллерией
Вооруженных Сил СССР по вопросу о возможности принятия
ракеты Р-1 на вооружение¹**

25 февраля 1950 г.

Сов. секретно

Экз. № 1

«Утверждаю»

Командующий артиллерией ВС

Главный маршал артиллерии *Воронов*

« »* февраля 1950 г.

г. Москва

ПРОТОКОЛ

совещания от 25 февраля 1950 г. по вопросу [о] возможности приема
ракеты Р-1 на вооружение без государственных испытаний

П р и с у т с т в о в а л и :

1. Главный маршал артиллерии	Воронов Н.Н.	
2. Маршал артиллерии	Чистяков М.Н.	
3. Генерал-полковник артиллерии	Фомин Н.С.	
4. Генерал-лейтенант артиллерии	Вознюк В.И.	от ГЦП
5. Генерал-майор артиллерии	Тверецкий А.Ф.	от ГЦП
6. Инженер-подполковник	Веремеенко П.П.	от ГЦП
7. Инженер-подполковник	Трегуб Я.И.	от ГЦП
8. Инженер-капитан	Носов А.И.	от ГЦП
9. Инженер-капитан	Нахамчик А.С.	от ГЦП
10. Инженер-капитан	Марковский Д.И.	от ГЦП
11. Инженер-капитан	Коршунов А.Ф.	от ГЦП
12. Инженер-полковник	Мрыкин А.Г.	от 4 Упр. ГАУ
13. Инженер-полковник	Лейкин М.А.	от 4 Упр. ГАУ
14. Инженер-капитан	Мозжорин Ю.А.	от 4 Упр. ГАУ
15. Инженер-капитан	Мирзоян З.А.	от 4 Упр. ГАУ

В ы с т у п л е н и я (записаны кратко).

Главный маршал артиллерии Воронов Н.Н.:

Я пригласил вас к себе на совещание по очень серьезному вопросу, а
~~именно~~ именно: хочу поговорить с вами о Р-1. Мы, старшие начальники, считаемся

**Начальник 1-го отдела 1-го Управления ГЦП инженер-подполковник
Трегуб Я.И.:**

Подводя итоги испытаний 1949 года, мы все результаты разбили на две группы вопросов:

- а) выявленные недостатки в ракете и в агрегатах наземного оборудования;
- б) вопросы, оставшиеся невыясненными.

Выступления всех наших представителей в основном освещали вторую группу вопросов [...]

Если сейчас будет поставлена задача на боевое применение Р-1 в настоящем виде, то считаю, что выполнение его возможно только при определенных условиях, а именно:

- если работа будет при плюсовых температурах;
- если старт будет проходить с бетонной площадки;
- если будет разрешена замена неисправных агрегатов на старте;
- если стрельба будет проводиться на предельную дальность (270 км).

Так как сейчас вряд ли удастся устранить все недостатки, считаю необходимым для принятия ракеты на вооружение провести государственные испытания с задачей уточнения:

- а) данных и характеристик принимаемого изделия;
- б) на каких условиях оно принимается.

Вопросы Главного маршала артиллерии тов. Воронова к т. Трегуб[у:]

1. Сколько представителей от промышленности присутствовало на испытаниях ракеты?

Ответ: Последняя экспедиция была в составе около 650 человек, а необходимо не больше 100 чел.

2. Вы говорите о необходимости государственных испытаний, а в силах ли один полигон без представителей промышленности справиться с этим делом?

Ответ: Подготовить ракету, провести стендовые испытания и дать старт ракете мы в состоянии сделать сами. Сейчас не готова одна служба — телеизмерение, но как только нам будут даны люди, будет готова и эта служба и полигон в состоянии полностью выполнить задачи государственных испытаний ракеты.

3. При организации испытания сможет ли полигон предъявить заявки на все, что потребуется, чтобы провести как следует государственные испытания?

Ответ: Мы не хотели бы давать никаких заявок, так как это дело конструктора и промышленности, которые предъявят ракету на государственные испытания.

Начальник 1-го Управления ГЦП генерал-майор артиллерии Тверецкий А.Ф.:

Ракета вместе с наземным оборудованием имеет много пороков как производственных, так и не выясненных нами при совместных с представителями промышленности испытаниях.

Я считаю, что обязательно следует провести государственные испытания ракеты, и это сильно подтянет промышленность и заставит ее дать на полигон продукцию лучшего качества.

Что касается нашей самостоятельной работы, то можно сказать, что мы сможем спокойно работать, когда ракету дадут нам и перестанут нас опекать и нервировать.

В этих условиях мы справимся самостоятельно с задачами государственного испытания ракеты.

Так прошли четыре года кропотливой, напряжённейшей, но необходимой работы, отданной управлением А.Ф. Тверецкого делу становления и развития в нашей стране ракетно-космической отрасли.

В период командования БОН и отработки боевых ракетных комплексов на основе ракет Р-1, Р-2, Р-5 А.Ф. Тверецкий много сделал в области основных боевого применения, отрабатывая различные задачи на учениях с бригадой. В результате было подготовлено первое «Наставление по боевому применению бригады особого назначения РВГК, вооружённой ракетами дальнего действия», в котором были скрупулёзно отражены те вопросы её действий в различных условиях обстановки.

Наставление артиллерии Советской Армии «Боевое применение бригады особого назначения Резерва Верховного Главного командования, вооружённой ракетами дальнего действия», утвержденное приказом Военного министра СССР № 00114

г. Москва

23 мая 1951 г.
Сов. секретно
Экз. № _____

Утвердить объявляемое Наставление артиллерии Советской Армии: «Боевое применение бригады особого назначения Резерва Верховного Главного Командования, вооружённой ракетами дальнего действия».

Военный министр Союза ССР
Маршал Советского Союза

Василевский

Военное министерство Союза ССР

Сов. секретно

**НАСТАВЛЕНИЕ
Артиллерии Советской Армии «Боевое применение
бригады особого назначения Резерва Верховного
Главного Командования, вооружённой ракетами
дальнего действия»**

**Глава I
Общие положения**

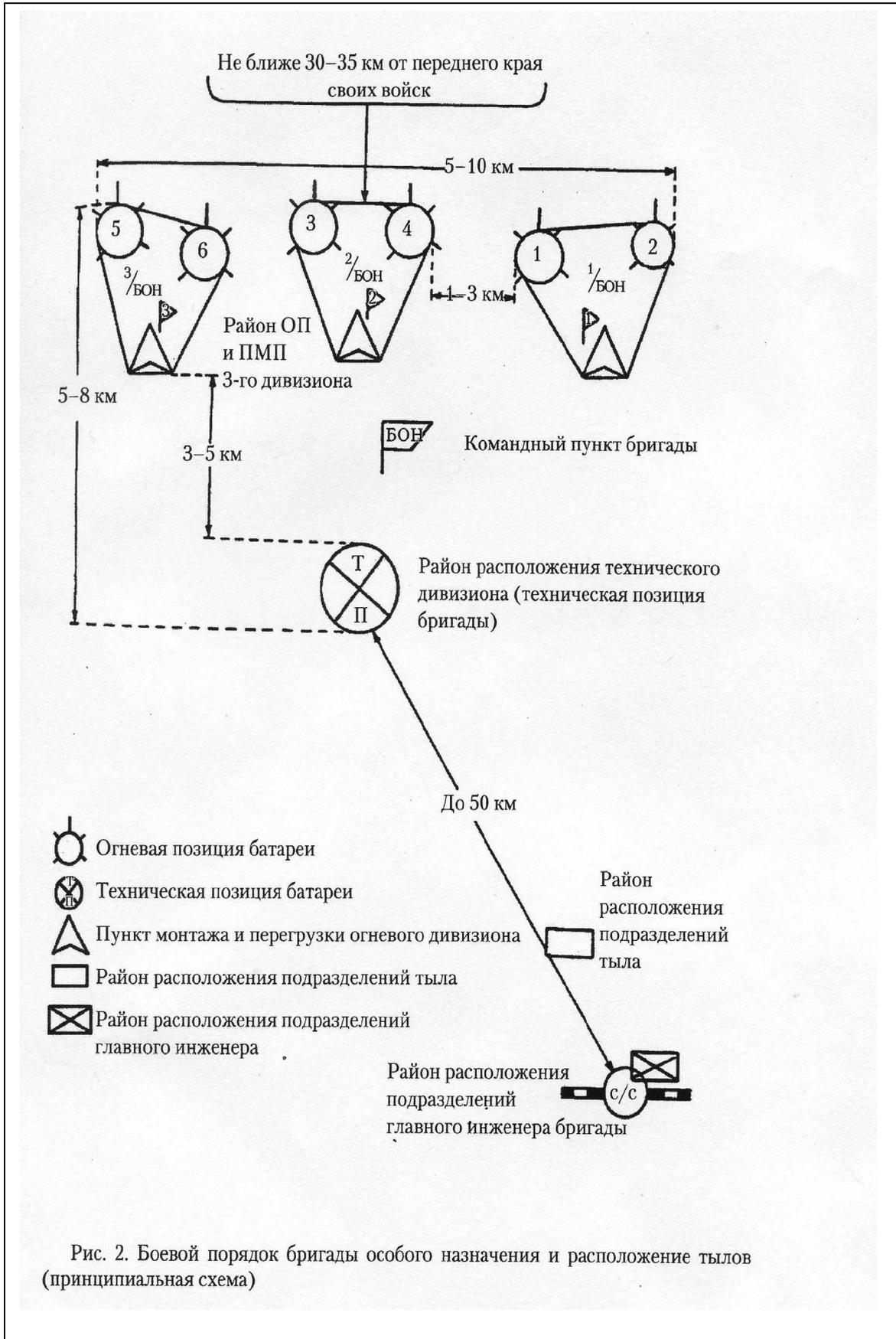
1. Бригада особого назначения Резерва Верховного Главного Командования, вооружённая ракетами дальнего действия, предназначается для поражения крупных военных, военно-промышленных объектов, важных административно-политических центров и узлов коммуникаций, а также других объектов, имеющих стратегическое или оперативное значение.

Бригада особого назначения используется, как правило, для выполнения только тех огневых задач, которые не могут быть решены другими наземными средствами (артиллерией) или авиацией.

2. Бригада особого назначения для выполнения огневой задачи используется как в полном составе, так и поддивизионно. При выполнении задачи огневым дивизионом самостоятельно его работу обеспечивают штаб бригады и технический дивизион.

3. Применение ракет дальнего действия возможно в любое время суток, при различной погоде и скорости ветра не более 12 метров в секунду.

При подготовке ракет к пуску ночью или в ненастную погоду (дождь, снег, низкая температура) время подготовки увеличивается.

Однако семейная ответственность, связанная с прогрессирующей тяжёлой болезнью жены вынудили Александра Фёдоровича Тверецкого обратиться к руководству с просьбой о переводе его в такое место, где можно было бы лечить жену и больше находиться бы рядом с ней. Именно с этим связаны его переводы по службе сначала в Ростов-на-Дону, а затем – в Москву.

С завершением военной службы он активно участвует в формировании и повседневной деятельности ветеранской организации ГМЧ, ведёт обширную переписку со своими бывшими сослуживцами военного времени и начала советской ракетной эпохи. В это же время он старается много внимания уделять своей семье, прежде всего, единственному внуку.

Порядочный, скромный человек, прославленный боевой генерал, личность высокого ранга специалист-ракетчик, талантливый организатор, заботливый командир и воспитатель никогда не хотел и не умел афишировать себя, свои заслуги. Он мог много и восторженно говорить о тех, с кем свела его судьба на боевом пути Великой Отечественной войны и ракетном поприще. Говорил он всегда тепло и корректно. С гордостью отзывался о главных конструкторах ракетной техники, с кем долгие годы шёл вместе и кого теперь знает весь мир, восхищаясь их профессиональными и человеческими качествами.

А бывшие подчинённые генерала А.Ф. Тверецкого и его соратники по освоению азоев ракетной техники о нём самом «скромно» промолчали.

Когда разговариваешь с ними, то слышишь высочайшую оценку этого человека в организации и становлении ракетного дела в нашей стране, и все недоумевают: «Действительно, почему о Тверецком так мало известно, почему о нём промолчали»? На наш взгляд, этому имеется, пожалуй, одна причина, о которой мы писали в главе 1 настоящего военно-исторического очерка. Речь ведём о негативном инциденте в конце войны (это попытка расстрела красноармейца). Он тогда был исключён из партии (впоследствии восстановлен). Факт, который никуда не денешь. Но потом-то, когда стали с восторгом и торжественно раскрывать страницы, особенно самые первые, отечественной ракетной эпохи, почему не вспомнили человека, стоявшего, пусть это звучит шаблонно, трафаретно, но реально и справедливо, у самого истока боевого освоения и применения баллистических ракет дальнего действия? Почему он остался в тени?

Историю делают и пишут люди. Иногда, правда, вопреки фактам, в угоду кому-то или чему-то. Частенько пишут, преувеличивая, мягко скажем, свою роль. В бою, сражении основное действующее лицо – это солдат. Побеждает именно он, но сколько бы ни было, пусть даже очень высоко подготовленных воинов, победы им не видать, если отсутствует в бою настоящий, достойный командир, а в сражении – полководец. В принципе-то действует с момента зарождения человека на земле всем известный афоризм: «Нет личности, нет и истории»! Все исторические события разного масштаба связаны с личностью, положительной, отрицательной, но на данный отрезок времени – незаурядной.

Именно такой личностью, считаем, был и Александр Фёдорович Тверецкий.

Время неумолимо идёт и идёт вперёд. Из тех, кто был рядом с героем нашего военно-исторического очерка, Александром Фёдоровичем Тверецким, в то знаменательное время – начала ракетной эпохи в нашей стране, начиная с

1945 года, в живых никого не осталось. Всем, следовавшим за ними, не понять и не объяснить, почему, например, на доске с именами участников первого пуска ФАУ-2, установленной на Государственном центральном полигоне Капустин Яр, рядом с фамилиями С.П. Королёва, Н.А. Пилюгина, Д.Ф. Устинова, В.И. Вознюка и др. нет фамилии А.Ф. Тверецкий, а ведь он был одной из ключевых фигур в процессе подготовки и осуществлении пуска первой баллистической ракеты в Советском Союзе?! Да и мало, кто на полигоне знает об Александре Фёдоровиче Тверецком. Только в 2006 году там появилась (по просьбе ветеранов-ракетчиков) мемориальная доска с его фамилией и фотографией.

Также по просьбе ветеранов-ракетчиков 24-ой рд (преемница БОН РВГК) мемориальная доска в честь А.Ф. Тверецкого появилась тоже в 2006 году в Ростовском военном институте.

Это очень хорошо, но разве этого достаточно для увековечивания его памяти как личности в истории РВСН? Конечно же, нет! Это имя, по нашему мнению, должно быть вписано золотыми буквами в историю Ракетных войск стратегического назначения. О нём надо рассказывать всем новым поколениям ракетчиков. Память о нём должна сохраниться навсегда!

На подножии памятника в честь первого пуска ФАУ-2 с территории Советского Союза 18.10.1947 года. (На этой памятной доске почему-то, по совершенно необъяснимой причине нет фамилии «ТВЕРЕЦКИЙ А.Ф.» Почему? Мы, думается, и вы, наши читатели тоже, мягко говоря, в недоумении).

В 2006 году на здании 1-го управления 4-го ГЦП установлена эта доска.

На одном из зданий на территории Ростовского военного института им. М.И. Неделина.

История – это не застывшая, окаменелая, неприкасаемая область знаний человека об обществе, государстве, вселенной. Она развивается, пополняясь всё новыми и новыми данными. Но искажённая, необъективная, а значит, ущербная (по ЛЮБЫМ ПРИЧИНАМ) – это уже, на наш взгляд, НЕ ИСТОРИЯ. Мы даже не рискуем придумать этому название.

В подобных случаях люди, пытаясь, вероятно, найти себе прощение, говорят: «Жизнь и время всё поставят на свои места». Не надо так общо. Жизнь – это, в конце концов, наша с вами стезя. И если люди по какой-то причине сбились с пути, то, если имеется возможность, НЕОБХОДИМО это исправить и восстановить именно тот путь, по которому шёл ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, СТРАНА.

Иначе говорить об ИСТОРИИ не то, что НЕКОРРЕКТНО, а просто-напросто, НЕ ИМЕЕТ СМЫСЛА.

Глава 4. **Похвал лишь тот достоин генерал, кто армии таких же воспитал.**

В должности начальника управления полигона Капустин Яр Тверецкий находился до 1953 года. В декабре 1953 года он был назначен на должность заместителя по учебно-научной работе начальника Ростовского высшего инженерного артиллерийского училища. Год спустя, он становится начальником училища, и под его командованием происходит первый выпуск военных инженеров-ракетчиков. Вот таким ПЕРВЫМ человеком становится Александр Фёдорович Тверецкий: ПЕРВАЯ БОН РВГК, ПЕРВАЯ ФАУ-2, ПЕРВЫЕ БАЛЛИСТИЧЕСКИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАКЕТЫ, ПЕРВЫЙ выпуск Ростовского училища. ПЕРВЫЙ !!!

В 4-ой главе нашего военно-исторического очерка, как и о всех его предыдущих, речь будет вестись, конечно, об Адександре Фёдоровиче Тверецком, но как бы, косвенно. Мы здесь представим вам замечательных людей, много сделавших для становления и развития РВСН и ВКС. Эти, на данный момент времени, рода Вооружённых Сил страны остаются их ведущей силой и опорой для всей государственности в широком смысле этого слова. Они являются самым надёжным гарантом безопасности нашей Родины от всяких посягательств извне. Чтобы такими стать, нужна, естественно, мощная и грозная техника, которую требуется постоянно, ежеминутно поддерживать в боеготовном состоянии. Это, понятное дело, достигается с помощью людей, влюблённых в свой вид (род) войск, настоящих патриотов государства, отлично знающих грозную ракетно-космическую технику, всегда поддерживающих её в надлежащем виде, постоянно совершенствуя и улучшая боевые параметры всех типов, ракет, поступающих на вооружение. Не забывая, естественно, и совершенствование их эксплуатации в процессе подготовки к боевому, при необходимости, применению.

«Сделать» таких людей гораздо труднее, чем самую хитроумную и сложную технику. Эту кропотливую, в высшей степени ответственную работу не поручишь кому попало. Здесь нужны сверхумелые, умные, творческие, грамотные, интеллигентные люди, т.е. как раз такие, каким всю свою жизнь был Александр Фёдорович Тверецкий. Именно так отзываются о нём те, кто

учился в Ростовском высшем артиллерийском училище в годы, когда им командовал герой нашего военно-исторического очерка. К ним относятся полковники запаса И.И. Горбунов, Н.В. Лукьянов, А.В. Пашков, генерал-майор Е.С. Бородунов и другие, с кем нам удалось побеседовать на эту тему.

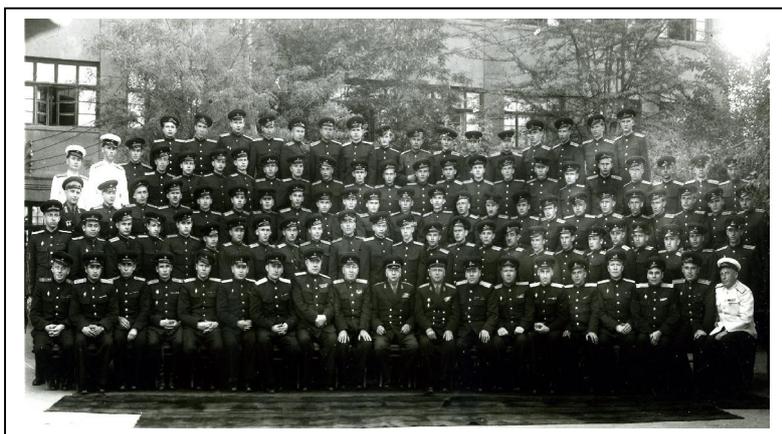
Убеждены, что достойнейшим и сверполезным для армии человеком является тот, кто воспитал, вырастил и пустил в сложный путь военного управленца и руководителя, одним словом, толкового командира. Именно таким человеком и зарекомендовал себя и навсегда остался в памяти людей гвардии генерал-майор артиллерии Александр Фёдорович Тверецкий.

Так, или примерно так, отзываются об А.Ф. Тверецком многие и многие слушатели Ростовского инженерного артиллерийского училища им. Главного маршала артиллерии М.И. Неделина, кому посчастливилось учиться в период, когда училищем командовал Александр Фёдорович Тверецкий. Нам удалось побеседовать с генералами Е.С. Бородуновым, В.С. Бирюковым, В.Г. Ламашем, полковниками И.В. Терновых, А.В. Пашковым, И.Е. Власовым Н.В. Лукьяновым, И.И. Горбуновым, И.Н. Кузьминым.

Очень интересную мысль высказал полковник Игорь Евгеньевич Власов, кандидат технических наук, начальник баллистического отдела командного измерительного комплекса Подмосковного Центра управления полётом КА.

Он сказал следующее: «Я, к сожалению, не учился в училище, когда его возглавлял генерал-майор А.Ф. Тверецкий, т.к. поступил в него, спустя пять лет после ухода Александра Фёдоровича на другую работу. Однако мы все пользовались методическими пособиями, инструкциями, разработанными при Тверецком и утверждёнными лично им. Если подобного рода документы такие долгожители, то это несомненный факт, что составлены они были людьми под руководством человека грамотного, понимавшего толк в сложном учебном процессе, знавшего не только сегодняшний день Ракетных войск, но и разумно глядевшего в будущее».

Коротким замечанием поделился с нами полковник Иван Иванович Горбунов: «Хорошо помню солидного генерал-майора артиллерии Александра Фёдоровича Тверецкого и его уверенные, чёткие действия, когда он был начальником нашего училища. Сам я являюсь выпускником третьего выпуска, но помню момент фотографирования первого выпуска училища, т.к. в это время нёс патрульную службу на территории училища».

Первый выпуск военных инженеров-ракетчиков из Ростовского артиллерийского инженерного училища
(в первом ряду, девятый справа - нач. училища – А.Ф. Тверецкий).

Рассказать подробно о людях, прекрасных военных людях, учившихся в Ростовском высшем артиллерийском инженерном училище в тот период, когда им командовал А.Ф. Тверецкий и ставшими генералами, невозможно по чисто техническим причинам: материала наберётся на несколько подобных очерков. Поэтому мы по мере возможности предложим вам несколько фотографий тех выпускников училища, учившихся в нём при Тверецком и ставших в процессе своей службы генералами, с краткими под ними пояснениями-подписями.

Выпускник 1955 года генерал армии Юрий Алексеевич Яшин
Первый заместитель Главкома РВСН (1981-1989), Заместитель
Министра обороны СССР (1989-1992),
Лауреат Государственной премии СССР (1977), доктор технических наук

Выпускник 1955 года генерал-полковник
Александр Александрович Рязских
Начальник Главного Управления
ракетного вооружения – заместитель
главкома РВСН по вооружению (1984-1993).
доктор технических наук.

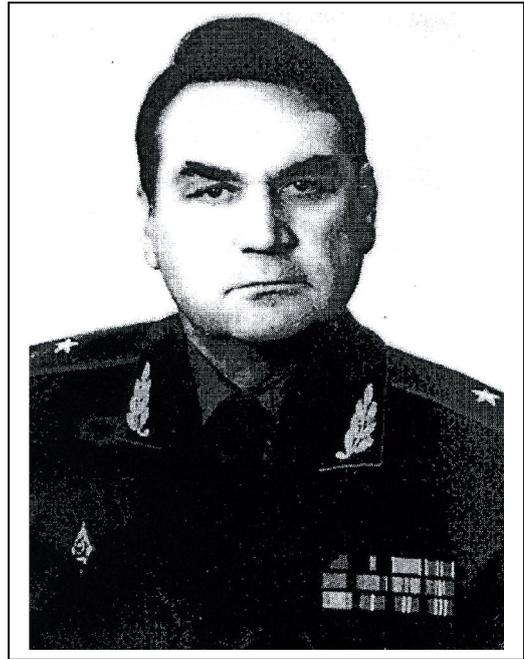
Выпускник 1955 года генерал-майор Александр Васильевич Поцелуев. Заслуженный деятель науки и техники РФ, профессор академии им. Петра Великого, доктор технических наук.

Выпускник 1955 года генерал-майор Геннадий Сергеевич Ивонинский. Начальник испытательного управления космодрома «Плесецк», лауреат Государственной премии СССР

Выпускник 1957 года генерал-майор Геннадий Михайлович Тамкович. Заместитель начальника Центра КИК, лауреат Государственных премий СССР и РФ, доктор технических наук, почётный радист СССР.

Выпускник 1957 года генерал-майор Валентин Сергеевич Бирюков. Заместитель начальника 11-го Главного управления Министерства оборонной промышленности СССР

Выпускник 1958 года генерал-майор Евгений Семёнович Бородунов. 1974-1980 – командир Первой в СССР ракетной дивизии, вооружённой ракетными комплексами типа «Пионер», 1980-1986 – начальник управления космодрома «Плесецк».

Выпускник 1959 года генерал-майор Александр Яковлевич Сипкин. 1979-1982 – начальник штаба 43 ОНИС (полигон «Кура»), 1983-1992 – заместитель начальника ГЦП Капустин Яр

За неимением возможности привести в настоящем военно-историческом очерке фотографии всех генералов-выпускников Ростовского артиллерийского высшего инженерного училища 1955-1959 годов мы остановились лишь на восьми из них. Для полной статистики перечислим всех выпускников тех лет, ставших генералами. Их оказалось 20 (двадцать) человек.

- _ генерал армии Яшин Юрий Алексеевич (1955, 1957);
- _ генерал-полковник Ряжских Александр Александрович (1955-1);
- _ генерал-майор Поцелуев Александр Васильевич (1955-1);
- _ генерал-майор Желтаков Виктор Афанасьевич (1955-2);
- _ генерал-майор Ивонинский Геннадий Сергеевич (1955-2);
- _ генерал-лейтенант Костев Владимир Григорьевич (1956);
- _ генерал-майор Кокин Александр Александрович (1956);
- _ генерал-майор Бирюков Валентин Сергеевич (1957);
- _ генерал-майор Гвоздев Валентин Викторович (1957);
- _ генерал-майор Донченко Юрий Михайлович (1957);
- _ генерал-майор Савчук Владимир Митрофанович (1957);
- _ генерал-майор Тамкович Геннадий Михайлович (1957);
- _ генерал-лейтенант Крупенин Борис Иванович (1958);
- _ генерал-майор Бородунов Евгений Семёнович (1958);
- _ генерал-майор Проклов Юрий Александрович (1958);
- _ генерал-майор Тимошенко Михаил Михайлович (1958);
- _ генерал-майор Ткаченко Владимир Максимович (1958);
- _ генерал-майор Балихин Владимир Ефимович (1959);
- _ генерал-майор Петров Виктор Григорьевич (1959);
- _ генерал-майор Сипкин Александр Яковлевич (1959).

Все понимают, что индивидуальные успехи в жизни и в военной карьере в частности, как правило, в большинстве случаев, зависят от собственных качеств человека, его нацеленности и устремлений, работоспособности и упорства, видения перспектив и личных черт характера. Небольшой процент падает на удачу, везение, счастливый случай. Однако огромную роль играет внутреннее наполнение сознания высокими помыслами. В этой связи важную роль оказывает начальное воспитание, настрой, качество обучения, личный пример преподавателя (командира). В этом смысле слушателям Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища первых его лет исключительно повезло: лучшего человека, с кого можно и нужно было брать пример, чем Александр Фёдорович Тверецкий, придумать, пожалуй, очень трудно.

Действительно, генерал-майор артиллерии А.Ф. Тверецкий – это известный, прославленный военачальник, прошедший всю Великую Отечественную войну, командуя соединениями гвардейских миномётов («катюши»), кавалер десяти боевых орденов и многих медалей СССР и зарубежных стран. Он является командиром первой в ВС СССР бригады особого назначения РВГК, которая под его руководством осуществила в 1946-1947 годах сбор, изучение, доставку на территорию Советского Союза образцов трофейной немецкой ракетной техники, главным образом баллистических ракет ФАУ-2. Под его личным руководством разработана структура ракетного соединения и создана стартовая команда, подготовившая и проведшая первые пуски с территории полигона

Капустин Яр баллистических ракет ФАУ-2, а затем и отечественных ракет типа Р-1, Р-2, Р-5, Р-11.

Насколько это важно тем, кто связал свою жизнь с ракетной техникой, став слушателем Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища!

Давайте вернёмся в Ростов-на-Дону 1954-1955 годов.

В августе 1954 года генерал-майор А.Ф. Тверецкий вступил в должность начальника училища, находясь до этого в течение года в должности заместителем начальника училища по учебной и научной работе, где проявил себя как разумный хозяин, думавший о будущем офицеров, инженеров-ракетчиков.

Выполняя указания Министра обороны, научно-исследовательский и учебный отделы училища, руководимые Александром Фёдоровичем Тверецким, разработали первый план научно-исследовательских работ, изобретательской и рационализаторской деятельности, на базе БОН и 4ГЦП начали выпускаться новые методические материалы.

Надо сказать, что в первые три года существования училища научно-исследовательская работа проводилась лишь на общенаучных кафедрах, да и то только в плане теоретических разработок. Военно-инженерные кафедры находились в стадии становления и способны были обеспечить только ведение учебного процесса. Для развёртывания научно-исследовательских работ не было научно-лабораторной базы, не хватало опытных научных кадров.

1954/55 учебный год стал для училища особым годом. Тогда произвели два первых выпуска специалистов офицеров-инженеров. Во время работы Государственных экзаменационных комиссий не только выпускники-слушатели защищали дипломные проекты, но и преподавательско-командный состав всего училища сдавал экзамен на зрелость.

Дело в том, что в училище пока ещё отсутствовал опыт организации и проведения самих выпусков. Нужно было разработать тематику дипломного проектирования, обеспечить проведение преддипломной практики, организовать проектирование. Вопросов и проблем возникло, как говорят, выше крыши.

Эти мероприятия пугали абсолютно всех, только не начальника училища, фронтовика, бывалого ракетчика, волевого и умного организатора Александра Фёдоровича Тверецкого.

Под его руководством всё было выполнено в лучшем виде.

Государственная экзаменационная комиссия под председательством маршала артиллерии М.Н. Чистякова высоко оценила знания выпускников и отметила, что результаты защиты дипломных проектов свидетельствуют о прочной теоретической, общетехнической и военно-инженерной подготовке выпускников училища и показывают, что их квалификация соответствует предъявляемым требованиям. Оценки «отлично» получили 55,8% выпускников, «хорошо» - 33,4%. Появились первые выпускники, окончившие с золотой медалью – это офицеры А.В. Поцелуев и Ю.В. Смирнов.

Коллектив училища, преодолев большие трудности становления, мог с гордостью сказать: «Получай, Родина, первый отряд выпускников Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища»!

Дипломы и нагрудные знаки офицерам первых двух выпусков вручал

заместитель Министра обороны Главный маршал артиллерии М.И. Неделин. Он в своей речи дал высокую оценку коллективу училища и лично его начальнику генерал-майору артиллерии А.Ф. Тверецкому. М.И. Неделин также выразил уверенность, что выпускники училища оправдают доверие командования и с честью будут нести службу там, куда их направит Родина.

Он не ошибся. Подавляющее большинство выпускников всех годов Ростовского училища в войсках, НИИ, арсеналах, на полигонах и учебных заведениях всегда были проводниками всего лучшего, передового в деле освоения ракетной техники.

В годы командования училищем А.Ф. Тверецкий много внимания уделяет социальным вопросам, вопросам благоустройства училища, укреплению его материальной базы и воспитательному процессу слушателей и преподавателей. Об этом можно много говорить, перечисляя то, что он сделал, но мы, в качестве примера, приведём только один фрагмент письма в ЦК партии, который о многом говорит.

**Докладная записка А.Ф. Тверецкого и Г.И. Потапова
Н.С. Хрущеву о тяжелом квартирном положении офицеров
Ростовского артиллерийского инженерного училища**

г. Москва
Секретно

21 апреля 1955 г.

Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Н.С.

Делегаты второй партийной конференции Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища, которая проходила в марте 1955 года, выступили с настойчивым предложением о включении в резолюцию пункта о том, чтобы политический отдел обратился в ЦК КПСС с письмом о тяжелом квартирном положении офицерского состава училища и с просьбой об ассигновании средств на постройку жилого дома для профессорско-преподавательского состава, восстановления клуба и спортивного зала и строительства главного учебного корпуса.

Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище было создано в 1951 году и размещено в помещениях бывшего Ростовского артиллерийского училища.

Приспособленные под аудитории классы бывшего училища не вмещают даже одного факультетского курса, из-за чего приходится их делить на полупотоки.

Нет оборудованных чертежных залов и комнат для курсового и дипломного проектирования. Старшие курсы в прошлом и текущем учебном году выполняют курсовые проекты в коридорах.

Пожалуй, лишними словами здесь будут заверения, что в подготовке первого отряда офицеров специалистов-ракетчиков с высшим образованием, большая заслуга принадлежит профессорско-преподавательскому коллективу Ростовского училища. Это бесспорно, как и то, что руководил тем коллективом славный, во всех отношениях достойный человек, военный учёный, первопроходец в освоении реактивной артиллерии в операциях Великой Отечественной войны и баллистических ракет большой дальности в послевоенные годы в нашей стране, отличный командир гвардии генерал-майор артиллерии Александр Фёдорович Тверецкий.

Свой путь служения Отечеству А.Ф. Тверецкий заканчивает в стенах Военной академии Генерального штаба ВС СССР, в должности старшего преподавателя Особой кафедры специальной техники

Семейные обстоятельства заставили его обратиться с просьбой к маршалу М.И. Неделину о переводе его в Москву на любую должность, что позволило бы ему позаботиться о жене и родившемся в 1955 году с врождённым пороком – болезнью Дауна – единственном внуке. Только в клиниках Москвы и при личном участии можно было рассчитывать на какой-то успех в лечении близких ему людей.

А.Ф. Тверецкий не мог поступить иначе, и, наверное, он был прав. Он очень много сделал для своего Отечества, но недостаточно для своей семьи. И в этом проявилась его человеческая позиция, его отцовский и дедовский долг. В то время Александр Фёдорович Тверецкий часто говорил: «Теперь моя дочь Нина и внук – вся моя жизнь».

Завершением военной карьеры генерал-майора артиллерии Александра Фёдоровича Тверецкого и его службы в рядах Вооружённых Сил Советского Союза является четырёхлетний период (1956-1960), когда он работал Старшим преподавателем Особой кафедры спецтехники академии Генерального штаба ВС СССР, куда он был переведён приказом Министра обороны СССР № 05469 от 01.12.1956 года. Этот период прошёл, как выразятся ракетчики, штатно, т.е. без каких-либо ярких взлётов и падений. Ординарная ежедневная деятельность преподавателя. Сам процесс шёл, действительно, ординарно, но вёл его вовсе не ординарный человек.

В те годы Александр Фёдорович Тверецкий был одним из самых знающих генералов, разбирающихся в тонкостях устройства баллистических ракет, их применения, а также тактики и стратегии использования ракет по боевому назначению. Об этом говорили все выдающиеся отечественные конструкторы ракетно-космической техники: С.П. Королёв, В.П. Бармин, Л.А. Воскресенский, В.И. Кузнецов, Н.А. Пилюгин, М.С. Рязанский, В.П. Глушко, Б.Е. Черток....

Высоко ценили А.Ф. Тверецкого как военного человека, такие известные советские военачальники, как М.И. Неделин, А.И. Нестеренко, Л.М. Гайдуков, Ф.П. Тонких, Н.Д. Яковлев, В.И. Вознюк и др.

Уволен в запас генерал-майор А.Ф. Тверецкий был по болезни. Приказ МО СССР № 510 «з» от 16.9.1960 года.

Остаётся лишь сожалеть, что болезнь не позволила Александру Фёдоровичу подольше поработать в стенах прославленной Военной академии Генерального штаба ВС страны. Но он был первым в деле подготовки высших командных кадров для РВСН по вопросам боевого применения ракетно-ядерного оружия в современной войне.

Долгие годы он занимался большой общественной работой, отдаваясь полностью ей и семейным делам,

Александр Фёдорович полностью отдаётся этой работе и семье. Нужно с сожалением констатировать, что помочь жене было уже невозможно. Анна Константиновна, его любимая жена, ушла из жизни в 1957 году.

Теперь всё своё свободное время он уделял дочери Нине и внуку.

Очень много Александр Фёдорович уделяет внимания вопросам создания ветеранской организации ГМЧ. Его в первую очередь интересовали заботы и нужды друзей-товарищей фронтовиков и сослуживцев послевоенных лет, и они всегда отзывались о нём с теплотой и глубоким уважением.

Вот, например, что написал в своём приветственном адресе по случаю 75-летия А.Ф. Тверецкого Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор технических наук, профессор генерал-лейтенант Георгий Александрович Тюлин. Кстати, он был начальником штаба оперативной группы ГМЧ, которой командовал полковник А.Ф. Тверецкий (конец 1941 года):

«Дорогой Александр Фёдорович!

От души поздравляю Вас в день Вашего 75-летия, желаю доброго здоровья, бодрости, неизменного оптимизма, исполнения всех Ваших планов и замыслов.

Посылаю Вам снимок 1947 года, времён исторических событий, в которых Вы непосредственно участвовали.... Ну, а дальше пошли дела, далеко развившие технику, начатую нашими «катюшами»: летаем в космос, добрались до Луны, изучаем планеты, совершаем интернациональные эксперименты, в том числе, пилотируемые. Это всё от тех корней, которые дало оружие, сыгравшее столь примечательную роль в разгроме фашистов и обеспечении Победы.

Вы решали в те годы трудные годы важнейшие задачи на различных фронтах. Счастлив, что мне довелось помогать Вам в некоторых из них».
17 ноября 1979 года. Искренне Ваш /Г. Тюлин/

Вспомнили об Александре Фёдоровиче Тверецком в этот его радостный день и на Власихе, т.е. в штаб-квартире Ракетных войск стратегического назначения. Участник Великой Отечественной войны, Главнокомандующий РВСН генерал армии Владимир Фёдорович Толубко издал приказ следующего содержания:

П Р И К А З

№ 136

«15» ноября 1979 г.

О поощрении гвардии генерал-майора артиллерии ТВЕРЕЦКОГО А.Ф.

17 ноября 1979 года исполняется 75 лет со дня рождения генерал-майора артиллерии товарища Тверецкого Александра Фёдоровича.

Активный участник Великой Отечественной войны гвардии генерал-майор артиллерии ТВЕРЕЦКИЙ А.Ф. возглавил первую в Советской Армии ракетную часть, положившую начало РВСН.

Занимая различные командные должности в Ракетных войсках, гвардии генерал-майор артиллерии ТВЕРЕЦКИЙ А.Ф. внёс большой вклад в развитие и становление нового вида Вооружённых Сил СССР и подготовку для него высококвалифицированных кадров.

П Р И К А З Ы В А Ю:

За большие заслуги перед Ракетными войсками и в связи с 75-летием со дня рождения гвардии генерал-майора артиллерии ТВЕРЕЦКОМУ Александру Фёдоровичу ОБЪЯВИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ И НАГРАДИТЬ ЕГО ЦЕННЫМ ИМЕННЫМ ПОДАРКОМ РАДИОПРИЁМНИКОМ «СОКОЛ-40».

Пожелать Александру Фёдоровичу ТВЕРЕЦКОМУ крепкого здоровья, счастья в личной жизни и успехов во всех его делах.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РАКЕТНЫМИ ВОЙСКАМИ
ГЕНЕРАЛ АРМИИ

/В. Толубко/

И как во всех делах, за которые он брался, последовательно и целенаправленно доводил до успешного завершения. Он пишет письма своим сослуживцам, призывая их принимать участие в работе Совета ветеранов. Его приглашают на все торжественные мероприятия, но не во всех Александр Фёдорович принимал участие.

9 мая 1972 года. Ветераны ГМЧ. Москва, ЦДСА им. М.В. Фрунзе.
Во втором ряду, второй и третий слева – А.Ф. Тверецкий и Л.М. Гайдуков.

17.12.1979 г. 20 лет РВСН. В музее академии им. Ф.Э. Дзержинского.
Сидят 2-ой, 3-ий, 4-й слева: А.Ф. Тверецкий, М.Г. Григорьев, Г.Н. Малиновский.

9 мая 1977 года. Москва, Исторический музей СССР. У знамени 92 ГМП.
А.Ф. Тверецкий первый командир 2-ой дивизии ГМЧ, куда входил 92 ГМП,
сидит в центре.

1977 год. Встреча ветеранов ГМЧ
(справа: второй – А.Ф. Тверецкий, четвёртый – Л.М. Гайдуков).

А.Ф. Тверецкий (сидит в центре) с сослуживцами по БОН РВГК,
стоит (в форме полковника) – Г.В. Дядин.

9 мая 1982 года. Встреча ветеранов Великой Отечественной войны и БОН РВГК А.Ф. Тверецкий и Я.И. Трегуб.

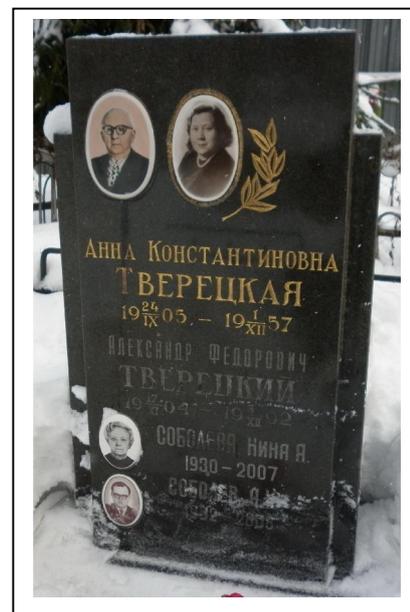
После своего 75-летия А.Ф. Тверецкий, когда он был отмечен приказом Главкома РВСН, прожил ещё 13 лет. Ничего особенного, выдающегося за эти годы не произошло. Ни в каких приказах его больше не отмечали. Он был в постоянных заботах о семье и о работе Совета ветеранов ГМЧ.

Что ни говорите, а годы почтенные, которые энтузиазма не придавали и болезнь его не забывала. Жизнь – штука серьёзная, которая у Александра Фёдоровича Тверецкого неумолимо приближалась к завершению.

Из жизни Александр Фёдорович Тверецкий ушёл под самый Новый 1993 год. Похоронен он в Москве, на Даниловском кладбище рядом с могилой жены, умершей от тяжёлой болезни в 1957 году. Здесь же впоследствии похоронили и его дочь Нину (2007 г.) и внука (2008 г.).

2578	УМЕР 23.12.1991	3688 11889
1. Фамилия, имя, отчество	ТВЕРЕЦКИЙ Александр Фёдорович А-024162	
2. Национальность	русский	
3. Место рождения	д. Муонино, Волоколамского р-на, Московской области	
4. Дата рождения	17 ноября 1904	
5. Место жительства	г. Москва	
6. Образование	Арт. школа - 1930	
7. Трудовая деятельность	Член КПСР с 1949, парт. билет № 01330472 Класс ВКП(б) с 1949, класс. карт. № ... Пробывал в других партиях Протекание болезни с 1977 по 1989 по 1.1.41. Умер от тяжелой болезни, приказ на похороны ...	
8. Участие в войнах	10. Участие в Отечественной войне с 10.9.41 по 9.5.45г. 11. Участие в гражданской войне и других боях ...	
9. Награды	12. Правительственные награды и даты награждения 20р.д. Знамя-42, 43г. Мед. За обор. Сталингр. Ор. Кутузова 2ст. - 43г. За победу над Герм. " Ордена 2ст. - 44г. " Ордена 2ст. - 44г. " Ордена 1ст. - 43г. " Ордена 2ст. - 44г.	
13. Указание на место захоронения	10.12.1991 д. 1162-191	

Последние записи в карточке послужного списка генерал-майора артиллерии А.Ф. Тверецкого

Н а ш и в ы в о д ы .

Гвардии генерал-майор артиллерии Александр Фёдорович Тверецкий – это, несомненно, выдающаяся личность, сыгравшая в истории нашего Отечества исключительно важную роль на новом ракетном поприще, обеспечившее национальную безопасность и проложившее дорогу в изучение и освоение космического пространства.

Эта личность заслуживает к себе намного большего внимания со стороны своих соотечественников, чем это было при жизни А.Ф. Тверецкого.

Прирождённая величайшая скромность не позволяла ему выпячивать себя, афишировать собственные заслуги, но умолчать и забыть их мы с вами не должны, не имеем права. История российского государства, Вооружённых Сил страны и Ракетных войск стратегического назначения многим обязаны этому замечательному человеку, его делам, служению Отечеству и в годы Великой Отечественной войны, и в мирное время.

Именно об этом нам хотелось сказать на страницах военно-исторического очерка «Первый ракетный комбриг» и хотя бы частично высветить яркую и значимую личность АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВИЧА ТВЕРЕЦКОГО.

Скромно закончил свой жизненный путь этот замечательный человек, не требовавший никогда к себе особого внимания. Это его человеческое качество никак, кроме, как со знаком «плюс», оценивать нельзя, но неизмеримо больший плюс получило наше государство от Александра Фёдоровича Тверецкого, ведь именно он стоял у истоков практического боевого применения баллистических ракет, а значит, и космонавтики.

Предавать забвению таких людей негоже.

Из жизни Александр Фёдорович Тверецкий ушёл тоже скромно. Случилось это под самый Новый 1993 год – 31 декабря 1992 года.

Его похоронили самые близкие соратники и родственники 3 января 1993 года на Даниловском кладбище, что находится в центре Москвы. Захоронен он рядом с могилой своей жены. Там же, в одной ограде, 2м на 2м позже были похоронены его дочь Нина (2007 г.) и внук (2008 г.). На одной маленькой памятной плите выбиты все их имена, и никто, глядя на неё никогда не поймёт, кто же такой **«А.Ф. ТВЕРЕЦКИЙ (1904-1992)»**?

Думаем, что у тех, кто прочитал наш военно-исторический очерк, теперь такого вопроса не возникнет.

Для РВСН он всегда жив! Тому подтверждением являются сами Ракетные войска, повседневно находящиеся на боевом дежурстве.

БЛАГОДАРНЫЕ ПОТОМКИ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РАКЕТЧИКА

В гвардейской Гомельской ракетной
Достойной памяти отцов
Служила также беззаветно
Плеяда внуков и сынов.

На знамени её бугрились
Пять орденов военных лет
И славой ТЕ её гордились,
Что ей частицей приходились,
Свой в жизни оставляя след.

Комбригом первым был Тверецкий,
Ракетный первый генерал,
В Тюрингии – земле немецкой
По воле Родины Советской
Бригаду он сформировал.

Капустин Яр, степное море,
Тиши неслышный перезвон,
И в эту тишь, её просторы,
Подальше от людского взора
Вошёл ракетный полигон.

И в эту тишь пришла бригада
Для покорения ракет.
Их главным словом было – «надо»,
И главная для них награда -
Оставить в жизни новый след.

Там эти люди начинали
Ракетный с небом диалог.
В победу верили, дерзали,
Ракетный меч наш создавали,
Чтоб нам грозить никто не мог.

Ракеты космос доставали,
Творили люди волшебство.
Ни сна, ни отдыха не знали,
Но чётко все осознавали,
За ними будет торжество!

Как быстро пролетело время,
Как много утекло воды,
Но ими брошенное семя,
(Какое это было племя!)
Дало прекрасные плоды.

Легли в историю страницы
Событий тех минувших дней
И надо, чтоб на тех страницах
Отражены все были лица
Тех замечательных людей!

П Р И Л О Ж Е Н И Я

В качестве приложений мы хотим здесь поместить собственноручные записи Александра Фёдоровича Тверецкого, сделанные им в конце 40-х, начале 60-х годов XX века. Эти записи посвящены тем знаменитым отечественным конструкторам ракетно-космической техники, с которыми ему совместно и плодотворно довелось работать длительное время на территории Германии в 1945-1947 годах, а затем, вплоть до 1953 года, на Государственном центральном ракетном полигоне Капустин Яр.

Заметки А.Ф. Тверецкого раскрывают не только личности выдающихся учёных, конструкторов, инженеров, но показывают и то дело, которым они воодушевлённо занимались. Все записи объективны, лаконичны, правдивы и дружелюбны. Это и понятно, т.к. с ними его связывала настоящая дружба, деловые, профессиональные взаимоотношения на производственных объектах и тёплое, искреннее общение в быту.

Так написать мог только человек, живший одними устремлениями вместе с конструкторами ракетно-космической техники, отлично разбирающийся во всех её нюансах, готовый всегда прийти на помощь и оказать необходимую поддержку, искать и находить выход из сложных ситуаций.

Впрочем, никакие предварительно-напутственные слова здесь и не нужны. Нужно лишь внимательно прочитать предлагаемые вам дневниковые записи Александра Фёдоровича Тверецкого, прекрасного человека, военного учёного, боевого советского генерала, без которого невозможно представить начальный путь зарождения и становления Ракетных войск стратегического назначения, и, естественно, развитие космической эры в Советском Союзе.

А.Ф. Тверецкий о выдающихся советских ракетных конструкторах. О Сергее Павловиче Королёве.

«В мае 1945 года была создана Советская техническая комиссия. Она приступила к работе на территории Германии (Земля Тюрингия) в первых числах июня. В состав комиссии вошли А.М. Исаев, Б.Е. Черток, В.П. Бармин, Ю.А. Победоносцев, М.С. Рязанский, Е.Я. Богуславский, Н.А. Пилюгин. Чуть позднее подключились В.П. Глушко и В.И. Кузнецов. В сентябре в Германию прибыл С.П. Королёв.

Беседа была короткой, но мне запомнились следующие высказывания Сергея Павловича: «Все клубки начинаются с ниточки» и «Тот не ведущий, кто не выделяется над ведомыми».

В большинстве случаев (и в жизни, и работе) Сергей Павлович был немногословен, даже молчалив, но обладал неповторимым секретом общения с теми людьми, которым он открывал сердце.

Военная форма ему очень шла. Держался он просто, но с достоинством. В технических вопросах разбирался превосходно.

Чёрный период репрессий, тюрьма, Колыма, Магадан сделали Сергея Павловича осторожным, он избегал суждений по острым вопросам, словно

боялся, что всё может повториться снова.

«Мы имели немало хороших заделов уже в конце 30-х годов. Люди? Они есть, – говорил он, вспоминая работу в РНИИ, – правда, тогда мы занимались лишь пороховыми двигателями, а не жидкостными».

Сергей Павлович считал, что конструкторское решение А-4 (ФАУ-2) – самой совершенной ракеты того времени – не может быть принято для перспективных разработок (делился своими мечтами о почтовой ракете и выходе в космос), о чём открыто заявил М.И. Неделину при проведении испытаний Р-2.

Королёв мечтал о своём ОКБ, о единении сил. Высокая инженерная зрелость и конструкторский талант давали ему право на это, однако тогда он был сильно ограничен в своих действиях.

В конце октября 1945 года в город Кусхакзен, где размещалась ракетная база англичан, в командировочную поездку направляется группа из пяти человек в составе: А.И. Соколов, В.П. Глушко, Г.А. Тюлин, С.П. Королёв, Ю.А. Победоносцев.

Вернувшись из Кусхафена, С.П. Королёв предложил повторить то, что сделали англичане, однако только в собственном варианте исполнения. (Кстати, у англичан на стартовой площадке работали немцы).

Всё, что требовалось для пробного пуска у нас было.

Вскоре появился приказ по Советской технической комиссии, в котором объявлялось создание группы «Выстрел». Её начальником назначается С.П. Королёв, а лётные испытания возглавил Л.А. Воскресенский, впоследствии он стал заместителем С.П. Королёва по испытаниям.

Запросили Москву, откуда ответили, что работы по подготовке к пускам ракет и сами пуски следует проводить на территории Советского Союза.

Возникла задача постройки спецпоезда, в составе которого было всё, начиная от вагонов с ракетами, до жилья для обслуживающего персонала и бытовых помещений. Руководил строительством спецпоезда Горюнов Степан Георгиевич.

В мае 1946 года из Москвы в Германию прибыла довольно серьёзная и ответственная комиссия, которая должна была проверить работу, проделанную Советской технической комиссией в Тюрингии в течение прошедших последних двенадцати месяцев. Эту комиссию возглавляли Д.Ф. Устинов и Н.Д. Яковлев. В составе комиссии были представители десяти союзных Министерств. Она, как говорится, на месте приняла ряд важных решений. В частности было приказано создать общее ОКБ и приступить к формированию БОН РВГК.

**С.П. Королёв, Л.А. Воскресенский,
В.К. Шитов в Пенемюнде,
(сентябрь 1946 г.).**

Эти решения датируются 9 августа 1946 года. Главным конструктором ОКБ был назначен Сергей Павлович Королёв. Командиром бригады особого назначения резерва Верховного главнокомандования назначили меня.

Назначение Главным конструктором ОКБ Сергея Павловича Королёва было абсолютно закономерно: крупнейший инженер в области ракетной техники, с широким горизонтом, глубоким пониманием проблемы, энергичный, волевой, умеющий сплотить и организовать людей на серьёзную работу.

Пуски ракет, проведённые на территории Советского Союза (ракетный полигон Капустин Яр) в октябре-ноябре 1947 года подтвердили это.

После первых пусков немецких ракет А-4 (ФАУ-2) Сергея Павловича Королёва пригласили в Кремль на беседу. Он доложил о проделанной работе и рассказал о задуманной им ракете Р-2. В процессе беседы Королёв обратил внимание на неправильное количество ракет Р-1, заложенных на хранение.

Сталин дал Сергею Павловичу право как Главному конструктору самому определять это количество, делая при этом, предложения Министерству обороны.

Работали мы тогда исключительно напряжённо. Память хранит то время. Испытания ракет проводились и днём, и ночью, зимой и летом. Трудно передать то огромное напряжение физических и моральных сил, которое отдавал этому делу каждый участник испытаний.

Разборы пусков проводил Сергей Павлович лично. Первые объяснения неудачных пусков Королёв, обычно, отвергал сразу. Вторые слушал терпеливо, но морщился и качал головой. Нет, он не был упрям в своих решениях. Он умел слушать людей. Ему были лишь присущи необыкновенная настойчивость и неукротимая энергия.

Сергей Павлович был крут, горяч, нетерпим к волоките, но отходчив и добр. Впрочем, из многих и многих, с кем довелось Сергею Павловичу Королёву встречаться и работать в те годы, я вряд ли смогу назвать кого-либо жестоким и злым. И не потому, что вроде бы мне неловко перед своими соратниками. Просто такова справедливость.

Вот несколько примеров из бесед Королёва со своими подчинёнными:

— Ведущий инженер: «Простите, Сергей Павлович, но всё идёт по графику».

— По графику ходят поезда, - отрезал Королёв, — у нас не должно быть ни одного лишнего человека, ни одного лишнего движения, ни одной лишней детали — вот наше правило, которое должно быть незыблемым.

Бывало и такое, что обнаруженный дефект вдруг сам исчезал. По этому поводу Королёв говорил:

— Железное правило на все времена — понять, исправить, исключить саму возможность повторения.

С Сергеем Павловичем Королёвым меня связывала продолжительная (семь лет) совместная работа на полигоне Капустин Яр. Вместе трудились мы и в Германии (два года). Кроме того, мы дружили и семьями. Всё это, думаю, даёт мне право высказываться легко, смело и абсолютно честно.

Без всяких натяжек с моей стороны, человек он был незаурядный, очень

деятельный, исключительной конструкторской смелости. Он умел, как никто другой, через призму сегодняшнего дня чётко видеть перспективы развития космонавтики, её далёкое будущее. Причём не просто видеть, но и приближать его своим трудом, своей неуёмностью, своей мечтой.

Он искренне высказывал свои мысли и мечтал о полёте в космос. Ему хотелось лично опробовать создаваемую им технику, ощутить невесомость, пережить то необычное состояние, увидеть те необычные краски, о которых рассказывали космонавты. Ему страстно хотелось узнать, проверить на себе лаконичные фразы из докладов космонавтов из космоса: «Корабль послушен», «перезгрузки терпимы», «работать можно».

Будущее его очень волновало. Из разговора с Н.А. Пилюгиным:

— Нам нужно уже сегодня обговаривать то, что начнём делать через десять и даже через двадцать лет, – рассуждал Королёв, – иначе нас обгонят.

— Ты прав, Сергей, – соглашался Пилюгин, – необходимо заставлять думать ВСЕХ. Не приученный к работе мозг спит.

— Больше общений и дискуссий, – продолжал Королёв, – ты очень верно подметил, Николай, что общение тренирует мысль, приучает искать истину. Дефицит общения замыкает мысль на себя, а это путь в тупик.

Вот что на эту же тему говорил Владимир Павлович Бармин, близкий друг и соратник С.П. Королёва, конструктор стартового оборудования:

— Королёв умел ставить задачи, но и сам искал пути их решения. С ним было трудно работать. Трудно, но интересно. Мы шли своей дорогой, прокладывая её там, где раньше никогда не было никакого пути.

Что делает настоящего конструктора? Мечта? Это бесспорно, однако одной мечты мало. Нужны воля, талант, труд. Без мечты творить нельзя. И всё-таки главное, пожалуй – любовь к своей работе. Любовь искренняя и беззаветная.

Такой любви и у Королёва, и у Пилюгина, и у Бармина было в избытке.

Работать с Королёвым было, действительно, трудно. Так говорят все, кому пришлось быть с ним вместе на лётных испытаниях, быть рядом с ним в лабораториях, на стартовых площадках, на заседаниях и совещаниях. Он не терпел пустословия. На все свои вопросы требовал аргументированных и чётких ответов. Не любил слов «Предположительно, кажется, возможно». Ценил своё время и время других. Всё это заставляло работавших с ним находиться в постоянном напряжении, собранными, готовыми в любой момент быть вызванными «на ковёр к Главному».

Королёв считал необходимым лично следить за ходом узловых этапов работ на технических и стартовых позициях. Усталость давала себя знать. Частенько приходилось глотать валидол, но делал это Сергей Павлович так, чтобы никто этого и не замечал.

Он «прессовал» время и раздражался, когда его не хватало. Уходя с рабочего места отдохнуть, Королёв говорил: «Если что, звоните. Телефон находится рядом с моей постелью». И повторял настойчиво, со свойственным ему упорством: «Звоните. Деликатности не нужны».

Порой восхищённо удивлялся, говоря: «Королёв в рубашке родился», – столь невероятным казался успех задуманных им же своих экспериментов.

Выслушав все «ЗА» и «ПРОТИВ», он старался глубоко вникнуть, понять всё принципиальное и умел во всей полноте оценить ситуацию, проиграть все штатные и нештатные варианты, представить возможные последствия и с сознанием личной ответственности принять окончательное решение.

Королёв умел видеть далеко. Смело заглядывал не только в завтрашний день космонавтики, но хорошо представлял её облик через многие годы.

Не боюсь скатиться на трафаретные фразы, но Сергей Павлович – это преданность делу, необычайный талант учёного и конструктора, горячая вера в свои идеи, кипучая энергия и выдающиеся способности организатора. Он обладал громадным даром и смелостью научного предвидения, а это способствовало претворению в жизнь сложнейших технических замыслов.

Сам Королёв любил повторять две народные мудрости:

– **Качественной работы авторитет – два века привет.**

– **Труд, а не рассуждения о нём, труд на благо Родины является самым испытанным критерием сознательности человека.**

В этом смысле Сергей Павлович Королёв являлся примером для каждого своего сослуживца, коллеги. Он работал неистово, самозабвенно, одержимо. Все его подчинённые не уставали удивляться: «Откуда и силы берутся?»

Наступали, правда, минуты усталости. Бывали спады и у него. В эти моменты он философствовал, спорил сам с собой, задумывался, со вздохом говорил: «У каждого свой путь, и нельзя пройти чужую жизнь».

Познакомил меня с Юрием Гагариным, а в одной из частных бесед, случилось это на похоронах Л.А. Воскресенского, сказал, что семейной жизни у него так и не получилось, и продолжил: «Многие страдают оттого, что не нашли себя в этой жизни. Занялись не тем и не тогда, а исправлять уже поздно, начинать заново – тем более».

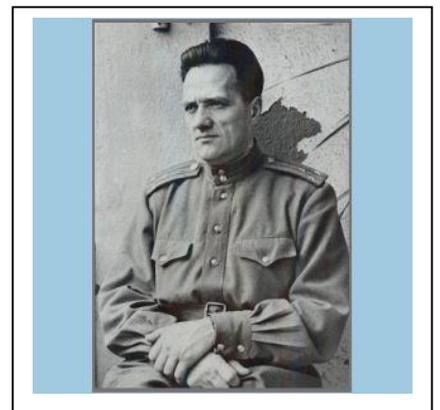
Что касается самого С.П. Королёва, то он, вне всяких сомнений, угадал своё предназначение. Ко всему прочему, Сергей Павлович с кажущейся внешней лёгкостью мог выходить за границы человеческих возможностей».

О Николае Алексеевиче Пилюгине. (Главный конструктор автономных систем управления баллистических ракет в полёте).

«Он был очень увлечённый человек. Ему были присущи необыкновенная техническая интуиция и чувство нового. Он был исключительно аккуратным и собранным человеком.

Родился Николай Алексеевич Пилюгин в 1908 году в знаменитом Красном Селе, под Ленинградом.

Главный принцип каждого талантливого конструктора заложен в замысле о далях. Есть дали близкие и дали вечные. Одним сомнения мешают, других они ведут вперёд. Это надо вовремя заметить. Николая Алексеевича Пилюгина сомнения всегда двигали вперёд».

Полковник Николай Алексеевич Пилюгин
(Германия, 1946 год)

О Владимире Павловиче Бармине. (Главный конструктор стартовых комплексов для баллистических ракет дальнего действия).

«На восьмой день войны главного конструктора завода «Компрессор» Владимира Павловича Бармина вызвали в наркомат вооружения. В кабинете наркома И.П. Паршина находились работник ЦК партии Л.М. Гайдуков и инженер А.Г. Костиков. Бармину показали чертежи созданной в РНИИ ракетной самоходной 16-зарядной пусковой установки БМ-13, предложив разработать документацию для их серийного производства.

На той короткой встрече было объявлено, что Костиков назначается главным конструктором, а Бармин – его заместителем. Уже через месяц они не сработались. И причина была вовсе не в технических разногласиях, хотя таковые наметились. Дело состояло в том, что один плёл интриги, распускал разные слухи, другой защищал честных людей и жаждал настоящей работы, убедительно доказывал, что опытный образец и серийное производство – этапы несравнимые.

Их «развели». Бармина назначили главным конструктором того же СКБ.

Послевоенный период – производство стартовых столов для первых ракет дальнего действия Р-1, Р-2, Р-5. Создание стартового комплекса для знаменитой королёвской «семёрки» – Р-7, впервые пролетевшей в 1957 году 6500 км от Байконура до Камчатки.

В.П. Бармин был включён в состав Совета Главных конструкторов под руководством Сергея Павловича Королёва, где, как говорится, пришёлся ко двору. Созданная Королёвым атмосфера работы в своём КБ не оставляла времени на обиды и недомолвки. Самозабвенная и честная работа – превыше всего. Это Владимира Павловича Бармина устраивало на все 100%. В трудовом энтузиазме, порыве он, пожалуй, не уступал самому Королёву».

Полковник Владимир Павлович Бармин
(Германия, 1946 г.)

О Михаиле Сергеевиче Рязанском. (Главный конструктор систем радиоуправления ракет).

«Главный конструктор должен уметь планировать результаты будущих исследований и прогнозировать их выход. Это, к сожалению, не всегда и не всем удаётся.

А ещё он говорил, что любит оставаться наедине со своими мыслями. «Просто так, один со своими мыслями. О чём-то помечтать, например, о полёте человека в космос. В этом вопросе Михаил Сергеевич Рязанский целиком был на стороне Королёва. Он говорил: «Полёт человека в космос – это не чудо, это и мечта, и вера в неё».

О Викторе Ивановиче Кузнецове. (Главный конструктор систем инерциальной навигации и автономного управления).

«В чёрный понедельник 24 октября 1960 года на космодроме Байконур случилась страшная трагедия, взорвалась ракета на старте. Погибли десятки специалистов.»

Хрущёв назначил Брежнева ответственным за расследование ЧП, а по телефону сообщил, что председателем технической комиссии назначается Виктор Иванович Кузнецов.

Трое суток он не сомкнул глаз. Они прошли в бесконечных проверках, спорах и согласованиях.

Брежнев не вникал в детали ситуации. Он сидел в пижаме в своём номере гостиницы и постоянно требовал, подгоняя Кузнецова: «Москва ждёт итогового заключения. Не копайтесь в деталях. Требуется несколько общих положений, и ничего больше».

Брежнев легко подхватывал случайные версии и предлагал включить их в итоговые выводы комиссии. Он терзал невинных и назойливо повторял: «Скорее, скорее».

Для Кузнецова настали дни прозрения. Тогда он с ужасом увидел, что высокопоставленные лица могут лгать, льстить, заискивать, угрожать и хитрить.

Виктор Иванович не любит вспоминать байконурскую трагедию.

Более приятно было вспоминать 20-е, 30-е, 40-е годы и послевоенное время, хотя там было много очень трудного, даже кровавого.

Оглядываясь на прошлое, он вправе сказать, что от бед и трудностей не бегал, был строг к себе, не искал лёгких удач.

Виктор Иванович Кузнецов часто вспоминал дни многолетней давности, и наши долгие беседы с Сергеем Павловичем Королёвым. Он уже тогда, я веду речь об августе 1945 года, видел будущее ракетно-космической техники. У него было удивительное умение сравнивать, обобщать и критически осмысливать любую информацию. Такой человек не будет лгать ни себе, ни кому-то другому».

Справа налево:
**В.И. Кузнецов, С.П. Королёв,
В.П. Бармин, М.С. Рязанский,
В.П. Глушко.**
(Капустин Яр, 18.10.1947 г.).

Ксерокопии документов, написанных рукой А.Ф. Тверецкого

ПРИЛОЖЕНИЕ - 2
(О первой встрече с
Сергеем Павловичем Королёвым)

В последних числах декабря 1945 года, А. М. Гайдарков
познакомил меня с конструктором ракетной техники
^{подполковником} Сергеем Павловичем Королёвым, прибывшим из института
"Вордхисхаузен" ГСОВ в Германию, где он руководит
группой "Выстрел" - основной группой, ^{ближайшей} ~~целевой~~
которой является подготовка немецких ракет
ФАУ-2 (А-4)

Перевод горючего, тротила и ^{новое} ~~материала~~ для ракет ^{Германия}
~~наши~~ ^{наши} ~~испытания~~ ^{испытания} в ~~лаборатории~~ ^{лаборатории} ракет ^{А-4} ~~наземного~~
оборудования. Пожмут в ~~переход~~ ^{переход} ~~вместе~~ ^{вместе} до М. К. Микояна
и других. Они и помогли мне ~~отделаться~~ ^{отдела} от этого

А институт БОН-А отклонил ~~разработку~~ ^{разработку}
проекта ~~на~~ ^{на} ~~этом~~ ^{этом} ~~этапе~~ ^{этапе}.

Тогда ~~предполагалась~~ ^{предполагалась} ~~ограниченная~~ ^{ограниченная} ~~подготовка~~ ^{подготовка}
Красной Армии. 25 декабря с комиссией
Деттнера уехали в Берлин

№ 9447
Музей

Через С.Б. Королькова

С.Б. прибыл в Москву с такой частотой своей деятельности где проводятся работы по непосредственной ~~работе~~ изучению нашей программы ракеты РДМ-2 (А-4) Там же в таком же виде когда побывали в Нордхаузене смирительской и анклава не оставили по одной целой ракета на ^{сборочном} заводе Металлтурк. Это группа "Восстание" руководимой С.Б. Корольковым ~~и~~ преходило с помощью местных коммунистов и... содействии из захоронения или др. на по шавья и др. работ по отделевого строениям (двигатели, бакки, трубопроводы, ^{получилась даже} первичная бакки, приборные отсеки и само прибора, различные виды, соединительных шлангов, кабели оборот.) А затем приехал к семье завод Верк-3 пригородный СБ в сборочный завод. (Курган)

Мы имели возможность изложить друг другу свои биографические данные и свои соображения до войны и в период Восточной Германии. Наши контакты как-то непосредственно привели нас к общему оборонному плану друзей. Когда в будущем вырвались из неволи. Особенно это же способствовало знакомству семьи с его и лесом оторочку. Когда близкого ^{сметенной} советской работы продолжалась всего 2,5 месяца.

Мне очень хотелось увидеть команду - Скоро действующую на ^{новой} кораблях ракетного вооружения. Война война (ВОВ)
 В новом виде реактивной вооружения. Командовал бригадой и движением, которые были вооружены боевыми единицами БМ-13, БМ-31 и БМ-31-12. Был начальником

Своей убедительностью доказательством тех или иных выводов
 Он все же собой коллективы людей

доброс, доброты и любви.

О СТ
Встреча отличилась хорошей атмосферой,
открытостью, доверием, стремлением понять
позиции друг друга. Найди проявленность
в работе после Н.Н. Кузнецова.

Решения и наметки
дальнейшей работы

Проблемы деятельности сотрудничества,
стремление укрепить наши отношения
на базе сотрудничества по подготовке
7 ракет СР-4-2 (А-У) для пуска из
нашей территории. Установить новые
подходы интересов в подготовке старто-
вых команд и технической помощи
отдельно по выводу ^{букета} стартов этих
ракет в России. Выяснить сборку
и пуск ракет на нашей территории.
Подготовить бригады для участия пуска рак.

О Лене Воскресенской в Блейкереде. Конфликт с СТ
"Золн"

Она же по 2-ой публичке. Об чатах в мессенджерах.

№ 9447
Музей

Из моей автобиографии

1 июня 1946 года по распоряжению маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, приказом командующего группой Советских оккупационных войск в Германии допущен к исполнению должности командира БОН РВА.^{*)} Утвержден в этой должности приказом Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова №01250 от 2 октября 1947 года. В занимаемой должности находился до 10 января 1949 года. С 15 февраля 1949 года вступил в должность начальника 1 Управления ГЦП МВС СССР.

В ЮОВ в Германии с 25 февраля 1946 по 15 августа 1947 года.

Возмездно с 26.12.1946 до половины мая 1946 года Институт "Хорхаузен" "Советской технической комиссии" (Закрyto-дикая организация без штата и печати). Этот институт, состоящий из нескольких групп наших конструкторов и инженеров 10-министерств СССР которые работали в ^{различных} областях ракетной техники. Расположен институт в г. Бейхерде в 20 км от г. Хорхаузен.

*) Мне было предложено для занятия и работы на ней Циркова-директива Генштаба (Цржикова)

Об учебных заведениях, которые окончил А.Ф. Тверецкий

Ярополецкая школа II ступени

Основана в 1918 г.

Располагалась в здании бывш. имени Гончаровых. Последней жительницей и владелицей его была Елена Борисовна Гончарова. До Октябрьской революции - она была попечительницей Мужинской земской школы. После Великой Октябрьской революции проживала в восточном крыле бывш. дома в имени со своей родственницей (обе были уже в старческом возрасте)

Я окончила школу II ступени в 1922 году. Она продолжала существовать и действовать и позже. Общежитие учащихся в школе вначале располагалось в здании бывш. практика Темерикова, т.е. в центре Яропольца. Позже расположилось в ормальных домах - имени (мужские и женские). Здание шед. практика Темерикова было перестроено и отдано в Народный дом со сценкой внутри его, где ставились спектакли силами Культурно-просветительного кружка.

Преподаватели школы 1918 - 1922 г.г.

Русецкий Александр Фролович	- директор шк. Литература, Рус. язык
Колмогоров Макар Сергеевич	- математика, география
Ташковский Сергей Ильич	- история (член РКП(б))
Вернандер Мариз Карловна	- немецкий и французский языки (бывш. жена великого начальника - мать покинула ее с 2-м довершим)
Бучра Мариз Викентьевна	- рисование и черчение
Казанский Анд-р Павлович	- психология, логика
Казанская Мариз Николаевна	- музыка
Гусаров Петр Васильевич	- физкультура (член РКП(б))
Петр Николаевич	- электротехника, физд.
	- ветеринария

1 января 1919 года секретарем уездного комитета (школы) комсомола в Ярополецкой школе II ступени была организована комсомольская ячейка РКП(б) из 6 учащихся. В нее вступили: Шевяков Л., Либерецкий А., Ежова А. П.,

ПРИЛОЖЕНИЕ - 5
(Московский строительный
техникум)

Московский строительный техникум.
повышенного типа.
(1923 - 1926 гг.)

Малый Харитоновский пер. д. 5

Техникум располагался в бывшем Московском епархиальном училище в котором учился и окончил его мой дядя Александр Александрович Крылов (до эмиграции).
Теперь это здание в

После окончания школы Пестуки в селе Ярогольце
в техникуме нас обучали трое

Ливеревский Александр Федорович - архитектурный фр-т

Петрушов Николай Герасимович - тоже

Соловьев Георгий Иванович - гидротехнический фр-т.

Жили мы все в общежитии Московского епархиального техникума на 2-ой Мещанской улице д. №... в комнате № 9. В этой комнате проживало нас 9 человек:

Соловьев Владимир Иванович (Георгий)

Московск. обл.

Ливеревский Александр Федорович

Московск. обл.

Алгачев Петр

Тверск. обл.

Савчикин Казимир

Саратовск. обл.

Макаров Иван

Тверская обл.

Петрушов Николай Герасимович

Московск. обл.

Тимофеев Михаил Валентинович

Тверской обл.

Сорокин Николай

Московск. обл.

Пилин

Орловской обл.

ПРИЛОЖЕНИЕ - 6
(1-я ЛАШ им «Красного Октября»)

1-я Ленинградская артиллерийская школа имени
Красного Октября. Международный проспект 17.
2-я батарея, через год 2-я конная батарея
(1926 - 1930 г.).

Начальник школы	Федотов
Комиссар —	Езергайн
Командир дивизиона	Филатов
Командир батареи	Беляев
Полкаибатр	Белов, Стержабинский
Курская ст. класса	Стержабинский, Карпичко Ф.Ф.
Курской сред. класса	Карпичко Ф.Ф.
Курской мл. класса	Антропов
Курской подг. класса	Дегтярев М.И.
Старшина батареи	Хрылов П.В., Антипов
Полкаивзвода ст. класса	Мейер
Полкаивзвода ср. класса	Войничковский
Полкаивзвода мл. класса	Малинин
Полкаивзвода подгот. класса	Гарасенко
Старшина конюшни	Албин
Наездник школы	Ершов Виктор
Говар школы	Кучинин
	дядя Андрей

Старшины батареи и конюшни 2-ой конной батареи

Мейер	Ершов Виктор 1926-1927 г.
.....	Казин 1927-1928 г.
Стеганцев	Сакович Франц, Як. 1928-1929 г.
Сергеев В.Д	Малахов Ник. Фед. 1929-1930 г.

Учебная часть и преподаватели школы

Начальник учебной части	Радзиевский
Математика	Новиков, Преображенский
Физика	Малинин
Химия	Дорозеев его ассистент Василий Петрович

Русский язык
География
Артиллерия
Теория стрельбы
Тактика
История партии
Политэкономика
Политработа
Физкультура

Н.С. Митягин, Яковлев
П.В. Левшин, Ключарев
Блинов
Василевич
Боровков, Герарди
Идемант
Идеман, Езерный
Некрасов, Ковалевский

1-я ЛАШ была одноклассовного состава из 4-х батарей
1-я батарея - командирская. В ней обучались командиры взводов - учатники гражданской войны.
2-я конная батарея. Готовила командиров взводов (огневых и управления) для конно-артиллерийских дивизионов (конартивов) кавалерийских дивизий
3-я и 4-я батареи готовили командиров взводов управления и огневых для батарей артиллерии кав. конной тяге.
Материальная часть: 76 мм пушки и 122 мм гаубицы

Начальник медицинско-санитарной части школы
был ст.врач - Тегелло.

ПРИЛОЖЕНИЕ - 7
(Артиллерийская академия
имени Ф.Э. Дзержинского)

Артиллерийская Академия им. Ф.Э. Дзержинского
г. Ленинград.
(сентябрь 1933г. - сентябрь 1938года)

В 1933 году начальником академии был Тризна,
комиссаром Академии - Тенин.
Начальником 1-го факультета (командного) - Кутлов-Тубецкий
Комиссаром — — — — —
Начальником курса - Березин Петр Васильевич

На третий год обучения командный факультет
был преобразован в инженерно-командный факуль-
тет с 5-ти летним сроком обучения.
Факультетом командовал Л.И. Трохорев

В 1938 году, когда закончилось порохов, директивой
сверху было принято решение выпустить не
инженеров-командиров, а командиров. Защиту
диплома заменить государственными экзаменами.
Была усилена подготовка по тактике и стратегии
и изучению новых видов вооружений Красной Армии.
Начальником Академии был назначен комдив
Сивков Аркадий Кузьмич, комиссаром - полковой
комиссар Гуров.

Выпуск 1938 года. Инженерно-командный ф-т.

1. полковник Судогоаров Иван
2. капитан Митюшин Владимир Гаврилович
3. капитан Бирюков Николай Борисович
4. капитан Харчук Иван Николаевич
5. капитан Храмельников Алексей Васильевич
6. майор Петр Александрович

7. капитан Шухардин Ростислав Константинович
8. капитан Беченкин Федор Федорович
9. майор Турогов Николай Александрович
10. Майор Гаркуша Д. Ф.
11. ст. лейтенант Василенко Иван Иванович
12. майор Галецкий Леонид А.
13. майор Штади В. К.
14. капитан Гайдучков Семен Иванович
15. майор Гродзинский А. А.
16. майор Тарасов Николай Васильевич
17. майор Гранник Н. С.
18. майор Мухавцев Аркадий Ильич
19. майор Капсанов Алексей Гаврилович
20. майор Воробьев Дмитрий Захарович
21. майор Тюпиленко А. С.
22. капитан Петрушкин Степан Говрилович
23. капитан Чулешов Павел Николаевич
24. капитан Колесников Сергей Т.
25. майор Жовиков Василий Павлович
26. майор Соколовский Николай Васильевич

27. майор Михайлов Сергей Иванович
28. капитан Турнев Василий Васильевич
29. майор Тискунов Дмитрий
30. капитан Войцеховский Владимир Михайлович
31. капитан Яскин Б И
32. капитан Травкин Алексей Павлович
33. майор Марчлис Фачи Самойлович
34. капитан Иванов Александр Иванович
35. капитан Хургаев Иван Тимофеевич
36. капитан Фетисов Арнахий Ермолаевич
37. майор Кошкин Павел Гаврилович
38. капитан Рошницкий Николай Александрович
39. капитан Висоцкий Борис Арсентьевич
40. капитан Старченко Филипп Михайлович
41. капитан Твверецкий Александр Федорович
42. капитан Зайцев Иван Дмитриевич
43. майор Герасимов С И
44. капитан Тисаренко Николай Тимофеевич

ПРИЛОЖЕНИЕ – 8
(Общая фотография первого
выпуска инженерно-командного
факультета академии имени
Ф.Э. Дзержинского 1938 года)

А.Ф. Тверецкий – 2-ой ряд снизу, крайний справа.

**СПИСОК ЛИЦ, УПОМИНАВШИХСЯ В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ
ОЧЕРКЕ «ПЕРВЫЙ РАКЕТНЫЙ КОМБРИГ».**
(В алфавитном порядке)

- Аборенков В.В.** – командующий ГМЧ (1941-1943), генерал-майор;
- Андрюков В.И.** – командир 80-ой инженерной бригады РВГК (1957-1959), полковник;
- Апрелкин И.А.** – командир 2-ой тяжёлой гвардейских миномётов («катюши») (1942-1943), полковник;
- Бармин В.П.** – главный инженер Московского завода «Компрессор» (1939-1942), главный конструктор стартового оборудования для баллистических ракет дальнего действия;
- Белов** – командир 2-ой батареи 1-ой Ленинградской артиллерийской школы в 1926-1930 годах;
- Березин** – начальник курса академии им. Ф.Э. Дзержинского (1933-1936);
- Берия Л.П.** – Председатель специального комитета при ГКО СНК СМ СССР (1938-1953);
- Бескин Н.С.** – командующий артиллерией 65-ой армии Донского фронта (1942), генерал-майор;
- Бирюков В.С.** – выпускник 1957 года Ростовского высшего инженерного артиллерийского училища, генерал-майор;
- Богуславский Е.Я.** – сотрудник института, «РАВЕ» (1946-1947), впоследствии разработчик КА для изучения поверхности Луны;
- Бойчук Е.В.** – командир 77-ой инженерной бригады особого назначения РВГК (1957-1960), Герой Социалистического Труда, начальник Камышинского среднего ракетного училища (1955-1957), маршал артиллерии;
- Боровиков** – преподаватель тактики 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Бородунов Е.С.** – выпускник 1958 года Ростовского высшего инженерного артиллерийского училища, генерал-майор;
- Браун В. фон.** – выдающийся немецкий конструктор баллистических ракет (1912-1976);
- Брежнев Л.И.** – Глава Советского государства (1964-1985), Председатель Государственной комиссии, расследовавшей причины трагедии на космодроме Байконур, случившейся 24 октября 1960 года;

Будник В.С. – сотрудник группы «Верк-3», впоследствии конструктор ракетных комплексов, заместитель М.К. Янгеля, Герой Социалистического Труда;

Булганин Н.А. – советский государственный деятель, председатель особого комитета ГКО (1944), Министр обороны СССР (1953-1955);

Бурса М.В. – преподаватель черчения и рисования в Ярополецкой школе (1918-1922);

Буценко В.Д. – командир дивизиона 2-ой тяжёлой гвардейской миномётной Дивизии (1942-1945), подполковник;

Вайнерт Э. – немецкий писатель (1890-1953);

Ванников Б.Л. – советский государственный деятель, трижды Герой Социалистического Труда, нарком боеприпасов (1942-1946);

Василевич – преподаватель теории стрельбы в 1-ой Ленинградской Артиллерийской школе (1926-1930);

Вахитов Ф.И. – начальник трофейного управления (1945-1947), генерал-лейтенант;

Вернандер М.К. – преподаватель немецкого и французского языков в Ярополецкой школе (1918-1922);

Ветошкин С.Н. – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с ГЦП Капустин Яр, представитель министерства вооружений;

Виноградов В.И. – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с ГЦП Капустин Яр, представитель МО;

Власов И.Е. – выпускник 1964 года Высшего инженерного артиллерийского училища им. М.И. Неделина, КТН, полковник;

Внуков – заместитель по технической части командира 7-ой Самарской дивизии (1930-1934);

Вознесенский Н.А. – советский военный и государственный деятель, председатель Госплана СССР (1938-1946), член ГКО (1942-1945);

Вознюк В.И. – начальник 4 ГЦП (1946-1973), Герой Социалистического Труда, генерал-полковник;

Воробьёв М.П. – советский военачальник, начальник инженерных войск Советской Армии (1942-1952), маршал инженерных войск;

Воробьёв М.П. – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с 4 ГЦП г., представитель Министерства ВС СССР;

Воронцов Н.И. – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с 4 ГЦП 18.10.1947 гю, представитель Министерства связи СССР;

Ворошилов К.Е. – советский государственный и военный деятель, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза;

Воскресенский Л.А. – (1913-1965) советский специалист в области ракетно-космической техники, профессор МАИ;

ВЫПУСКНИКИ ИНЖЕНЕРНО-КОМАНДНОГО ФАКУЛЬТЕТА АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ АКАДЕМИИ им. ДЗЕРЖИНСКОГО 1938 года

Бирюков Н.Е. – капитан;

Василенко И.И. – старший лейтенант;

Войцеховский В.М. – капитан;

Воробьёв Д.З. – майор;

Высоцкий Б.А. – капитан;

Гайдуков С.И. – капитан;

Галецкий – Л.А. – майор;

Гаркуша Д.Ф. – майор;

Герасимов С.Н. – майор;

Гранник Н.С. – майор;

Гродзинский А.А. – майор;

Гурьев В.В. – капитан;

Зайцев И.Д. – капитан;

Иванов А.И. – капитан;

Катасонов А.Г. – майор;

Колесников С.Г. – капитан;

Кошин П.Г. – майор;

Красильников А.В. – капитан;

Кулешов П.Н. – капитан;

Курчавый И.Т. – капитан;

Маргулис Н.С. – майор;

Митюшин В.Г. – капитан;

Михайлов С.И. – майор;

Муравьёв А.И. – майор;

Новиков В.П. – майор;

Петрушкин С.Г. – капитан;

Печёнкин Ф.Ф. – капитан;

Пирогов Н.А. – майор;

Писаренко Н.Т. – капитан;

Пискунов Д. – майор;

Попиленко А.С. – майор;
Рошинский Н.А. – капитан;
Сокольский Н.В. – майор;
Старченко Ф.М. – капитан;
Сулопаров И. – полковник;
Тарасов Н.В. – майор;
Травкин А.П. – капитан;
Фетисов А.Е. – капитан;
Харук И.Н. – капитан;
Шпади В.К. – майор;
Шухардин Р.К. – капитан;
Яськин П.И. – капитан;

**ВЫПУСКНИКИ РОСТОВСКОГО ВЫСШЕГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА 1955-1959 годов,
СТАВШИЕ ГЕНЕРАЛАМИ:**

Балихин В.Е. – генерал-майор;
Гвоздев В.В. – генерал-майор;
Донченко Ю.М. – генерал-майор;
Желтаков В.А. – генерал-майор;
Кокин А.А. – генерал-майор;
Костев В.Г. – генерал-лейтенант;
Крупенин Б.И. – генерал-лейтенант;
Петров В.Г. – генерал-майор;
Проклов Ю.А. – генерал-майор;
Савчук В.М. – генерал-майор;
Тимошенко М.М. – генерал-майор;
Ткаченко В.М. – генерал-майор;

Гагарин Ю.А. – космонавт СССР, совершивший 12.4.1961 года первый в мире космический полёт;

Гайдуков Л.М. – член Военного Совета ГМЧ (1941-1943), директор института «Нордхаузен» (1946-1947), генерал-лейтенант;

Гарбуз Л.С. – командир 54 БОН РВГК (1952-1955), генерал-майор;

Гегелло – старший врач, начальник медицинско-санитарной части 1-ой ЛАШ (1926-1930);

Генин – комиссар академии им. Ф.Э. Дзержинского (1933-1935);

Герарди – преподаватель тактики 1-ой ЛАШ (1926-1930);

Герчик К.В. – командир 80-ой инженерной бригады РВГК (1955-1957), затем командующий ракетной армии, генерал-полковник;

- Глушко В.П.** – советский учёный, основоположник жидкостного ракетного двигателестроения, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий;
- Голованов Я.К.** – советский журналист и писатель, автор нескольких книг о С.П. Королёве;
- Гонор Л.Р.** – директор завода «Большевик» (1942-1946), директор НИИ-88 (ЦНИИ МАШ) – 1946-1950, директор Красноярского артиллерийского завода (1950-1953);
- Горбунов И.И.** – выпускник Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, полковник;
- Горемыкин П.И.** – Министр сельскохозяйственного машиностроения (1945-1949);
- Горюнов С.Г.** – руководитель строительства спецпоезда в Германии (1946-1947);
- Гражданкин В.И.** – командир 1-ой тяжёлой гвардейской миномётной дивизии (1941-1943);
- Григорьев М.Г.** – командир 23-ей БОН РВГК (1950-1954), первый заместитель Главкома РВСН (1968-1981), генерал-полковник, (в годы Великой Отечественной войны – командир бригады ГМЧ);
- Грунау А.А.** – директор Первой Московской гимназии (1914-1917);
- Гуменюк Г.Е.** – командир 77-ой инженерной бригады РВГК (1960-1963);
- Гумиров В.М.** – командир 220ой БОН РВГК (1949-1953), полковник, затем генерал-майор;
- Гуров** – комиссар академии им. Ф.Э. Дзержинского (1935-);
- Гусаров П.В.** – преподаватель физкультуры в Ярополецкой школе (1918-1922);
- Дегтярёв П.А.** – член Военного Совета ГМЧ (1941-1943);
- Диброва И.Ф.** – командир 73-ей инженерной бригады РВГК (1956-1960);
- Дидык А.К.** – первый командир 233-ей инженерной бригады РВГК (1955-);
- Дорофеев** – преподаватель химии 1-ой ЛАШ (1926-1930);
- Ежова А.П.** – учащаяся Ярополецкой школы (1918-1922);

- Езергайл** – комиссар 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Жежерук Н.С.** – командир 1-ой бригады 2-ой гвардейской тяжёлой миномётной дивизии (1942-1945), подполковник;
- Жигарев** – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с полигона Капустин Яр 18.10.1947 года, представитель ВВС;
- Зарубин В.М.** – советский разведчик-нелегал в Германии (1934-1941)⁴
- Зубов М.Г.** – начальник пролитотдела БОН РВГК (1946-1949);
- Иванов В.Н.** – командир 22-ой БОН РВГК (1950-1958), генерал-майор;
- Ивонинский Г.С.** – выпускник 1955 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, генерал-майор;
- Исаев А.М.** – (1908-1971), советский конструктор авиационных и ракетных двигателей, Герой Социалистического Труда;
- Кабанов И.Г.** – Министр электропрома СССР (1946-1948);
- Казанская М.Н.** – преподаватель музыки в Ярополецкой школе (1918-192);
- Казанский А.П.** – преподаватель логики в Ярополецкой школе (1918-1922);
- Калинин М.И.** – советский государственный и партийный деятель, председатель Президиума Верховного Совета СССР (1938-1946);
- Каменев** – заместитель командира 7-ой Самарской дивизии по технической части (1930-1934);
- Кеннеди Д.Ф.** – Президент США (1961-1963);
- Кириллов-Губецкий** – начальник 1-го факультета академии им. Ф.Э. Дзержинского (1933-1936);
- Ключарёв** – преподаватель топографии 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Ковалевский** – преподаватель физкультуры 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Когтев Н.И.** – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с полигона Капустин Яр 18.10.1947 года, представитель Министерства машиностроения;

- Колесников П.В.** – командир 54-ой БОН РВГК (1949-1952), генерал-майор;
- Колесниченко И.С.** – начальник управления СВА земли Тюрингия (1945-1948);
- Колесов А.А.** – командир 85-ой инженерной бригады РВГК (1959-1960), затем (1960-1965) – командир 29 ракетной дивизии, генерал-лейтенант;
- Королёв С.П.** – (1906-1966), главный конструктор ракетно-космической техники, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик АН СССР;
- Кузнецов В.И.** – советский учёный в области автономного управления КА, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и четырёх государственных премий;
- Кузнецов Н.Н.** – начальник Главного управления вооружения (1945-1947), генерал-майор;
- Кузьмин И.Н.** – выпускник 1964 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, полковник;
- Лавров С.С.** – советский учёный, член-корреспондент АН СССР, труды по механике, автоматическому управлению и прикладной математике;
- Ладиллов А.Н.** – командир 80-ой инженерной бригады РВГК (1959-1960), затем (1960-1962) – командир 50-ой ракетной дивизии;
- Лашин** – преподаватель физики 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Левшин В.П.** – преподаватель топографии 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Лидеман** – преподаватель истории партии 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Лукашевич Г.Г.** – командир 90-ой инженерной бригады РВГК (1958-1959);
- Лукьянов Н.В.** – выпускник 1957 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, полковник;
- Маленков Г.М.** – советский государственный деятель, Председатель Особого комитета при ГКО СССР (1945-1946);

Малиновский Г.Н. – заместитель Главкома РВСН по вооружению (1973-1989), Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук генерал-полковник;

Маслов А.Г. – начальник штаба 7-ой Самарской дивизии (1930-1934), генерал-майор;

Мейер – старшина 2-ой батареи 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);

Митягин Н.С. – преподаватель русского языка 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-193);

Михайлов А.В. – командир 2-ой бригады 2-ой гвардейской тяжёлой миномётной дивизии (1942-1944);

Мишин В.П. – советский учёный в области механики, академик АН СССР, заместитель С.П. Королёва (1956-1966), Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии;

Небоженко Т.Н. – первый командир 56-ой БОН РВГК (1953-1956), полковник;

Неделин М.И. – первый Главком РВСН (1959-1960), Герой Советского Союза, главный маршал артиллерии;

Неклепьев – преподаватель физкультуры 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);

НЕМЕЦКИЕ РАКЕТЧИКИ, РАБОТАВШИЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ЗАПУСКЕ ФАУ-2 С ПОЛИГОНА КАПУСТИН ЯР 18.10.1947 года:

Греттруп Х.

Магнус К.

Швардт Р.

Шмидт Т.

Умпференбах К.

Нестеренко А.И. – первый начальник космодрома Байконур (1955-1958), генерал-лейтенант;

Новиков – преподаватель математики 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);

Носовский Н.Э. – начальник 1-го Главного управления Министерства вооружений;

ОФИЦЕРЫ БОН РВГК (1946-1953)

Анисенко Г.Л.
Баврин В.А.
Башмаков А.С.
Беляков И.С.
Боков В.А.
Болматков В.Я.
Болтов М.П.
Бровко И.Б.
Ванников Р.Б.
Веремеенко П.П.
Воробьёв
Гавриков С.Ф.
Герасюта
Дядин Г.В.
Зайцев
Зимин Е.И.
Иоффе Г.И.
Кадзаев С.И.
Карельский Н.В.
Кастальев В.В.
Кладницкий И.К.
Киселёв П.Е.
Козляковский Д.Ф.
Комиссаров Б.А.
Косоруков
Крайзман
Кузовкин В.А.
Кулепётов Н.П.
Лавров
Матвеев П.М.
Марковский Д.И.
Меньшиков В.А.
Мозжорин Ю.А.
Монахов Н.К.
Носов А.И.
Орлов Н.Н.
Павловский
Подкидышев Г.Ф.
Привалов М.М.
Путов В.Н.
Пушкин Ф.Е.
Рождественский А.Т.
Сиренко В.И.
Смаглий Л.В.

Смирницкий Н.Н.
Созник Н.И.
Трегуб Я.И.
Ханин Б-М.Г.
Чаянов И.М.
Шубравый И.И.
Эккер Г.Г.
Яцюта П.П.

- Пануев А.Ф.** – заместитель начальника Главного штаба РВСН (1960-1974), генерал-лейтенант;
- Парновский** – командир 5-го ГМП 29-ой бригады ГМЧ, полковник;
- Паулюс Ф.** – командующий 6-ой армией немецких ВС (1940-1942), генерал-фельдмаршал;
- Пашков А.С.** – выпускник 1955 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, полковник;
- Пашковский С.И.** – преподаватель истории Ярополецкой школы (1918-1922);
- Первухин С.А.** – преподаватель первой Московской гимназии (1914-1917);
- Петрушков** – товарищ А.Ф. Тверецкого, студент Московского строительного техникума (1923-1926);
- Пилюгин Н.А.** – советский учёный в области систем управления ракет-носителей для ИСЗ и КА, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий;
- Плотников В.А.** – командир полка 2-ой гвардейской тяжёлой миномётной дивизии (1942-1945), полковник;
- Победоносцев Ю.А.** – главный инженер института «Нордхаузен» (1945);
- Поцелуев А.В.** – выпускник 1955 года Ростовского Высшего артиллерийского училища, генерал-майор;
- Преображенский** – преподаватель математики 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Рокоссовский К.К.** – в годы Великой Отечественной войны командующий Брянским, Донским, Центральным, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, Маршал Польши и Советского Союза, дважды Герой Советского Союза;

Русецкий А.Ф. – директор Ярополецкой школы (1918-1922);

Рябиков М.В. – советский государственный и партийный деятель, заместитель Министра вооружений (1939-1951), Герой Социалистического Труда, генерал-полковник-инженер;

Ряжских А.А. – выпускник 1955 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, генерал-полковник;

Рязанский М.С. – советский учёный, главный конструктор радиотехнических систем для КА, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда лауреат ленинской и Государственной премий;

Серов И.А. – заместитель наркома внутренних дел СССР (1946-1955), Герой Советского Союза, генерал армии. /Всех наград и званий лишён в 1963 году, после разоблачения предателя Пеньковского/;

Сивков А.К. – начальник академии им Ф.Э. Дзержинского (1937-1941);

Сипкин А.Я. – выпускник 1959 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища;

Смирнов Ю.В. – выпускник 1955 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, полковник;

Соколов А.И. – (1910-1976), советский военный деятель, учёный в области аппаратостроения доктор технических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий;

Соколовский В.Д. – Главноначальствующий СВАГ (1945-1947);

Соловьёв В.Г. – командир 3-ей гвардейской тяжёлой миномётной дивизии (1941-1943);

Соловьёв Е.И. – товарищ А.Ф. Твердеего, студент Московского строительного техникума (1923-1926);

СОТРУДНИКИ ГРУППЫ «ВЕРК-3» (1946-1947):

Курило Е.М.

Обухов К.А.

Рудницкий В.А.

Фонарёв

СОТРУДНИКИ ГРУППЫ «ВЫСТРЕЛ» (1946-1947) – группа С.П. КОРОЛЁВА:

Артамонов
Воскресенский Л.А.
Горюнов
Лавров С.С.
Мишин В.П.
Пилюгин Н.А.

СОТРУДНИКИ ГРУППЫ «ЛАНГЕЗАЛЬЦ» (1946-1947):

Дыба
Малов
Трубачёв

СОТРУДНИКИ ГРУППЫ «ЛЕЕСТЕН» (1946-1947):

Гречанинов
Шабранский

СОТРУДНИКИ ГРУППЫ (ИНСТИТУТ «РАВЕ») (1946-1947)

Богуславский Е.Я.
Исаев А.М.
Кастальев В.В.
Пилюгин Н.А.
Черток Б.Е.

Сталин И.В. – Верховный Главнокомандующий ВС СССР, Нарком обороны, Председатель СНК и ГКО (1941-1945), генералиссимус;

Стогов Н.М. – преподаватель первой Московской гимназии (1914-1917);

Стерженьбицкий – помощник командира 2-ой батареи 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);

Суков М.К. – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с полигона Капустин Яр 18.10.1947 года, представитель Главкислорода;

Сухина Г.А. – член Союза писателей России, автор книги из цикла ЖЗЛ «Григорьев»;

Тамкович Г.М. – выпускник 1957 года Ростовского Высшего инженерного артиллерийского училища, генерал-майор;

Тарнавский В.В. – заместитель командира БОН РВГК по тылу (1946-1949), полковник;

Тверецкая А.А. – Александра Александровна – мать А.Ф. Тверецкого;

Тверецкая А.К. – Анна Константиновна – жена А.Ф. Тверецкого;

Тверецкая Н.А. – Нина Александровна – дочь А.Ф. Тверецкого;

Тверецкий А.Ф. – гвардии генерал-майор артиллерии, первый командир БОН РВГК (1946-1949);

Тверецкий Ф. – Фёдор – отец А.Ф. Тверецкого;

Терентьев В.П. – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с полигона Капустин Яр 18.10.1947 года, представитель Министерства судостроения;

Терновых И.В. – выпускник Ростовского высшего артиллерийского инженерного училища им. М.И. Неделина, полковник;

Толубко В.Ф. – Главком РВСН (1972-1985), Герой Социалистического Труда, генерал армии;

Тонких Ф.П. – командир 23-ей БОН РВГК (1954-1956), заместитель Главкома РВСН по боевой подготовке (1961-1963), начальник академии им. Ф.Э. Дзержинского (1969-1985), Герой Социалистического Труда, генерал-полковник;

Триандафиллов В.К. – советский военный деятель и теоретик, заместитель начальника штаба РККА (1923-1931);

Тризна – начальник академии им. Ф.Э. Дзержинского (1933-1935);

Тухачевский М.Н. – советский военный деятель, начальник штаба РККА (1925-1928), первый заместитель Наркома обороны (1936-1937), Маршал Советского Союза;

Тюлин Г.А. – начальник института «Берлин» (1946), впоследствии Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор технических наук, генерал-лейтенант;

УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ОСОБОГО КОМИТЕТА ПРИ ГКО (1942-1946);

Гамов К.С.

Кучумов П.С.

Сабуров М.З.

- Устинов Д.Ф.** – советский государственный, партийный и военный деятель Нарком Министерства вооружения (1941-1953), Министр оборонной промышленности (1953-1957). Министр обороны СССР (1976-1984), дважды Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза;
- Уткин Ф.Ф.** – советский конструктор ракетных комплексов, доктор технических наук, профессор, лауреат Ленинской и Государственной премий, дважды Герой Социалистического Труда;
- Фанталов Г.М.** – командир оперативной группы ГМЧ 65-ой армии Донского фронта (1942), полковник;
- Федотов** – начальник 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Филатов** – командир дивизиона 1-ой Ленинградской артиллерийской школы (1926-1930);
- Фирюбин Н.Ф.** – секретарь МК ВКП(б), член Военного Совета ГМЧ (1941-1943);
- Флёров И.А.** – командир 1-ой отдельной экспериментальной батареи «катюш» (1941-1942);
- Холмогоров М.С.** – преподаватель математики Ярополецкой школы (1918-1922);
- Холопов А.И.** – командир 72-ой инженерной бригады РВГК (1958-1960), начальник института им. А.Ф. Можайского (1977-1988);
- Хрулёв А.В.** – советский государственный и военный деятель, начальник тыла ВС СССР (1946-1951);
- Хрущёв Н.С.** – глава советского государства (1953-1964);
- Челомей В.Н.** – советский учёный в области механики, разработчик ракеты-носителя «Протон» и космических станций типа «Салют», академик АН СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда;
- Черненко П.Г.** – командир 92-го ГМП (1942-1945), с 1946 года – заместитель командира БОН РВГК, подполковник;
- Черток Б.Е.** – советский учёный, в 1946 году создал в Германии, земля Тюрингия, институт «РАБЕ» член-корреспондент академии наук СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда.

- Чистяков М.Н.** – председатель экзаменационной комиссии в 1955 году во время первого выпуска инженеров-ракетчиков из Ростовского Высшего артиллерийского инженерного училища, маршал артиллерии;
- Чумак М.М.** – командир 80-ой инженерной бригады РВГК (1953-1955), полковник;
- Шамшин И.А.** – командир оперативной группы ГМЧ Донского фронта 1941 г., генерал-майор;
- Шевяков** – товарищ А.Ф. Тверецкого, учащийся Яропольской школы (1918-1922);
- Шитов В.К.** – представитель института «Нордхаузен» в Пенемюнде (1941-1947);
- Шишкин С.П.** – член Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с полигона Капустин Яр 18.10.1947 года, представитель Министерства авиаприборостроения;
- Шмаков В.А.** – начальник центра формирования ГМЧ (1941-1942), полковник;
- Шубный М.Б.** – командир 77-ой инженерной бригады РВГК (1953-1958), полковник;
- Яблоков** – заместитель командира 29-ой бригады ГМЧ по политической части, подполковник;
- Яковлев** – преподаватель русского языка в 1-ой Ленинградской артиллерийской школе (1926-1930);
- Яковлев Н.Д.** – советский военачальник, маршал артиллерии, Главком войск ПВО (1955-1960), председатель Государственной комиссии по запуску ФАУ-2 с полигона Капустин Яр 18.10.1947 года;
- Яшин Ю.А.** – выпускник 1955 года Ростовского Высшего артиллерийского инженерного училища, генерал армии., Первый заместитель Главкома РВСН, заместитель Министра обороны СССР – Председатель Гостехкомиссии СССР (1989-1992).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буценко В.Д., «Катюши» на поле боя от Сталинграда до Берлина: боевой путь 2-ой гвардейской миномётной Краснознамённой ордена Александра Невского Городокско-Берлинской дивизии», г. Астрахань, издательство «Волга», 1997.
2. Голованов Я.К., «Королёв: факты и мифы», Москва, «Наука», 1994.
3. Гавриленко В.Е., «У истоков стратегических», РВСН, ЦИПК, 2004.
4. Гордеев Ю.А. (общая редакция), «Первое ракетное», Ростов-на-Дону, издательство Ростовского военного института, 2001.
5. Диков В.С. и др., (составители), «От легендарных «катюш» к стратегическим» (сборник воспоминаний ветеранов-ракетчиков), РВСН, ЦИПК, 2009.
6. Кобелев В.Н. (общая редакция), «Ростовское Высшее военное командное училище им. главного маршала артиллерии М.итрофана Ивановича Неделина», Ростов-на-Дону, 1976.
7. Колесников Н.П. (общая редакция), «История КИК управления КА от истоков до главного испытательного Центра имени Г.С. Титова», Москва, изд-во ЗАО СП «Контакт-РЛ», 2006.
8. Мадер Юлиус, «Тайна Хантсвилла (документальный рассказ о карьере «ракетного барона» Вернера фон Брауна)», Москва, Политическая литература, 1965.
9. Малиновский Г.Н. (общая редакция), «Первое ракетное соединение ВС страны», РВСН, ЦИПК, 1996.
10. Мельник Т.Г. (общая редакция), «Военно-космические Силы» (военно-исторический очерк), Москва, «Наука», 1997.
11. Мозжорин Ю.А. (общая редакция), «Дороги в космос» (воспоминания ветеранов ракетно-космической техники и космонавтики), Москва, МАИ, 1992.

12. **Монахов Н.К.** (общая редакция), «Памятные старты», РВСН, ЦИПК, 2001.
13. **Морозов Ю.Б.** (общая редакция), «С днём рождения» (60-летию первого пуска посвящается), РВСН, ЦИПК, 2007.
14. **Перевозчиков Н.И. и др.** «Полигон «Капустин Яр», г. Волжский, ОАО «Альянс», 2001.
15. **Семёнов Ю.П.** (общая редакция), «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королёва», г. Королёв, издательство корпорации «Энергия», 1996.
16. **Сергеев И.Д.** (общая редакция), «Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения, Москва, ЦИПК, 1996.
17. **Соловцов Н.Е.** (общая редакция), «Стратегические ракетчики России», Москва, «Голос-пресс», 2004.
18. **Яковлев В.Н.** (общая редакция), «Ракетный щит Отечества», Москва, ЦИПК, 1999.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие. С ЭТОГО начинались Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).....	5
Глава 1. Не так-то просто генералом стать, ещё труднее чин сей оправдать.....	12
Глава 2. Ракетные трофеи сразу шли по особому указу.....	31
Глава 3. Ракетные войска в степях берут начало: старт взяли от «Капьярского причала».....	66
Глава 4. Похвал лишь тот достоин генерал, кто армии таких же воспитал.....	91
Наши выводы.....	104
Благодарные потомки памяти великого ракетчика в стихах.....	105
П Р И Л О Ж Е Н И Я.....	106
ПРИЛОЖЕНИЕ-1.....	107
А.Ф. Тверецкий о выдающихся советских ракетных конструкторах. О Сергее Павловиче Королёве О Николае Алексеевиче Пилюгине О Владимире Павловиче Бармине О Михаиле Сергеевиче Рязанском О Викторе Ивановиче Кузнецове	
Ксерокопии документов, написанных рукой А.Ф. Тверецкого.....	114
ПРИЛОЖЕНИЕ-2 (О первой встрече с Сергеем Павловичем Королёвым)...	115

ПРИЛОЖЕНИЕ-3 (Из моей автобиографии).....	119
Об учебных заведениях, которые окончил А.Ф. Тверецкий.	120
ПРИЛОЖЕНИЕ-4 (Ярополецкая школа).....	121
ПРИЛОЖЕНИЕ-5 (Московский строительный техникум).....	122
ПРИЛОЖЕНИЕ-6 (1-ая ЛАШ им. «Красного Октября»).....	123
ПРИЛОЖЕНИЕ-7 (Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского).....	125
ПРИЛОЖЕНИЕ-8 (Общая фотография первого выпуска инженерно-командного факультета академии им. Ф.Э. Дзержинского 1938 года)	128
ПРИЛОЖЕНИЕ-9 – Список лиц, упоминавшихся в военно-историческом очерке «ПЕРВЫЙ РАКЕТНЫЙ КОМБРИГ» (в алфавитном порядке).....	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
О Г Л А В Л Е Н И Е.....	147